ЮС 0х9.1
Х 67

А.А.ХМЫРОВ

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

·ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·

А. А. ХМЫРОВ

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

МОСКВА
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

Х629.3

67.99(2)93
Х 67

ХАРЬКОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТ
им. Ф. Э. Дзержинского
Инв. № 182117

Хмыров А. А.

Х 67 Косвенные доказательства. — М.: Юрид. лит., 1979.— 184 с.

Освещены наиболее сложные вопросы, возникающие у следователей и судей при принятии ими решений на основе косвенных доказательств. Основное внимание автор уделяет особенностям проверки и оценки косвенных доказательств, переходу от вероятности к достоверности в процессе доказывания, вопросу о достаточности улик.

Для следователей, судей и прокуроров, а также преподавателей и студентов юридических вузов.

Х $\frac{11002—098}{012(01)—79}$ БЗ-23-11-79 1203140000 67.99(2)93

© Издательство «Юридическая литература», 1979

Глава I. Понятие и структура доказывания с помощью косвенных доказательств

1. Доказательства и предмет доказывания

Методы косвенного познания фактов, недоступных непосредственному наблюдению, широко используются наукой во всех ее отраслях. Без преувеличения можно сказать, что именно этим методам современная наука обязана большинством своих фундаментальных открытий.

Естественно, что и в судебном познании косвенные доказательства играют весьма важную роль. Практически ни одно преступление не может быть раскрыто без использования косвенных доказательств, а во многих случаях они являются единственным средством раскрытия наиболее тяжких и опасных преступлений. Вот почему проблема косвенных доказательств издавна привлекала внимание процессуалистов и криминалистов. Большой вклад в ее исследование внесли советские ученые М. М. Гродзинский, М. П. Шаламов, В. И. Каминская, Г. М. Миньковский, А. И. Винберг, Р. Д. Рахунов, А. А. Эйсман и другие. Ими разработаны основы советской теории косвенных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Тем не менее отношение к косвенным доказательствам и в теории, и на практике все еще остается противоречивым. Известная часть практических работников обнаруживает непонятное недоверие к косвенным доказательствам, недооценивает их возможности в установлении фактических обстоятельств преступления. Это недоверие поддерживается некоторыми (правда, единичными) высказываниями отдельных представителей юридической науки. Встречаются случаи и противоположного

порядка, когда значение отдельных улик переоценивается, что нередко влечет судебные ошибки. Следственная и судебная практика испытывает затруднения в оперировании косвенными доказательствами, и ее потребности порождают необходимость дальнейшей разработки теории их применения в уголовных делах.

Разработку вопросов, связанных с использованием косвенных доказательств в уголовных делах, целесообразно начать с рассмотрения таких общетеоретических понятий, как понятия доказательства и предмета доказывания.

Достижение истины в уголовном судопроизводстве осуществляется путем доказывания — процесса, в ходе которого следователь и суд должны установить все юридически значимые обстоятельства дела в полном соответствии с действительностью. Однако характеризовать доказывание только как процесс, направленный на получение истинных знаний, было бы недостаточно.

Наука и общественная практика во всех ее областях всегда требуют не только истинных, но и достоверных знаний, т. е. знаний обоснованных, удостоверенных, полученных таким способом, который гарантирует их истинность и возможность проверки последней. В уголовном судопроизводстве, где фактические обстоятельства, установленные следователем и судом, служат основой для принятия ответственных решений, затрагивающих судьбы людей, требование достоверности используемых знаний особенно важно. С этой целью закон детальнейшим образом регламентирует средства и способы доказывания, что гарантирует оптимальный, т. е. наиболее целесообразный и эффективный с точки зрения задач судопроизводства порядок получения, проверки и удостоверения знаний. Сведения, полученные непроцессуальным путем (например, в результате оперативно-розыскной деятельности, из сообщений печати и т. п.), как лишенные надежных гарантий достоверности, имеют лишь вспомогательное значение и не могут служить основанием для выводов по делу.

Доказывание в уголовном судопроизводстве (судебное доказывание) решает таким образом двуединую задачу: с одной стороны, установление истины об обстоятельствах расследуемого преступления, с другой — обоснование полученных знаний. Эта двуединая цель достигается в ходе осуществляемой в предусмотренном про-

цессуальным законом порядке деятельности органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке доказательств[1].

В процессуальной и криминалистической литературе при освещении вопроса о гносеологической природе судебных доказательств обоснованно указывается, что доказательства являются результатом отражения события преступления в окружающей среде[2]. При этом ссылаются на известное высказывание В. И. Ленина о том, что «вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»[3]. Общеизвестно, что это свойство материи обусловлено наличием всеобщей связи и взаимозависимости явлений. В силу этой взаимосвязи всякое изменение одних объектов (явлений, событий, процессов) неизбежно вызывает соответствующие изменения других, связанных с ними. Эти изменения, будучи отражением события преступления в окружающей среде, могут быть названы следами преступления (в самом широком смысле этого слова). Они являются теми фактическими данными, которые дают возможность следователю и суду восстановить картину совершенного преступления и установить виновных.

Как известно, объекты окружающей среды с изменениями в них, вызванными преступлением (со «следами преступления»), еще не являются доказательствами — они представляют лишь гносеологическую их предпосылку. Для того чтобы стать доказательствами по уголовному делу, они должны быть познаны и надлежащим образом удостоверены субъектами доказывания: судом, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Познание и удостоверение фактических данных осуществляется в порядке, строго регламентированном нормами уголовно-процессуального права.

Из этих предпосылок и исходит закон (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 69 УПК РСФСР[4]), определяя понятие доказательства: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Однако определение не устранило дискуссии среди советских процессуалистов, которые в понятие «фактические данные» вкладывают разное содержание.

После принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[5] значительное распространение получил взгляд, согласно которому «фактическими данными», о которых говорит закон, являются только факты объективной действительности[6].

Сколь ни заманчива эта точка зрения, считать ее правильной нет достаточных оснований. Ни следователь, ни судья, ни любой другой участник процесса не могут оперировать реальными фактами объективной действительности (в подавляющем большинстве своем существовавшими в прошлом); они могут оперировать лишь знаниями об этих фактах, информацией о них, полученной из указанных в законе источников. Между тем в своих рассуждениях и в процессуальных документах следователи и судьи нередко оперируют терминами «факт», «факты». Это можно объяснить тем, что достоверное и точное знание по содержанию соответствует своему предмету, адекватно ему, вследствие чего нередко происходит подмена понятий: оперируя достоверными знаниями о фактах, мы говорим и представляем дело так, будто мы оперируем самими фактами реальной действительности. Следует, однако, помнить, что гносеологически объективный факт и знание об этом факте (любой степени точности) — не одно и то же.

Трудность разграничения в сознании и в языке реальных фактов и достоверных знаний о них существует объективно, и она, как нам кажется, послужила одной из причин того, что многие ученые высказались в пользу рассматриваемой точки зрения. Немалое значение, очевидно, имеет здесь и то обстоятельство, что в философской литературе понятие «факт» иногда употребляется и в другом смысле: им обозначается элемент научного знания, достоверное знание о реально существующих (существовавших) явлениях, событиях, состояниях и процессах объективной действительности[7]. В таком значении термин «факт» употребляется и некоторыми со-

ветскими криминалистами[8]. Мы считаем, однако, правильным традиционное понимание термина «факт», когда им обозначают реальные явления и события объективной действительности[9].

Нельзя также считать доказательством только достоверные знания о событиях реальной действительности, так как достоверность их должна быть предварительно доказана, а средства, которыми она может быть установлена, не могут быть не чем иным, как доказательствами по уголовному делу.

Наконец, считать факты доказательствами нельзя еще и потому, что доказательство, по смыслу закона (ст. 16 Основ, ст. 69 УПК РСФСР), включает в себя как фактические данные (сведения о фактах), так и процессуальный источник, в котором эти данные содержатся. В отрыве друг от друга ни фактические данные, ни источники доказательствами служить не могут[10].

По этой, в частности, причине не может быть признана правильной и точка зрения тех ученых, которые считают, что действующий закон сохранил «двойственное понимание» доказательства[11].

Несостоятельность как первой, так и второй точек зрения[12] привели к тому, что в последние годы среди советских процессуалистов доминирующим стал взгляд, согласно которому термином «фактические данные» охватываются сведения о фактах, содержащиеся в показаниях, документах и других источниках[13].

Фактические данные могут использоваться для установления обстоятельств дела, для решения всех вопросов, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства, только в том случае, если они содержатся в указанных в законе источниках. Источник, который не содержит фактических данных об обстоятельствах преступления, также не может рассматриваться в качестве доказательства. Понятие доказательства непременно включает единство источника и фактических данных[14].

В связи с этим возникает вопрос о доказательственном значении установленных по делу фактов, сведения о которых содержатся в процессуальных источниках, если на основании этих фактов (называемых в теории уголовного процесса доказательственными или промежуточными фактами) делаются выводы о наличии или отсутствии события преступления, виновности обвиняемого и других юридически значимых обстоятельств дела.

Они, с нашей точки зрения, безусловно доказывают существование подлежащих доказыванию обстоятельств, однако отождествлять их с фактическими данными, содержащимися в процессуальных источниках, нельзя.

Существование промежуточных фактов нередко устанавливается из нескольких источников доказательственной информации (например, факт вражды или угрозы может быть установлен показаниями нескольких лиц). В этом случае промежуточный факт имеет совокупный источник[15], но и от этого совокупного источника следователь и суд абстрагируются, оперируя им при обосновании своих выводов. Эти факты, строго говоря, являются аргументами в логическом доказывании[16].

Промежуточные факты, дающие основание для вывода о наличии события преступления, виновности обвиняемого и других подлежащих доказыванию обстоятельств дела, мы будем называть *уликами*[17]. Промежуточные факты, устанавливающие отсутствие события преступления или невиновность обвиняемого — *противоуликами*.

Важнейшим понятием теории доказательств наряду с доказательством является *предмет доказывания* (обстоятельства, подлежащие доказыванию)[18]. Правильное его определение позволяет установить конкретные задачи, направление и объем расследования и судебного разбирательства дела, сделать их целеустремленными и планомерными, полно и всесторонне вести расследование и разбирательство дела и в то же время затрачивать на это минимум времени и средств. Точное определение предмета доказывания позволяет правильно решить вопрос и о классификации доказательств, в частности о делении их на прямые и косвенные.

В соответствии со ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР по любому уголовному делу подлежат доказыванию только такие обстоятельства, от наличия которых непосредственно зависит решение вопросов о наличии или отсутствии преступления, его квалификации, виновности или невиновности подсудимого, о мере наказания. Иначе говоря, в предмет доказывания законодатель включает только те обстоятельства, которые имеют материально-правовое значение, установление которых позволяет правильно разрешить все правовые вопросы[19].

Как и любое событие реальной действительности, преступление характеризуется множеством признаков.

Они, с нашей точки зрения, безусловно доказывают существование подлежащих доказыванию обстоятельств, однако отождествлять их с фактическими данными, содержащимися в процессуальных источниках, нельзя.

Существование промежуточных фактов нередко устанавливается из нескольких источников доказательственной информации (например, факт вражды или угрозы может быть установлен показаниями нескольких лиц). В этом случае промежуточный факт имеет совокупный источник[15], но и от этого совокупного источника следователь и суд абстрагируются, оперируя им при обосновании своих выводов. Эти факты, строго говоря, являются аргументами в логическом доказывании[16].

Промежуточные факты, дающие основание для вывода о наличии события преступления, виновности обвиняемого и других подлежащих доказыванию обстоятельств дела, мы будем называть *уликами*[17]. Промежуточные факты, устанавливающие отсутствие события преступления или невиновность обвиняемого — *противоуликами*.

Важнейшим понятием теории доказательств наряду с доказательством является *предмет доказывания* (обстоятельства, подлежащие доказыванию)[18]. Правильное его определение позволяет установить конкретные задачи, направление и объем расследования и судебного разбирательства дела, сделать их целеустремленными и планомерными, полно и всесторонне вести расследование и разбирательство дела и в то же время затрачивать на это минимум времени и средств. Точное определение предмета доказывания позволяет правильно решить вопрос и о классификации доказательств, в частности о делении их на прямые и косвенные.

В соответствии со ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР по любому уголовному делу подлежат доказыванию только такие обстоятельства, от наличия которых непосредственно зависит решение вопросов о наличии или отсутствии преступления, его квалификации, виновности или невиновности подсудимого, о мере наказания. Иначе говоря, в предмет доказывания законодатель включает только те обстоятельства, которые имеют материально-правовое значение, установление которых позволяет правильно разрешить все правовые вопросы[19].

Как и любое событие реальной действительности, преступление характеризуется множеством признаков.

Некоторые авторы предлагают включить промежуточные факты в предмет доказывания не в качестве обязательного, а в качестве факультативного элемента: в тех случаях, когда доказывание осуществляется с помощью косвенных доказательств, образующие их доказательственные факты сами должны быть доказаны[23]. Изучение следственной и судебной практики показывает, что почти не встречается дел, в которых в той или иной мере не использовались бы косвенные доказательства. Это означает, что промежуточные факты практически стали бы не факультативными, а обязательными элементами предмета доказывания. Но дело не только в этом. Нельзя точно предвидеть, какие именно промежуточные факты могут быть установлены по каждому делу. Столь неопределенное содержание предмета доказывания лишает это понятие практического значения.

В предмет доказывания входят только такие факты, которые содержат в себе признаки расследуемого преступления или имеют правовое значение для решения вопросов о виновности (или невиновности) привлеченного к ответственности лица и применении к нему наказания[24].

С предметом доказывания в процессуальной литературе нередко связывается понятие так называемого главного факта. Единого взгляда на содержание этого понятия в советской процессуальной науке не существует. Одни авторы считают, что в понятие «главного факта» входят «все обстоятельства, указанные в ст. 68 УПК РСФСР и составляющие, по сути, содержание объективной истины по делу»[25]. В этом значении понятие «главного факта» равнозначно общепризнанному в теории понятию предмета доказывания, в связи с чем его существование представляется излишним.

Другие авторы под «главным фактом» понимают «установление в действиях лица того или иного состава преступления, т. е. лишь часть предмета доказывания, определяющую индивидуальную уголовную ответственность данного лица»[26].

М. П. Шаламов определяет «главный факт» как «сумму фактических обстоятельств, совокупность которых образует основу, главное содержание состава преступления»[27].

М. С. Строгович включает в понятие «главного факта» событие преступления, соответствующее признакам со-

става преступления, предусмотренным статьей Уголовного кодекса; совершение преступления обвиняемым, его виновность; смягчающие, отягчающие и характеризующие личность обвиняемого обстоятельства. Последствия преступления и обстоятельства, способствовавшие его совершению, он оставляет за пределами «главного факта»[28].

Некоторые авторы под «главным фактом» понимают виновность лица в совершении преступления или факт совершения преступления данным лицом[29].

Против применения этого понятия говорит прежде всего то, что понятие это лишено реального содержания, ибо, как правильно заметил С. А. Голунский, «такой вещи, как «главный доказуемый факт», в природе не существует»[30]. Этим понятием обычно охватывается сложный комплекс реальных фактов, каждый из которых для расследования и разбирательства дела является столь же «главным», как и образуемая ими совокупность.

Выделение из подлежащих доказыванию фактических обстоятельств «главного факта» означает отнесение всех остальных фактов к числу второстепенных. Но это, как справедливо отметил М. М. Гродзинский, противоречит самой сущности доказывания в советском уголовном процессе[31].

Применение понятия «главный факт» приводит подчас к искажению сущности доказательств в советском уголовном процессе. Оперируя этим понятием, И. Б. Михайловская утверждает, что «существуют и такие доказательства, которые не находятся в какой-либо объективной связи с главным фактом»[32], что дает повод думать о возможности существования обвинительных доказательств, не имеющих объективной связи с обстоятельствами расследуемого преступления.

Следует согласиться с С. В. Курылевым, считавшим «по меньшей мере ненужной» конструкцию «главного факта» и полагавшим необходимым устранить ее, помимо прочего, еще и потому, что «она служит основой для неправильного мнения об основаниях деления доказательств на прямые и косвенные, основой для бесплодных споров об объеме обстоятельств, охватываемых понятием «главного факта»[33].

В литературе отмечается, что употребление понятия «главный факт» имело смысл в условиях, когда законодательство не содержало нормы об обстоятельствах,

подлежащих доказыванию. При наличии же такой нормы это понятие превратилось «в бессодержательный термин, фикцию, ничего не дающую ни теории уголовного процесса, ни практике»[34]. Многие советские ученые высказали обоснованное мнение, что с принятием нового уголовно-процессуального законодательства, четко определившего предмет доказывания, дальнейшее применение в теории понятия «главный факт» нельзя признать оправданным[35].

2. Понятие косвенных доказательств

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, могут быть установлены двумя различными путями.

В показаниях свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, в заключениях экспертов, в письмах, написанных обвиняемыми или свидетелями и являющихся вещественными доказательствами по делу, могут содержаться сведения об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания в качестве одной из составных его частей (элементов). Например, по делу о подделке документа заключением эксперта может быть установлен факт подделки подписи в этом документе определенным лицом. Этот факт входит в предмет доказывания по данному делу, является составной его частью.

По делу об убийстве показание очевидца о том, что обвиняемый нанес потерпевшему удар ножом в грудь, также прямо указывает на преступление, так как устанавливает факт, который является составной частью обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Объективная связь таких фактов с предметом доказывания — это связь части и целого. Такая связь наиболее проста, она очевидна и в дополнительном обосновании не нуждается. Здесь задача сводится лишь к установлению достоверности сведений об этом факте. Таким путем доказывание осуществляется при использовании доказательств, содержанием которых являются сведения о фактах, входящих в предмет доказывания в качестве его элементов и связанных с ним как часть с целым. Такие доказательства являются *прямыми*.

Второй путь доказывания более сложен. Здесь следователю и судье приходится иметь дело с доказательствами, содержанием которых являются сведения о фактах, не входящих в предмет доказывания по данному делу. Из этих промежуточных или побочных фактов (например, по делу об убийстве — обнаружение у подозреваемого вещей убитого, по делу о хищении — бестоварность накладной, сокрытие недостачи и т. п.) затем делается вывод о наличии обстоятельств, входящих в предмет доказывания по данному делу[36].

Связь таких доказательств с элементами предмета доказывания носит опосредствованный, а потому более сложный характер. Поэтому на первых порах, когда следователь сталкивается с отдельным таким доказательством, его связь с предметом доказывания может только предполагаться, допускаться в качестве вероятной. Например, пребывание обвиняемого на месте убийства может быть причинно связано с совершением им этого преступления. Но оно может быть связано и с другими событиями (человек случайно оказался на этом месте до или после совершения преступления и т. п.). Установление достоверности такого отдельного факта не исчерпывает задачи доказывания: необходимо, кроме того, установить наличие объективной связи между ним и расследуемым преступлением, а это может быть сделано лишь при сопоставлении данного факта с другими доказательствами и установлении объективной связи между ними.

Доказательства, содержанием которых являются сведения о промежуточных фактах, не входящих в предмет доказывания, но в силу своей объективной связи с ним дающих основание для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств исследуемого преступления, являются *косвенными* доказательствами.

Исследование особенностей применения косвенных доказательств в качестве первоочередной предпосылки требует четкого определения прямых и косвенных доказательств, которое бы правильно раскрывало их сущность и указывало на специфические особенности. В настоящее время общепризнанным критерием классификации доказательств на прямые и косвенные является их отношение к предмету доказывания. Однако интерпретация этого критерия настолько различна, что не способствует усвоению практикой правильного подхода к такой

классификации. Мы считаем нужным критически рассмотреть некоторые из них.

Прежде всего рассмотрим те определения, которые критерием деления доказательств на прямые и косвенные считают их отношение к «главному факту». Большинство сторонников такого определения косвенных доказательств под «главным фактом» понимают виновность лица в совершении преступления и определяют прямые доказательства как прямо устанавливающие «главный факт», а косвенные — как устанавливающие побочные факты, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии «главного факта»[37].

Ранее было показано, что «главный факт» — термин, неудачно дублирующий понятие предмета доказывания, однако менее точный и менее определенный. По существу, термином «виновность» в этом контексте также стремятся обозначить «главный факт», иначе говоря, какую-то неопределенную часть предмета доказывания.

Если же под виновностью понимать только причастность конкретного лица к преступлению, то такой подход ориентировал бы следователей и судей на установление лишь причастности лица к преступлению, а не на выяснение всех существенных обстоятельств по делу.

Поскольку прямых доказательств, содержащих информацию о всех элементах предмета доказывания, в практике почти не встречается, целесообразно считать критерием выделения прямого доказательства один (любой) элемент предмета доказывания[38].

Между тем даже те авторы, которые полагают, что прямыми доказательствами устанавливается не «главный факт» в целом, а лишь «один из фактов, входящих в качестве составной части в главный факт», считают обязательным, «чтобы этот факт или факты давали основание для вывода о виновности или невиновности лица, привлеченного к делу»[39]. Понятно, что столь неопределенный критерий не может быть принят в научной классификации.

М. С. Строгович утверждает, что прямыми и косвенными являются только те доказательства, которые относятся к установлению виновности или невиновности, а доказательства, устанавливающие различные обстоятельства совершенного преступления безотносительно к виновности или невиновности обвиняемого, лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные[40].

Такое утверждение, как нам представляется, вызывает возражения не только по изложенным выше соображениям, но и потому, что противоречит одному из основных логических принципов классификации, согласно которому классификация должна охватывать весь объем классифицируемых понятий, явлений, предметов[41]. Если согласиться с тем, что основанием деления доказательств на прямые и косвенные является их отношение к предмету доказывания, то следует признать, что это деление является дихотомическим, оно охватывает все доказательства, каждое из которых может быть в данном деле прямым либо косвенным, но никогда — «нейтральным» к такому делению.

Такие же возражения вызывает мнение тех процессуалистов, которые считают необходимым рассматривать «главный факт» как единое целое и не допускают возможности установления прямыми доказательствами отдельных составляющих его элементов. По мнению этих авторов, «доказательство будет прямым, если оно указывает на главный факт в целом (т. е. отвечает на вопрос, кто совершил преступление) или отрицает его также в целом (т. е. свидетельствует о том, что данное лицо не совершало данное преступление)»[42].

Весьма спорно также, что прямое доказательство достоверно устанавливает «главный факт» или «виновность». При этом как бы презюмируется невозможность ошибки или умышленного искажения в показаниях обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. Понятно, что для такой «презумпции» нет оснований; достоверность информации, содержащейся в прямом доказательстве, проверяется и обосновывается зачастую именно косвенными доказательствами (например, установлением незаинтересованности свидетеля и т. п.).

Представляется более правильным отграничить прямые от косвенных доказательств в зависимости от того, входит или не входит факт, сведения о котором являются содержанием доказательства, в предмет доказывания по делу[43].

Возражения против этой точки зрения основаны на том распространенном в свое время заблуждении, будто бы одно прямое доказательство может послужить основанием для признания лица виновным в совершении преступления[44]. Такие опасения совершенно лишены основания, ибо никогда отдельное доказательство, неза-

висимо от того, прямое оно или косвенное, не может служить основанием для вывода о виновности. Закон (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства, ст. 71 УПК РСФСР) позволяет делать выводы по любому вопросу (в том числе и по вопросу о виновности) лишь на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. Это исключает возможность признания лица виновным на основе одного доказательства. Что же касается признания обвиняемого, на которое иногда ссылаются как на доказательство, «исчерпывающее главный факт», то закон (ст. 77 УПК РСФСР) указывает, что признание может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью доказательств по делу.

Неприемлемыми нам представляются и такие определения косвенных доказательств, которые характеризуют связь с предметом доказывания такими субъективными факторами, как предположительность или очевидность[45].

Более правильна, на наш взгляд, позиция С. В. Курылева, который в основу разграничения прямых и косвенных доказательств кладет такой признак, как однозначный или многозначный характер связи доказательства с искомым фактом[46]. Действительно, обычно косвенные доказательства связаны с предметом доказывания многозначной связью. Однако надо раскрыть причины этого.

С нашей точки зрения, при определении косвенного доказательства необходимо исходить прежде всего из того, что факт, сведения о котором содержатся в этом доказательстве, не входит в предмет доказывания по делу и поэтому связан с ним не непосредственно, как часть с целым, а лишь через посредство других фактов[47].

Определение должно содержать указание и на другой важный момент: в силу опосредствованного характера своих связей с предметом доказывания косвенные доказательства могут устанавливать отдельные обстоятельства преступления только в своей совокупности, ибо только система доказательств может выявить наличие и истинный характер объективных связей каждого доказательства с предметом доказывания.

Исходя из этого, представляется правильным определить косвенные доказательства как полученные и закрепленные в определенном законом порядке данные

о фактах, не имеющих материально-правового значения и не входящих в предмет доказывания, т. е. данные о промежуточных фактах, которые в силу объективной связи с предметом доказывания в своей совокупности позволяют прийти к выводу о наличии или отсутствии события преступления, виновности лица, его совершившего, и других обстоятельствах, имеющих юридическое значение.

При всем различии точек зрения советских авторов на определение прямых и косвенных доказательств необходимость такой классификации доказательств никем не оспаривается. При этом прямые доказательства не противопоставляются косвенным как «лучшие»—«худшим». Среди советских процессуалистов не нашла поддержки точка зрения С. В. Познышева, утверждавшего, что «ввиду рискованности умозаключений на основании косвенных улик к такому умозаключению надо прибегать в уголовном процессе лишь в случае необходимости, т. е. когда недостает прямых доказательств. Если же последние есть, они должны быть представлены в суд прежде всего, так как по каждому уголовному делу должны быть представлены лучшие доказательства»[48].

Советская теория не рассматривает косвенные доказательства как доказательства «на крайний случай», к которым следует прибегать лишь при отсутствии в деле «лучших» доказательств. И прямые, и косвенные доказательства, будучи достоверными, позволяют найти истину, и те и другие при правильном их применении могут служить надежным средством для достижения целей социалистического правосудия. Однако было бы неправильно на этом основании игнорировать специфику тех и других доказательств, ибо этой спецификой определяются различия в путях доказывания, в способах использования прямых и косвенных доказательств. Спецификой косвенных доказательств обусловлены известные трудности в доказывании, она же определяет и их значение в уголовных делах.

В первую очередь следует указать, что косвенные доказательства в судебной и следственной практике являются важнейшим средством раскрытия наиболее опасных преступлений, таких, как умышленные убийства, кражи, организованные хищения социалистического имущества должностными лицами и т. п. Эти преступления, как показывает практика, столь тяжело

ХАРЬКОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. Ю. А. Дзержинского
Инв. № 482447

готовятся и скрываются, а подчас бывают настолько сложны по своим фактическим обстоятельствам, что получить прямые доказательства их совершения в самом начале расследования обычно не удается.

Иногда косвенные доказательства — единственное средство установления обстоятельств преступления.

Однако и тогда, когда в деле имеются прямые доказательства, их тщательная, всесторонняя и объективная проверка осуществляется с помощью косвенных доказательств. Недооценка роли косвенных доказательств во многих случаях служит причиной судебных ошибок[49].

Умелое использование косвенных доказательств в ходе допроса часто дает возможность получить достоверные прямые доказательства.

Особенно важная роль принадлежит косвенным доказательствам в установлении субъективной стороны преступления. Умысел и неосторожность, мотивы и цели преступления, будучи явлениями психическими, не имеют непосредственного внешнего выражения и поэтому не могут наблюдаться со стороны. Судить о них в подавляющем большинстве случаев можно лишь по характеру действий обвиняемого, которые являются опосредствованным внешним выражением этих явлений.

3. Структура доказывания с помощью косвенных доказательств

Доказывание косвенными доказательствами представляет собой длящийся процесс, в котором можно достаточно четко выделить по меньшей мере две ступени (два этапа).

На первом этапе достигается достоверное знание о промежуточных фактах. На втором—из этих фактов делаются логические выводы о наличии или отсутствии события преступления, его юридической квалификации, виновности лица, совершившего преступление, и всех других обстоятельствах, имеющих правовое значение.

«Задача суда,—писал М. М. Гродзинский,—заключается в том, чтобы путем рассмотрения и оценки соответствующих источников доказательств решить вопрос

о доказанности тех фактов, которые могут служить уликами в данном деле. Когда же все такие факты установлены, доказывание заключается уже в анализе каждого отдельного факта, рассматриваемого как улика по делу, в установлении взаимоотношения различных улик и в разрешении вопроса о возможности—на основе всей совокупности улик, взятых в их взаимной связи,—признать доказанным событие преступления и виновность обвиняемого»[50].

Достоверное установление промежуточных фактов, являющееся задачей первой ступени доказывания, почти никогда не достигается с помощью одного доказательства. Каждый промежуточный факт устанавливается обычно несколькими доказательствами. Даже такое «бесспорное» косвенное доказательство, как следы пальцев на месте преступления, устанавливает факт пребывания на этом месте определенного лица лишь в сочетании с заключением эксперта о том, что следы оставлены именно данным лицом. В большинстве же случаев для установления каждого промежуточного факта требуется не два, а более косвенных доказательств, их совокупность (частная система).

Внутри этой совокупности необходимо установить связь каждого из сведений о фактах с тем фактом, который этими сведениями устанавливается (если свидетель показывает, что он видел обвиняемого на месте происшествия, нужно установить, об этом ли именно лице идет речь в показаниях свидетеля, нет ли в них ошибки; при обнаружении следов обуви на месте преступления необходимо установить, что эти следы оставлены обувью данного лица, и т. п.). На этой же ступени проверяется и оценивается надежность источников доказательств (оценка факторов, влияющих на формирование показаний, оценка компетентности и обоснованности заключения эксперта, и т. п.).

Таким образом, на первой ступени доказывания происходит собирание и проверка доказательств, их оценка в пределах частных систем, необходимых для достоверного установления каждого промежуточного факта.

На второй ступени доказывания делаются выводы о наличии или отсутствии всех обстоятельств, образующих предмет доказывания по делу.

Для примера можно рассмотреть доказывание по делу о краже, совершенной путем взлома.

Обстоятельства кражи и виновность в ней Н. устанавливаются следующими доказательствами:

1) Свидетель А. на допросе показал, что он видел, как Н. выходил из дома, где была совершена кража, как раз в то время, когда, по обстоятельствам дела, она была совершена.

2) В квартире, откуда была совершена кража, на вещественных доказательствах найдены следы пальцев.

3) Заключением эксперта установлено, что эти следы оставлены правой рукой Н.

4) На месте происшествия обнаружены и зафиксированы в протоколе осмотра следы обуви.

5) Заключением эксперта-трасолога установлено, что следы эти оставлены ботинками Н.

6) При осмотре места происшествия зафиксированы следы орудия, которым совершался взлом двери.

7) При обыске у Н. обнаружен небольшой ломик.

8) Заключением эксперта установлено, что следы взлома оставлены именно этим ломиком.

9) Свидетель Б. показал, что часы, принадлежащие потерпевшему, он купил у Н.

10) Свидетель В. показал, что Н. предлагал ему купить транзисторный приемник «ВЭФ-202».

11) При обыске в доме Н. были обнаружены приемник, похищенный у потерпевшего, и другие его вещи.

12) Потерпевший опознал свой приемник и другие вещи, обнаруженные у Н. при обыске, и часы, изъятые у Б., а также предъявил оставшиеся у него паспорта на часы и приемник[51].

Осмотр места происшествия, в ходе которого были обнаружены и зафиксированы следы пальцев, обуви и орудия взлома, допросы свидетелей, назначение и производство экспертиз, обыск и предъявление для опознания—все эти следственные действия позволили следователю выяснить фактические данные, которыми установлены следующие промежуточные факты:

1. Н. был на месте совершения преступления (1—5);

2. Н. обладал орудием совершения этого преступления (6—8);

3. У Н. находились вещи, похищенные в ходе этой кражи (9—12).

Достоверное установление этих промежуточных фактов и есть результат первой ступени доказывания. На

этой ступени исследуются источники доказательств, проверяется допустимость и достоверность сведений о промежуточных фактах, содержащихся в показаниях свидетелей, заключения экспертов, и т. д. Эта деятельность обычно далеко не так проста, как здесь представлено: среди групп доказательств (частных систем), устанавливающих каждый из промежуточных фактов, возможны противоречия (например, подозреваемый заявит об алиби, выяснятся противоречия в показаниях свидетелей и т. п.), для устранения которых придется проводить новые следственные действия, выявлять и проверять новые сведения о фактах. При этом следователь и суд оценивают источник, анализируют и сопоставляют полученные сведения. В результате на этом этапе доказывания достоверно устанавливаются промежуточные факты.

Только после этого доказывание переходит на следующую ступень: следователь и суд, временно абстрагируясь от источников сведений о фактах, оценивают совокупность самих промежуточных фактов, выясняя при этом, связаны ли объективно эти факты с расследуемым преступлением, их значение (какие именно из подлежащих доказыванию обстоятельств ими устанавливаются), достаточны ли они для выводов, которыми и завершается процесс доказывания.

Если на этом этапе следователь или суд убеждаются в наличии противоречий между фактами, недостаточности их для категорического вывода, доказывание снова возвращается на первую ступень: производятся необходимые действия для получения доказательств, дополнительной проверки имеющихся и т. д.[52].

Практическое значение разграничения ступеней доказывания заключается в том, что оно помогает выявить, предотвратить или исправить возможные ошибки в доказывании.

Ошибки эти могут иметь место как на первом этапе (ошибочные или заведомо ложные показания свидетелей, потерпевших и обвиняемых; необоснованные или ошибочные заключения экспертов; нарушения правил собирания доказательств и т. д.), так и на втором.

На первом этапе доказывания ошибки обычно носят «информационный» характер (заблуждения, ложь); на втором — это преимущественно логические ошибки: неправильные выводы из достоверно установленных фак-

тов, выводы, основывающиеся на недостаточном количестве этих фактов, и т. п.

Предотвращение или исправление ошибок на первом этапе возможно за счет отыскания новых косвенных доказательств, с помощью которых осуществляется проверка имеющихся, разъясняются и устраняются противоречия между ними, создается необходимый резерв доказательственной информации, гарантирующий достоверность установления фактов. Эти новые доказательства могут пополнить частные системы, устанавливающие уже известные промежуточные факты (найдены и допрошены новые свидетели, видевшие обвиняемого на месте происшествия, и т. п.). Прибавление таких данных по существу ничего не меняет в содержании доказывания на втором этапе, так как при этом не появляются новые промежуточные факты.

Одна из наиболее распространенных ошибок в доказывании уликами и заключается в том, что следователь и суд не проводят различия между сведениями о фактах и самими промежуточными фактами и делают ошибочные выводы из недостаточного числа промежуточных фактов. Легко представить, например, что человек случайно был на месте происшествия и у него обнаружены вещи потерпевшего (которые он приобрел у преступника), но этих фактов недостаточно для вывода о том, что он совершил преступление. В делах о хищениях, совершаемых должностными лицами, наиболее распространенной ошибкой является признание виновным в хищении только на основании того, что у обвиняемого обнаружена недостача ценностей.

Предотвращение таких ошибок может быть достигнуто только одним способом—достоверным установлением новых промежуточных фактов, т. е. собиранием, проверкой и оценкой новых частных систем косвенных доказательств.

Другая ошибка в доказывании на втором этапе может заключаться в том, что делаются неправильные выводы из достаточного количества промежуточных фактов. Сущность этой ошибки — в неправильном установлении связей этих фактов между собой и с предметом доказывания: либо наличие такой связи необоснованно отрицается, либо, напротив, утверждается наличие объективной связи там, где ее нет, когда случайное совпадение фактов принимается за их закономерную связь.

Глава II. Формы связи косвенных доказательств

1. Связи косвенных доказательств. Общая характеристика

Проблема связи является одной из центральных в диалектике. Диалектический материализм считает, что взаимосвязь является всеобщей формой бытия, охватывает все материальные образования и присущие им свойства[1]. Само объективное действие законов диалектики есть не что иное, как осуществление связи между явлениями[2].

В философской литературе дается много различных определений понятия «связь». Однако сущность его выражается в том, что изменение одного из связанных явлений необходимо влечет изменение другого[3].

Это свойство связей обусловливает особую познавательную ценность их обнаружения. Выявление связей позволяет познавать объекты не непосредственно, а косвенно, через другие объекты, что чрезвычайно важно для понимания механизма доказывания уликами[4].

Это обстоятельство требует подробного изучения связей, выявления их структуры, основных типов и форм[5].

Советские философы предлагали различные системы логико-методологической классификации связей[6]. Эти классификации имеют общеметодологическое значение и представляют собой попытку обобщить знания о связях в различных отраслях науки.

Естественно, что для каждой области знаний и практической деятельности, помимо общих, важное значение имеют и специфические связи, выделяемые на основе этих общефилософских понятий[7]. По этой причине в дальнейшем изложении мы будем рассматривать такие виды и формы связей, которые представляются типич-

ными и значимыми именно для уголовно-процессуального доказывания как специфической области познания и практической деятельности[8]. Из многочисленных связей мы сознательно выделяем те, которые имеют существенное значение для установления фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[9].

Весьма важным представляется разграничение связей по их типу на связи *закономерные* (необходимые) и *случайные* (совпадения).

Закономерные связи являются элементом отношений, отражаемых всеобщими законами и категориями материалистической диалектики, а также естественнонаучными законами (физическими, химическими, биологическими). Таковы, например, связи причины и следствия, условия и обусловленного, связи, основанные на законах механики и биологии, и т. п.

Совпадением называют сосуществование во времени или (и) пространстве явлений и событий, не находящихся в закономерной связи друг с другом.

Отграничение совпадений от закономерных связей имеет чрезвычайно большое значение для доказывания уликами. Большинство судебных ошибок обусловлено тем, что следователь или судьи принимают случайное совпадение отдельных фактов с событием преступления за закономерную связь между ними.

Принято также различать связи *однозначные* и *многозначные*[10]. Под однозначной понимают связь, при которой возникновение, изменение или исчезновение одного явления или объекта неизбежно влечет строго определенные изменения, возникновение или исчезновение другого явления (объекта). Многозначная связь имеет место тогда, когда изменение (возникновение, исчезновение) одного явления в зависимости от других факторов в одних случаях влечет названные изменения другого, а в других — нет.

Связь косвенных доказательств с предметом доказывания может быть как однозначной, так и многозначной. Вид связи важно учитывать при построении, анализе и оценке системы доказательств по делу: для установления отдельного промежуточного факта может оказаться достаточным одно косвенное доказательство, связанное с ним однозначной связью; в случае использова-

ния доказательств с многозначной связью для этой же цели потребуется их совокупность (частная система).

Принято, далее, различать связи *прямого* и *обратного* направления[11]. Прямым является направление от причины к следствию, от условия к обусловленному, от вещи к ее признакам и т. п. Направление от следствия к причине, от признака к вещи и т. д. считают обратным. Прямое направление, по общему правилу, характеризуется однозначностью связи. Связи обратного направления, как правило, многозначны. Так, выстрел пулей в стекло однозначно влечет за собой образование пробоины в нем. Однако из наличия пробоины в стекле нельзя сделать однозначный вывод о выстреле в это стекло — пробоина могла образоваться, и по другой причине, например от удара быстро летящего камня.

В ходе доказывания преобладают выводы (преимущественно используются связи) обратного направления, так как судебное доказывание с гносеологической стороны «по преимуществу является реконструкцией прошлых событий»[12]; преобладают многозначные связи, что необходимо учитывать при оценке как каждого доказательства в отдельности, так и всей их совокупности при построении их системы.

Общепризнанным является деление связей на *непосредственные* и *опосредствованные* (косвенные, многоступенчатые), оно лежит в основе классификации доказательств на прямые и косвенные. Однако и для доказывания уликами различие непосредственных и многоступенчатых связей имеет существенное значение. Степень удаленности косвенного доказательства от предмета доказывания может быть различной. В простейших случаях между ними находится один промежуточный факт: следы пальцев Н. обнаружены на месте происшествия — Н. был на этом месте — Н. участвовал в совершении преступления. Между тем в практике расследования очень часто встречаются косвенные доказательства, отделенные от искомого обстоятельства несколькими промежуточными фактами.

Выделение многоступенчатых связей имеет большое практическое значение: опасность ошибок как в оценке достоверности данных о каждом из промежуточных фактов, так и в выводах из этих фактов увеличивается пропорционально их количеству. Процесс доказывания в та-

ких случаях значительно усложняется, а оценка доказательств требует максимальной осторожности.

Из сказанного ясно, что исследование форм связей представляет одну из важных задач советской криминалистики и уголовно-процессуальной науки.

Следует сказать, однако, что вопрос о многообразии форм связей косвенных доказательств стал подвергаться исследованию в криминалистической литературе сравнительно недавно. Среди советских криминалистов преобладало мнение, что связь косвенных доказательств с предметом доказывания может быть только причинной. Что касается других форм связи (связь во времени, пространстве и т. д.), то они имеют значение лишь постольку, поскольку за ними стоит более глубокая связь, связь причинная[13].

Что же касается связи косвенных доказательств между собой, то здесь большинство авторов ограничивается лишь указанием на то, что «косвенные доказательства должны быть согласованы одно с другим, подтверждать одно другое, должны составлять гармоническое целое, цепь улик, все звенья которой неразрывно связаны между собой»[14].

Положение о том, что причинность представляет одну из важнейших форм всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений в природе и обществе, выступает как одно из основных в материалистической диалектике. Однако это, как нам представляется, не дает оснований для утверждения, что связь косвенных доказательств с предметом доказывания может быть только причинной.

Известно, что основоположники марксизма-ленинизма рассматривали причинность как одну из форм, отдельную сторону универсальной мировой связи, всеобщего взаимодействия в природе и обществе[15]. В. И. Ленин отмечал, что «человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы... искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»[16]. Отражением всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений служат не только отношения причины и следствия, но и все другие категории, а также законы марксистско-ленинской материалистической диалектики. Поэтому исследование связей косвенных доказательств было бы неправильно ограничивать применением лишь одной из категорий диалектики и отказываться от использования всех ос-

тальных категорий, которые также отражают объективные, необходимые связи между явлениями[17].

Практически такой подход таит в себе опасность признания не относящимися к делу тех фактических данных, которые в действительности имеют существенное значение для установления обстоятельств преступления, потому что они объективно связаны с ним, но только не причинной, а другой формой связи.

Такие связи существуют, они объективны по своей природе и отражают как общефилософские, так и специфические закономерности. Это придает им столь же необходимый характер, что и отношений причинности.

Речь, в частности, идет не только о связях, отражаемых законами и категориями диалектики (такими, как причина и следствие, сущность и явление, возможность и действительность и т. д.), но и о связях, отражаемых в закономерностях конкретных наук и отраслей практической деятельности. Эти последние связи представляют собой не что иное, как конкретизацию категорий материалистической диалектики применительно к отдельным явлениям, ситуациям и процессам.

Подчиняясь общим закономерностям познания, доказывание начинается с выявления ближайших, конкретных форм связи доказательств с тем, чтобы, выявив и проанализировав эти формы, перейти к более глубоким и общим связям. Именно такое движение познания В. И. Ленин рассматривал как один из основных элементов диалектики: «...от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»[18]. Форма связи выступает таким образом в диалектике как ступень познания объективной связи явлений.

Раскрытие конкретных, присущих определенной отрасли знаний или практики связей играет решающую роль и в расследовании преступлений. Они позволяют установить событие преступления, уяснить его сущность, выявить способы его совершения, сокрытия и т. д.

Количество специфических связей необозримо велико, и, естественно, каждая из них не может быть подробно рассмотрена в настоящей работе. Свою задачу мы видим в типизации этих форм, в том, чтобы выделить наиболее общие формы связей косвенных доказательств — такие формы, с которыми следователь и судья встречаются при расследовании и разбирательстве дела любой категории.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что наибольшее значение в доказывании косвенными доказательствами имеют генетические связи (причинно-следственные и связи условия с обусловленным), связь соответствия, функциональная связь, связь во времени (хронологическая) и в пространстве (локальная), специфическая связь принадлежности вещей.

2.
Генетические связи

Среди форм связей косвенных доказательств наибольшее значение имеет группа связей, характеризующих происхождение улик от события преступления и получивших в связи с этим название генетических. К ним относятся: причинно-следственная связь, связь условия с обусловленным, функциональная связь; к ним примыкает связь принадлежности вещей, которую мы будем называть *поссидентной* связью (от лат. possidencia — владение, обладание, принадлежность вещи)[19]. Общим свойством, определяющим доказательственную ценность всех форм генетической связи, является то, что они указывают на происхождение одного явления или объекта от другого.

Прежде всего целесообразно рассмотреть *причинную связь* косвенных доказательств как одну из фундаментальных и наиболее важных форм всеобщей связи между явлениями.

В широком смысле под причиной возникновения или существования данного явления понимается все то, без чего оно не могло возникнуть или существовать. В этом смысле мы говорим, например, о причинах преступности. Однако категория причины имеет и более узкий смысл: она определяется как деятельность, порождающая данное явление. Именно в этом смысле мы употребляем понятие причины в уголовном судопроизводстве, когда говорим, например, о присвоении обвиняемым ценностей как о причине их недостачи.

В философии различаются также полная причина — совокупность всех обстоятельств, при наличии которых наступает следствие, и специфическая причина — совокупность ряда обстоятельств, появление которых при наличии уже имевшихся в данной ситуации ведет к появ-

лению следствия[20]. Это различие имеет практическое значение: в доказывании нас интересуют, главным образом, специфические причины.

Зная о наличии причинной связи, мы по характеру изменений, зафиксированных в окружающей среде, можем судить об их причине, т. е. о характере тех действий, которыми эти изменения порождены.

Обнаружив причину того или иного явления, мы можем установить и другие, еще неизвестные следствия этой же причины. Так, обнаружив при осмотре места происшествия характерную пробоину в двери, а по краям этой пробоины — следы копоти и несгоревшей смазки («поясок обтирания»), мы можем назвать причину этого явления — выстрел из огнестрельного оружия. Установив эту причину, мы можем судить о других ее следствиях — характерных повреждениях других преград на траектории снаряда, наличии самого снаряда (пули, картечи, дроби) и других частей заряда (например, пыжа или прокладки). Будучи обнаруженными и соответствующим образом зафиксированными, эти следствия становятся доказательствами по делу.

Однако столь четкое и явное выделение причин и следствий в познании вообще и в расследовании преступлений в частности возможно далеко не всегда. Универсальной взаимосвязью и взаимозависимостью явлений обусловлено то положение, что возникновение, изменение или прекращение любого явления бывает обычно следствием многих обстоятельств. Одни из них создают предпосылки появления этого следствия, но самостоятельно породить его не могут. Другие активно превращают эту возможность в действительность, порождают следствие. Первые представляют у с л о в и я возникновения следствия, вторые — его п р и ч и н у.

Причины и условия возникновения того или иного явления нередко выступают в столь сложном комплексе, что выделить причину, отграничить ее от условий весьма трудно. Более того, некоторые философы склонны не проводить существенного различия между причиной и условиями, поскольку от последних также зависит существование или изменение данного явления, и рассматривают условия как неглавные его причины[21]. Эта позиция представляется сомнительной. Причина в отличие от условий является доминирующим, активным фактором. Именно она, и только она, вызывает к жизни след-

ствие. Условия же, сколь бы необходимы и важны они ни были, сами по себе, без активного воздействия причины породить следствие не могут[22]. Отсутствие необходимых условий может препятствовать появлению следствия, несмотря на наличие причины, нейтрализовать ее действие, но заменить причину условия не могут.

В то же время отличать условия от причин (а соответственно — обусловленность и причинность как формы связи) важно и потому, что одна и та же причина в зависимости от условий может повлечь различные следствия, а одно и то же следствие при разных условиях может быть результатом различных причин. Например, месть или вражда как побудительные мотивы преступления могут стать причиной убийства, причинения телесных повреждений, поджога, похищения ребенка и т. д. Недостача ценностей может быть следствием их хищения, утраты, уничтожения и т. д.

Такая множественность причин и следствий вызывает существенные трудности в доказывании уликами. Ею обусловлена многозначность причинно-следственных связей и связей условия с обусловленным. Многозначность связи зависит от того, что весьма часто определенное следствие порождается данной причиной только при наличии определенных, совершенно конкретных условий. При других условиях это же следствие может появиться в результате действия другой причины. Поскольку комплекс условий сложен, многообразен и при каждом преступлении индивидуален, не изучив его тщательно, нельзя категорически сказать, результатом действия какой из возможных причин является данное следствие. При множественности следствий одной причины до всестороннего изучения комплекса условий нельзя категорически утверждать, какое из двух следствий порождено данной причиной.

Обычно, говоря о причинной связи, подчеркивают ее необходимый характер, а некоторые криминалисты прямо противопоставляют причинную связь связи случайной[23]. Это находит основание во взглядах тех философов, которые безоговорочно утверждают, что «связь причины с порождаемым ею следствием является необходимой. Если есть причина, следствие наступит неизбежно»[24].

Думается, что это положение нуждается в уточнении или, во всяком случае, в более подробном рассмотрении.

Среди философов высказываются взгляды, допускающие существование случайных причинно-следственных связей, «которые выражают неустойчивые, внешние, не вытекающие из основного направления развития, иногда вообще неповторимые в своей индивидуальности, отношения явлений»[25]. Представляется, что эти разногласия вызваны некоторой подменой тезиса. Внутри каждого причинно-следственного отношения связь между причиной и следствием всегда необходима: каждое явление, в том числе и случайное, имеет порождающую его причину. Однако само это явление и причинно-следственное отношение, элементом которого оно является, может быть случайным относительно данного события или процесса: оно может быть в рамках этого процесса несущественным, единичным, неповторимым в своей индивидуальности[26]. Именно в индивидуальности, неповторимости и заключена большая доказательственная ценность случайных причинно-следственных связей[27].

Анализ практики расследования показывает, что такого рода случайные причинно-следственные связи встречаются весьма часто и имеют важное значение для раскрытия преступлений. Необходимые причинные связи устанавливаются в расследовании, когда выясняются обстоятельства, относящиеся к обязательным признакам состава преступления, например, когда речь идет о причинной связи между деянием обвиняемого и наступившим результатом. Так, по делам об убийствах необходимо в каждом случае выяснить причину смерти потерпевшего, по делам о хищениях — причину недостачи ценностей и т. п. Связь между последствиями преступления и деянием обвиняемого чаще всего выступает как необходимая причинная связь.

Однако наряду с этим совершение каждого преступления связано и с рядом случайных для самого преступного действия явлений. Примеры случайных причинных связей между косвенными доказательствами могут быть обнаружены почти в каждом уголовном деле. Так, по делу Н., совершившей в своем доме убийство невестки и двоих ее детей, одним из косвенных доказательств были обнаруженные в ходе осмотра на ковре, одеяле, подушке, некоторых других предметах и на стене комнаты следы крови, по групповым свойствам сходной с кровью погибших. Другой уликой стал тот установленный свидетельскими показаниями факт, что сразу после исчез-

новения потерпевших Н. без всякой необходимости покрасила голубой масляной краской наличник двери, рукоятку топора, клеенку и некоторые другие предметы. Конечно, причинная связь между двумя этими фактами была, она стала особенно наглядной после того, как под слоем свежей краски на наличнике двери были обнаружены пятна крови. Однако это причинно-следственное отношение нельзя отнести к числу необходимых — следы могли и не скрываться или скрываться другим способом.

Различие необходимых и случайных причинных связей чрезвычайно важно, так как очень часто в действие необходимой связи «вмешивается» случайный фактор (нередко — субъективного характера), влекущий образование новых доказательств или видоизменение (уничтожение) имеющихся.

Выявление случайных причинных связей позволяет обнаружить новые доказательства, объяснить изменение или исчезновение тех, которые имеются или должны были быть.

Условия настолько тесно связаны с причинами и оказывают на них столь важное влияние, что их обычно рассматривают как необходимый элемент причинно-следственного отношения, а связь условия с обусловленным — как одну из разновидностей причинной связи.

Однако полностью отождествлять эти связи нельзя. В отличие от причинной связи связь условия с обусловленным всегда многозначна, так как условие создает лишь одну из предпосылок действия данной причины. Последнее может быть существенно видоизменено или даже вовсе исключено наличием или отсутствием других условий. Даже установление тех непременных, обязательных для действия данной причины факторов, отсутствие хотя бы одного из которых делает невозможным наступление следствия и которые получили название необходимых условий (conditio sine qua non), не дает оснований для однозначного вывода. Поэтому наличие даже необходимых условий всегда будет косвенным доказательством.

В качестве условий часто выступают факторы, в той или иной мере определяющие возможность совершения преступления и выбор способа его совершения. По некоторым категориям дел, где зависимость способа совершения преступления от реально существующих условий особенно велика (например, дела о хищениях,

совершаемых должностными лицами), эта форма связи получает преобладающее значение.

Значительный интерес для практики представляет вопрос, в каких конкретных формах могут выступать обусловленность и причинно-следственная связь косвенных доказательств.

В литературе обычно указывают, что причинная связь между косвенным доказательством и предметом доказывания может выражаться в следующих конкретных формах: 1) доказательственный факт может выступать в качестве причины доказываемого обстоятельства; 2) доказательственный факт может быть следствием совершенного преступления; 3) доказательство и доказываемое им положение могут быть следствиями одной причины или причинами, имеющими одно следствие; 4) доказательственный факт может являться условием совершения преступления[28].

Изучение и обобщение следственной и судебной практики позволяют конкретизировать эту классификацию, сгруппировать косвенные доказательства.

Прежде всего необходимо указать на причинную связь преступного деяния с последствиями преступления. Зафиксированные в процессуальном порядке данные о последствиях преступления выступают в качестве косвенных доказательств, связанных с преступлением, как *следствие* с причиной. Такими будут, например, недостача ценностей как следствие их присвоения, телесное повреждение как следствие нанесения огнестрельной раны и т. п.

Как *следствие* с причиной, связаны с преступным деянием улики, в которых отразились действия преступника. Очень часто ими бывают вещественные доказательства — следы орудий взлома на предметах, следы на месте происшествия, указывающие на характер и последовательность действий преступников, и т. п. Нередко данные о фактах такого рода содержатся в показаниях свидетелей и потерпевших, когда в этих показаниях речь идет о действиях, не образующих непосредственно объективную сторону преступления (в этом случае мы имели бы дело с прямыми доказательствами), а направленных на сокрытие преступления, например уничтожение его следов.

Как *следствие* с причиной, связаны с предметом доказывания и все «улики поведения» — косвенные доказа-

тельства, характеризующие поведение обвиняемого, связанное с совершением им преступления.

Как *следствие* с причиной, через ряд опосредствований связаны также доказательственные факты, свидетельствующие об использовании обвиняемым плодов преступления (появление у него вещей потерпевшего, крупных денежных сумм и ценностей и т. п.).

Мотивы и цели обычно рассматриваются в качестве специфической причины преступного поведения, поэтому доказательства наличия мотивов и цели преступления связаны с предметом доказывания, как *причина* и следствие.

Иногда указывают, что мотив преступления может выступать как причина и преступления, и доказательственного факта (например, вражда может быть причиной и угрозы, и убийства)[29]. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с двумя относительно самостоятельными причинными связями: одна из них — связь промежуточного факта с предметом доказывания, другая — связь между доказательственными фактами.

Объективная связь косвенных доказательств *между собой* часто выступает в форме причинно-следственной связи. Так связаны, например, данные о недостаче (косвенное доказательство хищения) и данные о ее сокрытии. Такая же связь обнаруживается и в попытках уничтожить следы преступления (например, сжечь одежду со следами крови, произвести ремонт в помещении, где было совершено убийство, и т. п.).

Говоря о косвенных доказательствах, которые связаны с предметом доказывания обусловленностью, следует прежде всего указать на доказательства, подтверждающие наличие конкретных возможностей совершить преступление. Факты, установленные этими доказательствами, выступают в качестве *условий* по отношению к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания. В следственной и судебной практике значение этой группы доказательств иногда недооценивается, между тем они необходимы, так как при отсутствии таких условий совершение преступления невозможно.

В качестве *условий* по отношению к обстоятельствам преступления выступают также некоторые свойства личности преступника (наличие определенных навыков, позволяющих ему совершить данные преступные дейст-

вия, наличие определенных орудий и средств совершения преступления).

Условиями также являются все факты, свидетельствующие о подготовке к преступлению, так как такая подготовка по существу заключается в действиях, создающих необходимые или благоприятствующие совершению преступления условия. Ими же являются и некоторые свойства личности потерпевшего (несовершеннолетие, болезненное или беспомощное состояние и т. п.).

Таковы основные конкретные формы причинно-следственной связи и обусловленности, в которых косвенные доказательства находятся с предметом доказывания и между собой.

Следует остановиться на том, как определять направление поиска доказательств, как устанавливать фактические обстоятельства дела с использованием причинной связи косвенных доказательств. Эти вопросы имеют большое практическое значение, ибо проблема связи косвенных доказательств важна не только для правильной их оценки, но и для их обнаружения.

Человеческое познание обычно идет от следствий к раскрытию причин — «от сосуществования к каузальности»[30]. Такой путь познания характерен и для расследования преступлений: прежде и чаще всего здесь приходится делать заключения от следствия к причине. Так, по следам на месте происшествия мы делаем вывод об объекте, оставившем эти следы, о тех взаимодействиях, которые их породили. Аналогичным путем идет познание и при обнаружении последствий преступления: от установления факта смерти к причинам, ее вызвавшим, от выявления недостачи — к причинам ее образования и т. д.

Нередко вывод о причине делается не из одного следствия, а из нескольких, от группы следствий к общей их причине. Именно такой путь познания наиболее характерен для доказывания уликами.

Весьма типичным также является направление поиска доказательств от следствия к его причине, а от нее — к другому, неизвестному еще следствию. Так, обнаружив на месте происшествия огнестрельную пробоину, мы делаем вывод о причине — выстреле, а определив направление выстрела и место нахождения стрелявшего, отыскиваем пулю, гильзу и другие следы.

Часто направление поиска идет от одного следствия к другому, а после его установления — к их общей причине. Например, обнаружив подделку даты в приходном документе материально-ответственного лица, в связи с чем товары, фактически поступившие до инвентаризации, были оприходованы после нее, мы делаем вывод о другом следствии — недостаче, которая скрывалась таким образом. Оба этих следствия позволяют сделать вывод об их общей причине — хищении ценностей.

Все эти приемы доказывания имеют то общее, что исходным моментом поиска являются факты, представляющие собой следствия преступных действий. Однако в расследовании многих преступлений, особенно «загадочных» убийств, исчезновений лиц и др., поиск может идти и в обратном направлении — от причины к следствию: от вражды — к убийству, от чувства мести — к поджогу и т. п. Именно с этой целью при расследовании таких преступлений тщательно выясняются данные о личности потерпевшего, его взаимоотношениях с другими лицами, с тем, чтобы установить, кто и по каким причинам мог быть заинтересован в совершении преступления.

«Чистые», однозначные причинные связи в практике расследования встречаются редко, в большинстве случаев факт, сведения о котором содержатся в доказательстве, является следствием взаимодействия причины и комплекса условий. Вот почему определение направлений поиска в каждом конкретном случае осуществляется с учетом связи условий с обусловленными ими явлениями. Здесь также возможны два пути: от условия к обусловленному и, наоборот, от явления к условию. Так, в делах о хищениях, совершаемых должностными лицами, где конкретные условия деятельности организации строго детерминируют способ совершения преступления, установление фактических обстоятельств идет в первом направлении: от установления фактов, являющихся условиями совершения преступления, к установлению преступных действий. Далее поиск идет с использованием причинной связи: от установленной причины — к возможным или неизбежным ее следствиям. Нередко успешному расследованию способствует поиск, основанный на использовании комбинации причинно-следственной связи и обусловленности. В частности, обнаружив возможное следствие преступных действий, следователь принимает меры к

установлению условий этих действий и от следствия и условий делает вывод о причине.

Таковы основные направления поиска доказательств и установления фактических обстоятельств преступления с использованием причинности и обусловленности — этих важнейших форм генетической связи косвенных доказательств.

Значительное место среди генетических форм занимает *функциональная связь*. Ее нередко рассматривают только как количественное выражение причинной связи и придают ей столь же всеобщее значение. С этим трудно согласиться. Функциональная связь выражает зависимость одних переменных величин от других. Иногда понятие функциональной связи (зависимости) трактуют шире, что представляется более правильным: функциональная зависимость рассматривается как форма устойчивой взаимосвязи между явлениями (или их величинами), при которой изменение одного явления вызывает вполне определенное изменение другого[31].

В функциональной связи могут находиться абстрактные математические понятия либо величины, свойства или состояния материальных объектов и явлений, а также сами объекты, явления или материальные системы в рамках целостной системы более высокого порядка.

Важнейшей характеристикой функциональной связи является количественная определенность параметров тех явлений, которые ею охватываются. Одно из этих явлений — независимая переменная величина — называется аргументом; второе, изменения которого зависят от аргумента, называют функцией. Принято различать однозначные (сингуляторные) функциональные связи, когда каждому значению одного аргумента соответствует точно определенное значение функции, и многозначные функциональные связи, когда величина функции определяется двумя (бинарная функция), тремя (тернарная функция) и более аргументами. Во всех случаях функциональная связь отражает происхождение изменений одного явления (функции) от изменений другого явления или группы явлений (аргументов), что и дает основание отнести ее к числу генетических связей.

При расследовании преступлений функциональные связи косвенных доказательств встречаются часто. Они широко используются для раскрытия хищений, совершаемых с использованием технологического процесса, так

как многие факторы, являющиеся предметом судебного исследования в таких делах, находятся в функциональной зависимости. Так, размеры производственных потерь (отходов) и естественной убыли зависят от определенных качественных показателей сырья и продукции, от режимов их переработки и хранения. Не менее часто эта форма связи фигурирует и в делах об автотранспортных преступлениях: функционально связаны, например, скорость движения автомобиля и длина его тормозного пути, а также некоторые другие факторы. С этой формой связи следователь и суд сталкиваются при определении дистанции выстрела по некоторым следам его на преграде и в других случаях.

В доказывании встречаются как однозначные, так и многозначные функциональные связи. Примером первой может служить зависимость выхода продукции от одного качественного показателя сырья.

Однако такая однозначная связь встречается сравнительно редко. Гораздо чаще функциональная зависимость многозначна: величина функции определяется не одним, а несколькими аргументами. Так, длина полного остановочного пути автомобиля зависит от его веса, скорости, характера и состояния покрытия дороги, от времени реакции водителя и некоторых других факторов. Такая многозначность, конечно, усложняет доказывание, но не служит препятствием к установлению истины: обычно все аргументы поддаются учету и позволяют определить величину функции.

Направление поиска при использовании доказательств, связанных между собой или с предметом доказывания функциональной связью чаще бывает обратным: установив факт, являющийся функцией, мы отыскиваем аргумент. Так, установив на месте автотранспортного происшествия длину тормозного пути, мы определяем скорость.

Однако иногда используется и иное направление функциональной связи. Например, если хищения совершались за счет неучтенных излишков, созданных путем завышенного списания производственных или естественных потерь, начинать приходится от аргументов — тех показателей сырья и режимов его переработки, от которых зависят размеры потерь. Определенная таким образом величина функции обычно значительно меньше потерь, которые списаны по документам. Так появляется улика.

Как упоминалось, функциональная связь выражает количественную зависимость двух переменных величин или свойств явлений. Параметры этих свойств должны иметь математически точное выражение. Однако такая точность в расследовании нужна далеко не всегда; иногда для дифференциации двух взаимоисключающих явлений или действий по меньшей мере один из элементов — аргумент или функция могут определяться приближенно в ходе следственного или судебного эксперимента. Такого рода случаи встречаются при расследовании дел об автотранспортных происшествиях, когда весьма приблизительно определяется скорость передвижения пешехода по проезжей части, при хищении неучтенной продукции и др. Иногда по обстоятельствам дела точное определение отдельных аргументов многозначной функции вообще невозможно; при приближенном определении аргумента или функции берется либо минимально, либо максимально возможная их величина (всегда в сторону, благоприятную для обвиняемого).

Функциональная связь в расследовании особенно широко используется при производстве экспертиз.

Большое значение в доказывании уликами имеет та форма связи косвенных доказательств, которую мы называем *поссидентной* связью — связью по принадлежности вещей. Мы условно относим ее к числу генетических потому, что она отражает принадлежность объектов — вещественных доказательств — определенному лицу или организации и таким образом указывает на их происхождение, что очень важно установить при расследовании.

По значению своему эта связь сходна с формой связи, которая отражает принадлежность, например, следов данному объекту, но устанавливается иными способами и по содержанию представляет иную форму связи. Это — связь конкретного лица с определенным предметом. Выявление такой связи имеет существенное значение при раскрытии подавляющего большинства преступлений, в том числе таких опасных, как убийство, причинение телесных повреждений, разбой, грабеж, кража, все виды хищений социалистического имущества и др.

Можно привести множество примеров того, как установление именно этой формы связи позволило раскрыть преступление. Так, при расследовании убийства десятилетней давности следователь обратил внимание на обна-

руженный на месте происшествия старый солдатский кожаный ремень со следами крови и характерными признаками (относительно новые нитки, которыми была пришита пряжка, и гладкая отполированная внутренняя поверхность с засохшими остатками мыльной пены). Заподозрив в убийстве П., который одно время жил у жителя ближайшего к месту преступления поселка, следователь при допросе последнего выяснил, что, уходя из его дома, П. забрал с собой его старый солдатский ремень, на котором он правил бритву. Приметы ремня, названные свидетелем, совпали с приметами ремня, обнаруженного на месте происшествия. Затем свидетель и два его сына опознали ремень. Так была установлена принадлежность вещественного доказательства определенному лицу. Этот факт стал уликой, послужившей ключом к раскрытию убийства.

Поссидентная связь отличается от связи, лежащей в основе идентификации и базирующейся на законах отражения. В приведенном примере связь между ремнем и преступником, который им временно пользовался, была поссидентной, как и связь между ремнем и его владельцем. В основу вывода о тождестве ремня, найденного на месте происшествия, и ремня, принадлежавшего хозяину дома, была положена иная связь — связь состояний одной и той же вещи в разное время и в разных местах[32].

Связь поссидентная отвечает на вопрос: чей это предмет, кому он принадлежит. Объемная связь отвечает на вопрос: это тот же самый предмет или другой.

Обычно такая связь устанавливается относительно двух групп вещей: предметов, принадлежащих обвиняемому, обнаруженных на месте происшествия (орудия преступления, отдельные детали или предметы—оторванная пуговица, носовой платок, газета, лист из книги или журнала и т. п.), и предметов, принадлежащих потерпевшему, обнаруженных у обвиняемого (похищенные вещи и ценности, случайно взятые предметы потерпевшего).

Иногда эта связь выступает в сочетании с объемной: приходится устанавливать принадлежность обвиняемому тех вещей, следы которых обнаружены на месте происшествия (орудий взлома, обуви, транспортных средств и т. п.). Так, в лесу на горном склоне был обнаружен труп мужчины, тщательно укрытый срубленными ветками крупного кустарника. Осматривая эти ветки, следова-

тель обратил внимание на две параллельные бороздки, имевшиеся на каждом срезе, образовавшиеся от зазубрин на лезвии топора, которым рубили ветки. Произведя обыск у нескольких жителей близлежащего поселка, которые по обстоятельствам дела могли быть причастны к убийству, следователь изъял у них топоры и вместе с концами обнаруженных на месте убийства веток направил их на трасологическую экспертизу. Эксперт установил, что ветки срублены одним из топоров, представленных на исследование. Владелец топора, ознакомившись с заключением эксперта, признал себя виновным в убийстве.

Поссидентная связь носит относительно самостоятельный характер, однако параллельно ей обычно действует более глубокая связь — причинная (вещь потерпевшего оказалась у обвиняемого потому, что он похитил ее; вещь обвиняемого оказалась на месте происшествия потому, что он был на этом месте и оставил ее там). Ее тактическая ценность заключается, помимо прочего, еще и в том, что она помогает следователю и суду обнаружить причинную связь. Она выявляется быстрее и легче, более наглядна, помогает быстрее обнаружить новые доказательства.

Устанавливается наличие этой формы связи различными способами: показаниями владельца вещи либо лиц, знающих о принадлежности ему этой вещи, документами (например, данными регистрации оружия или транспорта, заводским паспортом на похищенную вещь, оставшимся у потерпевшего, и т. д.); обнаружением следов на вещи. Так, по одному делу об убийстве с расчленением трупа личность убитой была установлена по следам ее пальцев на пудренице, хранившейся у нее дома. В подобных случаях связь принадлежности дает возможность установить личность потерпевшего по делам об убийствах, связанных с исчезновением лица, с расчленением трупа или с такими посмертными его изменениями, которые исключают идентификацию. Основное значение этой формы связи — выявление причастности определенного лица к преступлению.

Использование этой связи позволяет целеустремленно искать доказательства; на практике нередко встречаются дела о преступлениях, в раскрытии которых решающую роль играют доказательства, обнаруженные по этой их связи. Вот как, например, был изобличен убийца, доволь-

но долго и весьма изощренно скрывавший свою причастность к преступлению.

Совершив 26 августа 1977 г. убийство, П. бросил в квартире убитой несколько горящих спичек на пол и ушел, захватив с собой радиоприемник «Меридиан-206». В квартире возник пожар, существенно повредивший обстановку и труп потерпевшей.

Спустя значительное время, 17 ноября 1977 г., при повторном осмотре места происшествия был обнаружен паспорт радиоприемника «Меридиан-206» с датой продажи — 21 августа 1977 г. Этого приемника не оказалось среди обгоревших вещей в квартире. Был организован его розыск, и 20 декабря 1977 г. приемник обнаружили у Ю., которая купила его у Р. Последний показал, что приемник ему дал подросток Б. Тот рассказал на допросе, что вместе с товарищем в сентябре 1977 года украл этот приемник из подвала дома, принадлежащего родителям жены П. Как выяснилось, подвалом пользовался и сам П. Изобличенный этой уликой, П. признал себя виновным в убийстве.

На этом примере видно, что связь принадлежности, как и другие формы, может быть и многоступенчатой, охватывать несколько субъектов, что требует тщательной проверки ее наличия в каждом из звеньев.

Таковы основные формы генетических связей, используемых при доказывании уликами.

3.
Хронологические и локальные связи

Категории времени и пространства являются основными категориями материалистической диалектики. Время и пространство — основные формы существования материи, ни одно явление или событие не может существовать вне времени и пространства. В свою очередь время и пространство не могут существовать независимо от материальных процессов и отдельно друг от друга как самостоятельные сущности. Поэтому и хронологические (временны́е), и локальные (пространственные) связи не могут существовать независимо от других форм объективной связи явлений и отдельно друг от друга. Каждая форма объективной связи, помимо основного

своего содержания, должна характеризоваться и положением в пространстве и времени. Явления, связанные между собой той или иной формой объективной связи, могут предшествовать, сопутствовать или следовать одно за другим во времени и пространстве. Так, одним из основных признаков причинно-следственной связи явлений и процессов является последовательность причины и следствия во времени: причина непременно предшествует следствию, следствие появляется только после того, как причина возникла, начала действовать. В функциональном отношении обычно аргумент, являющийся определяющим фактором, также должен по времени появиться раньше функции.

Связь событий во времени и в пространстве имеет универсальный, всеобщий характер. Она входит составной частью в любую объективную связь, в том числе и в те ее формы, которыми связаны между собой и с предметом доказывания косвенные доказательства.

Доказательственная ценность хронологических и локальных связей обусловлена прежде всего тем, что они обнаруживаются легче и быстрее, чем остальные связи. Человечество выработало простые и точные критерии для отсчета и измерения времени и пространства, что позволяет легко и просто их фиксировать и сопоставлять.

Как указывалось, время и пространство неотделимы друг от друга. В такой же мере нераздельны и связи во времени и в пространстве, и если в дальнейшем мы будем рассматривать отдельно хронологические и локальные связи косвенных доказательств, то это продиктовано только соображениями удобства изложения и анализа значения этих связей в доказывании.

Связь во времени (хронологическая связь) выступает в доказывании в нескольких разновидностях, имеющих одинаково важное значение. Прежде и, пожалуй, чаще всего доказательственное значение приобретает совпадение определенных событий во времени — пребывание лица на месте совершения преступления в момент его совершения, совпадение времени хищения с периодом деятельности определенного лица и т. п.

Установление этих совпадений позволяет установить и более глубокую — причинную связь. Например, было установлено, что у подозревавшегося в убийстве появились кровоподтеки на лице, время возникновения которых совпало со временем убийства. За этим скрыва-

лась причинная связь: как было установлено дальнейшим расследованием, кровоподтеки явились следствием сопротивления, которое оказывал потерпевший.

Доказательственное значение этой разновидности хронологической связи значительно повышается, когда совпадают по времени несколько событий, связанных между собой (например, обнаружение в квартире убитого не выписывавшейся им газеты за определенную дату, посещение данной квартиры подозреваемым в тот же день, совершение им в это же время действий, направленных на сокрытие преступления, и т. п.).

Другая разновидность этой связи — следование определенных событий в хронологической последовательности. Первую из этих разновидностей называют *синхронической,* вторую — *полихронической* связью[33].

Существенное значение принадлежит и третьей разновидности хронологической связи. Она возникает, когда в ходе расследования необходимо установить возможность совершения определенных действий в известный отрезок времени (например, пройти или проехать определенное расстояние, выполнить определенную работу, совершить определенные действия). В подобных случаях связь проявляется в относительной длительности сопоставляемых событий, явлений.

Исследование хронологических связей имеет большое значение для оценки косвенных доказательств. Здесь такая связь выступает в несколько иной модификации — следователя и судей интересует удаленность во времени одного события от другого. Так, обнаружение похищенных вещей у подозреваемого будет тем более весомой уликой, чем меньше времени прошло с момента похищения до момента обнаружения вещей, и наоборот, ценность этой улики значительно снижается, если промежуток времени между похищением и обнаружением вещей велик, особенно когда похищенные вещи по своему характеру таковы, что они могут переходить из рук в руки.

Эта же разновидность хронологической связи приобретает порой важное значение для установления фактических обстоятельств, прямо влияющих на юридическую квалификацию преступного деяния. В частности, Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно подчеркивали, что необходимым условием квалификации убийства по ст. 104 УК РСФСР является внезапность возникновения сильного душевного волнения лица в от-

вет на противоправные действия потерпевшего. В связи с этим в делах подобного рода большое значение приобретает установление разрыва во времени между неправомерными действиями потерпевшего и ответными действиями обвиняемого. Длительность этого промежутка исключает признак внезапности, а значит, и квалификацию по ст. 104 УК РСФСР[34].

Однако разрыв во времени между событиями, находящимися в полихронической связи, всегда имеет место, и это весьма важно учитывать.

Итак, хронологическая связь косвенных доказательств имеет важное значение для установления обстоятельств преступления во всех ее разновидностях: следователю и суду необходимо в зависимости от конкретной ситуации установить и совпадение, и последовательность событий, и протяженность периода, отделяющего во времени одно событие от другого. Иногда эта связь имеет самостоятельное значение (когда важно, например, установить продолжительность разрыва во времени между отдельными событиями или неизбежную последовательность в полихроническом ряду), однако чаще за этой связью стоит одна из форм генетической связи косвенных доказательств.

Следует помнить, однако, что связь двух событий во времени не всегда является отражением каких-либо объективно закономерных связей между этими событиями — она может быть результатом случайного совпадения. Это бывает тогда, когда совпадающие во времени события являются элементами разных объективно существующих отношений, а не одного — того, которое мы предполагаем и которое так или иначе относится к преступлению. Многие судебные ошибки объясняются как раз тем, что случайное совпадение событий во времени принимается следователем и судом за закономерную связь между ними.

Закономерность хронологической связи может быть установлена путем выявления какого-либо третьего факта, так или иначе связанного с одним из двух совпадающих во времени. С появлением этого третьего факта выявляется не только закономерная связь между первыми двумя, но и устанавливается наличие связи всей совокупности этих фактов с предметом доказывания.

В свое время в ходе расследования нами дела о хищениях мясопродуктов работниками Сочинского мясокомбината и Абхазкурортторга серьезные трудности

вызвало установление способов сбыта мясопродуктов. При проверке версии о реализации похищенного через заготовителей Абхазкурортторга обратило на себя внимание следующее совпадение фактов во времени: как только в Гагру поступал от Сочинского мясокомбината вагон с мясопродуктами(в числе которых были и похищенные, не включенные в сопроводительные документы), так на холодильник, куда поступали мясопродукты, сдавал по документам закупленные у граждан за наличные деньги несколько тонн мяса и заготовитель Ч.

Было ли это только совпадением во времени или между этими фактами имелась закономерная связь, удалось выяснить лишь после проверки тех закупочных актов, которые составлял Ч. В ходе проверки было установлено, что все закупочные акты оказались фиктивными — указанные в них лица мяса этому заготовителю не продавали и денег от него не получали. После установления этого факта стало ясно, что реализация похищенного на Сочинском мясокомбинате мяса осуществлялась путем сдачи его на холодильник Гагрского отделения Абхазкурортторга от имени заготовителя Ч., составления последним фиктивных актов на закупку мяса и присвоения наличных денег, выданных ему для этой закупки.

Приведенный пример показывает эвристическое значение хронологической связи, которая во всех случаях служит исходным моментом для поиска новых доказательств.

Понятие *локальной (пространственной) связи* в криминалистической литературе иногда трактуется недостаточно широко — только как связь событий по месту их совершения или происхождения (чаще всего при этом упоминают факт пребывания обвиняемого в том месте, где было совершено преступление). Между тем практика свидетельствует, что такая интерпретация пространственной связи является недостаточной. Очень часто существенное (а иногда и решающее) значение приобретает место нахождения отдельных следов преступления, их форма и размеры, взаимное расположение, расстояние между ними[35]. Важное значение имеют также место нахождения отдельных объектов, связанных с преступлением, определение направлений в пространстве (например, направления выстрела, движения транспорта и т. д.).

Прежде и чаще всего пространственная связь косвенных доказательств используется при определении места

совершения преступления, что по закону обязательно во всех случаях (ст. 15 Основ). Не всегда место преступления обнаруживается легко, особенно это относится к убийствам, связанным с расчленением трупа, исчезновением потерпевшего, и ряду других преступлений. В таких случаях место совершения преступления устанавливается косвенными доказательствами, находящимися в локальной связи с событием преступления. Так, обнаружение следов крови на полу и стенах комнаты, а также на отдельных предметах ее обстановки указывает не только на место убийства, но нередко и на положение потерпевшего в момент преступления.

Важное значение имеет и факт пребывания обвиняемого на месте преступления. На него указывает расположение следов (рук, ног, наложений микрочастиц), оставленных обвиняемым на этом месте. Эта разновидность локальной связи указывает на причастность данного лица к совершению преступления и служит первой ступенью к установлению генетической связи доказательств с преступлением.

Аналогичную роль играет локальная связь и в случаях обнаружения на месте совершения преступления отдельных объектов. Особенно часто это бывает по делам об автотранспортных преступлениях, когда отделившиеся при наезде или столкновении отдельные детали автомобиля (осколки стекла фар, отломившиеся детали кузова или ходовой части, частицы груза и т. п.), оставшиеся на месте происшествия, дают возможность идентифицировать автомобиль и установить причастность его водителя к совершению преступления.

Следует указать на различие локальной и объемной (или индивидуализирующей) связи. Первая является связью между наличием, например, осколка стекла на данном участке дороги (этот факт фиксируется в протоколе осмотра места происшествия) и событием преступления. Вторая является связью осколка стекла с целым стеклом фарного рассеивателя, ее наличие констатируется в заключении эксперта.

В подобных случаях выявление локальной связи ведет к установлению связи причинной. В тех же ситуациях, когда на месте преступления обнаруживаются какие-то предметы, принадлежащие обвиняемому, локальная связь выступает в комбинации с поссидентной связью. Во всех

этих случаях локальная связь, как ближайшая, прежде всего обращает на себя внимание следователя.

Важное значение в доказывании имеет и место обнаружения отдельных вещественных доказательств. Так, обнаружение при обыске у подозреваемого в хищениях большого количества ценностей, тщательно спрятанных в тайнике, служит уликой не только потому, что ценностей этих много, но и потому, что они хранились в тайнике. Значение этого обстоятельства настолько велико, что закон (ст. 176 УПК РСФСР) требует, чтобы в протоколе обыска и выемки во всех случаях обязательно указывались не только характеристика обнаруженных предметов, но и место их обнаружения.

Немаловажную роль в доказывании играет и локализация отдельных следов преступления. В тех же автотранспортных происшествиях веские улики нередко получают в результате сопоставления следов от столкновения, оставшихся на препятствии, со следами на кузове и деталях ходовой части автомобиля по месту их расположения (например, следы удара на придорожных столбах или деревьях и соответствующие им следы на машине). Локальная связь таких следов позволяет бесспорно установить, что именно данный автомобиль совершил наезд на данное препятствие.

Общеизвестно, какое важное значение для расследования многих преступлений имеет обнаружение следов взлома изнутри помещения или хранилища, наличие следов пальцев на внутренних поверхностях шкафов и сейфов, из которых совершена кража, и т. п.

Положение трупа на месте происшествия, состояние одежды на трупе, вообще расположение одних объектов относительно других на месте преступления позволяет делать выводы о важных обстоятельствах его совершения. Эти пространственные связи обычно выявляются при осмотре места происшествия, поэтому тщательная и точная фиксация формы, размеров, расстояний и взаимного расположения всех объектов безусловно необходима.

Не меньшее значение в доказывании имеет установление локализации телесных повреждений. В делах об убийствах и причинении телесных повреждений очень важно выяснить не только характер и степень тяжести повреждений, но и их расположение; это позволяет установить многие важные обстоятельства и прежде всего — относящиеся к субъективной стороне преступления.

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно обращал внимание на эту необходимость. В постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум указал, что при решении вопроса о содержании умысла виновного суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств преступления и учитывать, в частности, локализацию ранений и иных телесных повреждений[36].

Названная разновидность локальных связей широко используется судебно-медицинскими экспертами для обоснования своих выводов о причинах и механизме возникновения телесных повреждений.

Широко известно, какое большое значение приобретает подчас определение направлений в пространстве. Направление движения автомобиля, например, помогает не только уяснить механизм автотранспортного происшествия, но и организовать поиски доказательств и скрывшегося автомобиля. Определение направления выстрела также дает возможность установить многие существенные обстоятельства преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия.

Весьма плодотворным является использование в расследовании той разновидности локальной связи, которая выступает в сочетании с поссидентной. Выявление такой связи осуществляется с помощью вещественных доказательств, содержащих указания на место своего происхождения или на место пребывания их владельца. Часто такими доказательствами являются обнаруженные на месте происшествия газеты с почтовыми пометками номеров дома и квартиры. Эти данные (нередко в сочетании с названием местной газеты, также указывающим на определенное место издания) помогают установить, откуда попала газета на место преступления, а тем самым и кому она принадлежала.

В последние годы в связи с разработкой и внедрением в практику новых методов судебной экспертизы в доказывании стала широко использоваться типичная комбинация связей: устанавливается локальная связь объектов почвенно-растительного происхождения с определенным, достаточно ограниченным местом. Вместе с тем устанавливается принадлежность этих объектов подозреваемому (реже—потерпевшему), на одежде, обуви или на теле которого они обнаружены[37].

Использование локальных связей кладется и в основу разработки отдельных тактических приемов; такого, например, как детализация допроса нескольких сговорившихся лжесвидетелей. Когда допрос сопровождается проверкой показаний на месте, противоречия в показаниях обнаруживаются весьма наглядно.

Таким образом, в доказывании приобретают существенное значение все разновидности пространственных связей: и те, которыми определяется место совершения преступления либо иные участки пространства, определение которых важно для расследования, и те, которыми определяются нахождение конкретных объектов в определенном месте, их взаимное расположение, протяженность и направление. Все они выступают обычно в единстве с хронологическими и генетическими связями.

4.
Связь соответствия (корреляционная связь)

Среди всех форм связи косвенных доказательств несколько особое место занимает *связь соответствия*. Эта форма объективной связи явлений давно известна в науке (соответствие образов и предметов в теории познания, соответствие элементов различных множеств в математике и т. д.), она широко используется человеком и в практической деятельности.

Связи соответствия встречаются в самых различных областях действительности, а конкретные свойства и проявления отношений соответствия варьируют довольно широко.

Определяя понятие соответствия в частных науках, следует исходить из общефилософского анализа его. Содержащиеся в труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» указания на смысл термина «соответствие» имеют методологическое значение для определения этого понятия в любой специальной отрасли знаний. Соответствовать не значит «быть тем же самым», — пишет В. И. Ленин. Это означает, что соответствие отнюдь не равнозначно тождеству объектов и явлений. С другой стороны, критикуя так называемую теорию символов, В. И. Ленин предостерегает от такого понимания соответствия, при котором в этом отношении

могут находиться и вещи, принадлежащие «к двум совершенно различным мирам»[38].

Исходя из этих методологических позиций, соответствие в доказывании представляется правильным понимать как «согласованность, равенство, подобие предметов или явлений в каком-либо отношении»[39]. В этом смысле соответствие представляет собой связь составных частей или элементов определенной системы, в интересующем нас случае—системы доказательств по уголовному делу, отражающей систему элементов предмета доказывания. Без такой связи, как правильно отмечает В. Т. Мещеряков, целостность системы едва ли была бы достижима[40].

Связь соответствия часто носит как бы производный характер, ее наличие свидетельствует о другой, более глубокой и конкретной связи. Так, внешнее сходство двух предметов наводит на мысль о единстве их происхождения. Согласованность, непротиворечивость доказательств дает повод считать, что в глубине лежит закономерная связь установленных ими фактов как сторон или частей единого события — преступления.

Иногда термин «соответствие» заменяют словом «корреляция»[41]. Понятие «корреляция» употребляется в различных областях науки и техники для обозначения взаимной зависимости, взаимного соответствия понятий, предметов, функций, явлений. Этот термин широко применяется в биологии, географии, лингвистике и т. п. Нет никаких оснований не применять его в теории доказательств в качестве равнозначного термину «соответствие»[42].

Связь соответствия обычно обнаруживается легко: соответствие может иметь место по конкретным, четко фиксируемым параметрам — по времени и месту явлений, по структуре, содержанию, форме, количеству, назначению предметов и т. п. Соответствие раскрывает доказательственное значение исследуемых факторов и служит средством выявления более глубоких связей. Эта связь обычно «контролируется» столь сложным сочетанием множества взаимодействующих причин и следствий, что установить их прямо не представляется возможным. Выявление соответствия в этих случаях служит первым шагом к установлению причинности именно потому, что «корреляционные связи в более или менее опосредствованной форме

отражают реальные причинные процессы и сопровождают их»[43].

Особо следует подчеркнуть значение корреляционной связи между косвенными доказательствами. Внешне она проявляется в той «гармонии улик», о которой упоминают все авторы, исследовавшие данную проблему; именно соответствие выступает как первый признак этой гармонии.

Под «поверхностью» корреляционных связей могут лежать все разновидности генетических связей — причинно-следственная, функциональная, связь условия с обусловленным, а также все закономерности, конкретизирующие эти связи (например, закономерности технологического процесса и учета производства и т. д.). Нередко за корреляционной связью скрывается поссидентная, которая, в свою очередь, ведет к причинно-следственной связи.

Как уже отмечалось, для корреляционной связи типична именно такая «служебная» роль. Объясняется это тем, что соответствие легче обнаружить, чем скрывающиеся за ним более глубокие связи.

Корреляционная связь выступает в доказывании в нескольких разновидностях. *Адекватное* соответствие имеет место между поверхностью объекта, оставившего след, и деталями микрорельефа этого следа; оно лежит в основе индивидуальной криминалистической идентификации. *Эквивалентное* соответствие отмечается в качественных параметрах объектов, находящихся в корреляционной связи; оно служит основанием для утверждения об однородности объектов, определения их групповой принадлежности. *Пропорциональное* соответствие имеется между количественными параметрами элементов корреляционного отношения. В таком соответствии находятся, например, количество продукции и емкость тары, необходимой для ее упаковки, хранения или транспортировки; количество готовой продукции и вспомогательных материалов, необходимых для ее изготовления, и т. п. Эта разновидность корреляционной связи особенно часто используется при расследовании хищений неучтенной продукции.

Как и другие формы связи, соответствие может быть однозначным и многозначным — в зависимости от тех глубинных форм закономерной связи, которые скрываются за корреляционным отношением. Однозначностью харак-

теризуется адекватное соответствие; что касается эквивалентного и особенно пропорционального соответствия, то оно может быть и нередко бывает многозначным.

Представляется необходимым рассмотреть практические аспекты выявления и использования связей соответствия в доказывании.

О соответствии формы следов внешней конфигурации объектов упоминалось выше. Оно входит в обоснование заключений о тождестве объектов — человека по следам его рук, ног, зубов; орудий взлома, обуви, транспортных средств, огнестрельного оружия и т. п.— и лежит «внутри» процесса экспертного исследования.

Другой важный аспект использования корреляционной связи — установление соответствия между действиями преступника и мотивом и целью преступления. Выявление этой связи является едва ли не единственным способом установления этих элементов состава преступления.

В делах о хищениях, связанных с использованием технологического процесса для создания неучтенных излишков продукции, корреляционные связи приобретают решающее значение для установления факта и способа хищения. Закономерности технологического процесса в любом производстве таковы, что здесь многие факторы находятся в соответствии (за которым стоит обычно функциональная связь). В таком отношении находятся, например, нормы расхода сырья и материалов и нормы выхода готовой продукции, параметры технологических режимов и размеры производственных потерь, количество основной продукции и вспомогательных материалов, необходимых для ее изготовления, и т. д.

Еще более широко используются в раскрытии самых различных преступлений корреляционные связи между данными, отраженными в учетных документах. Правила оперативного и бухгалтерского учета и лежащие в их основе закономерности требуют строгого соответствия определенных данных в различных документах. Сама система так называемых двойных записей в бухгалтерии предполагает отражение одних и тех же показателей по меньшей мере в двух учетных документах или регистрах. Однако практически в отношениях соответствия всегда находится гораздо большее число данных, зафиксированных в различных документах, относящихся к одной хозяйственной или финансовой операции. Так, вывоз

продукции из предприятия оформляется накладной (счетом-фактурой), пропуском на выезд, транспортными документами, нередко — документами инспекций (например, государственной инспекции по качеству продовольственных товаров), органов санитарного или ветеринарного надзора и т. д.

Во всех этих документах данные о количестве и качестве вывозимой продукции должны строго соответствовать друг другу (здесь имеет место однозначное соответствие). Это обстоятельство и используется для получения улик. Так, в раскрытии крупных хищений мандаринов работниками овощной базы решающую роль сыграл анализ транспортных накладных, хранившихся в бухгалтерии автохозяйства, осуществлявшего перевозку мандаринов; по данным этих документов их было вывезено в магазины намного больше, чем значилось по учету базы. Такое несоответствие и послужило первой уликой, с которой началось раскрытие хищений. Здесь связь соответствия выступила в своей отрицательной форме, что бывает весьма часто.

Корреляционная связь является одной из основных форм связи косвенных доказательств между собой. Строго говоря, все косвенные доказательства по делу, какой бы формой объективной связи они ни были связаны с предметом доказывания, находятся в отношениях соответствия друг с другом.

Хотелось бы обратить внимание и на другой аспект вопроса. Косвенные доказательства, как упоминалось ранее, являются одним из важнейших средств проверки прямых доказательств, содержащихся в показаниях обвиняемых, потерпевших и свидетелей-очевидцев. Такая проверка должна осуществляться во всех без исключения случаях, соответствие косвенных доказательств прямым устанавливает достоверность последних. Принципиальное значение в этом отношении имеет постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1974 г. по делу Д. Отменяя приговор, основанный на сомнительных прямых доказательствах, содержащихся в показаниях потерпевшей, Пленум указал: «Когда вывод о виновности основывается, по существу, только на показаниях одного лица, на той оценке, которую оно дает действиям обвиняемого, как это имеет место по настоящему делу, важное значение имеет установление всех связанных с событием фактических обстоятельств, при сопо-

ставлении которых с показаниями этого лица и может быть решен вопрос о достоверности последних»[44].

Здесь обращает на себя внимание то значение, которое придает Верховный Суд СССР установлению связи соответствия между сведениями, содержащимися в показаниях потерпевшей, и фактическими обстоятельствами, которые должны быть установлены другими — косвенными — доказательствами: постановление прямо указывает на необходимость установления соответствия между доказательствами по делу. В данном случае Пленум отметил именно отсутствие такого соответствия.

Таковы основные практические аспекты использования корреляционной связи в доказывании. К сказанному следует добавить, что соответствие должно иметь место не только между отдельными доказательствами внутри частных систем, но и между самими частными системами.

5.
Иные формы связей

Мы рассмотрели основные и наиболее распространенные, как свидетельствует практика, формы объективных связей косвенных доказательств между собой и с предметом доказывания. Однако их перечень, разумеется, не является исчерпывающим. Наряду с ними в следственной, судебной и экспертной практике используются и другие формы объективных связей. Некоторые из них привлекали внимание советских криминалистов.

Так, А. А. Эйсман указывает и на такие формы связей косвенных доказательств, как существенная связь (связь сущности с явлением), индивидуализирующая, или объемная, связь, субстанциональная связь и связь преобразования[45].

Применительно к процессу доказывания *существенная* (сущностная) связь представляет, на наш взгляд, собирательное понятие. Все доказательства по данному делу, будучи отражением преступного события во внешней среде, суть явления одной сущности — преступления. По этой причине они, бесспорно, находятся в объективной связи с ним, однако формы этой связи могут быть различны. Вот почему мы полагаем, что понятие существен-

ной связи охватывает совокупность всех форм связи косвенных доказательств с предметом доказывания — и тех, о которых шла речь выше, и тех, о которых еще пойдет речь, и тех, которые, может быть, науке пока неизвестны. Именно как общее понятие сущностная связь и имеет значение для теории доказывания, что же касается практических его аспектов, то для них представляют больший интерес те конкретные формы связи, которые в совокупности и образуют данное понятие.

Индивидуализирующая, или объемная, связь и *субстанциональная* связь, как их описывает А. А. Эйсман, имеют определяющее значение в криминалистической идентификации[46]. Обе эти формы, являющиеся, по сути, разновидностями одной и той же связи, представляют собой связь между совокупностью отличительных свойств объекта и самим объектом как носителем этих свойств[47]. Эта форма связи особенно широко используется в экспертной практике. Она лежит в основе связи соответствия признаков вещественного доказательства признакам (свойствам) определенной группы объектов либо индивидуального объекта. Поскольку связь соответствия является более наглядной, легче выявляется и фиксируется, она прежде всего привлекает внимание следователя и суда и служит своего рода индикатором наличия объемной и субстанциональной связи.

Одной из разновидностей индивидуализирующей (объемной) связи А. А. Эйсман считает связь между частями одного целого, *связь целого и части*[48]. Эта форма объективной связи весьма часто встречается и широко используется в практике доказывания.

Нередко на месте происшествия остаются куски бумаги (например, самодельные пыжи), составлявшие ранее одно целое с найденными у подозреваемого листами книги, газеты и т. д. Практике известно много примеров, когда на месте происшествия обнаруживаются части предметов (куски веревки, ткани, обломки каких-либо предметов, служивших орудием преступления), составлявшие ранее одно целое с обнаруженными у подозреваемого. Иногда такие части обнаруживаются при судебно-медицинском исследовании трупа, когда в костных тканях находят обломки ножа, топора и т. п. Доказательственное значение этой формы связи весьма велико. Оно выходит за рамки идентификационной экспертизы. Причем связь эта имеет значение не только для доказы-

вания уликами, она, как упоминалось ранее, единственная форма связи фактов, устанавливаемых прямыми доказательствами, с предметом доказывания. Прямые доказательства являются таковыми лишь потому, что они содержат сведения о фактах, которые представляют отдельные части, элементы предмета доказывания.

Значительное место в доказывании занимает *связь преобразования* — связь, существующая между исходным свойством объекта, не поддающимся непосредственному наблюдению, и преобразованным свойством, которое воспринимается наблюдателем[49]. Эта форма связи присуща вещественным доказательствам и играет особенно важную роль в их собирании и проверке. Далеко не все свойства и признаки материальных объектов, имеющих доказательственное значение, могут наблюдаться следователем или судом непосредственно. Таковы, например, невидимые (латентные) следы рук и ног, невидимые или уничтоженные смыванием и травлением записи и т. п. Их выявление часто имеет решающее значение для установления обстоятельств преступления, а это возможно лишь в результате преобразования невидимых признаков объекта в видимые, так или иначе доступные восприятию. Такое преобразование становится возможным лишь в результате применения специальных средств, приборов и приемов, разработка которых составляет предмет криминалистической техники. Эти средства и приемы широко применяются не только в экспертных исследованиях, они все шире внедряются в практику расследования и открывают тем самым перед судом и следователем новые перспективы использования связи преобразования в доказывании[50].

В криминалистической литературе, посвященной доказыванию, рассматривается также связь *отражаемого с отражающим*[51]. Нам представляется, что говорить об отражении как о конкретной форме связи косвенных доказательств с предметом доказывания было бы неправильно. Отражение — это свойство, присущее всей материи[52]. В основе этого свойства находится всеобщая, универсальная связь и взаимозависимость явлений в природе и обществе. Все доказательства по делу являются отражением преступного события в окружающей среде, но каждое из них связано — непосредственно или косвенно — с этим событием конкретной формой связи,

результатом чего и является отражение. Поэтому применительно к доказыванию представляется предпочтительным говорить о конкретных формах объективной связи доказательств, а не о свойстве материи, обусловленном наличием такой связи.

Специфической и конкретной формой связи отражения является связь между объектом и его образом, действующая в механизме ощущений и восприятий. Однако эта проблема, являющаяся центральной при изучении прямых доказательств, требует самостоятельного и глубокого исследования, поэтому мы ее касаться не будем.

В заключение следует напомнить, что наряду с положительными связями косвенных доказательств, из наличия которых делаются выводы о тех или иных фактических обстоятельствах преступления, используются выводы и из отсутствия связи фактов, между которыми такая связь первоначально предполагалась или непременно должна была быть.

6.
Некоторые вопросы методики выявления связей косвенных доказательств

Связи косвенных доказательств имеют в доказывании двоякое значение: с одной стороны, их наличие дает возможность достоверно установить фактические обстоятельства преступления, найти истину; с другой — знание связей помогает в ходе предварительного и судебного следствия отыскивать новые доказательства. Оба эти аспекта использования объективных связей в доказывании одинаково важны. Вот почему способы выявления связей приобретают первостепенное значение.

В литературе, посвященной косвенным доказательствам, встречаются указания на то, что «иногда связь является очевидной в силу самого характера улик»[53]. Действительно, такие «поверхностные» формы связи, как совпадение событий во времени, пространственная связь явлений, некоторые формы корреляционной связи являются подчас весьма наглядными, сразу же привлекают внимание следователя и суда и в этом смысле яв-

ляются очевидными. Однако нередко за ними не стоят более глубокие, закономерные связи явлений, и такие совпадения носят случайный характер. Вот почему критерий «очевидности» связи является недостаточно надежным для решения вопроса о ее значимости.

Одним из наиболее важных в практическом отношении правил мы считаем следующее: какой бы очевидной ни представлялась связь между доказательствами, ее наличие во всех случаях обязательно должно быть проверено и достоверно установлено. Несоблюдение этого правила чаще всего ведет к судебным ошибкам.

Такие бросающиеся в глаза совпадения, очевидные внешние связи фактов дают основания лишь для предположения о наличии более глубоких связей между ними, для построения соответствующих версий. Только тщательная проверка этих версий позволяет установить существование объективных связей между доказательствами.

Деятельность следователя и суда по выявлению связей косвенных доказательств должна основываться на использовании закономерностей их формирования. Рассматривая эти закономерности, Р. С. Белкин приходит к обоснованному выводу о том, что процесс возникновения и исчезновения доказательств носит ситуационно-типичный характер[54]. Наличие типичных отражаемых и отражающих объектов, типичных доказательств с необходимостью вытекает из наличия типичных связей доказательств с предметом доказывания. Это дает возможность следователю, приступающему к расследованию, предвидеть вероятные в данной ситуации доказательства, возможные связи, лежащие в их основе. Наличие такой возможности дает основание некоторым советским ученым ставить вопрос о расширении понятия доказывания за счет включения в него помимо традиционных элементов — собирания, проверки и оценки доказательств — определения возможных доказательств. Так, Н. С. Алексеев считает, что первоначальным этапом в процессе доказывания может быть определение возможных доказательств перед их поиском или до выдвижения версий. Он обоснованно аргументирует эту мысль тем, что «еще до обнаружения доказательств следователь, учитывая характер события преступления и основываясь на данных науки и практики и логических обобщениях, составляет представление о необходимых и возможных доказательст-

вах, подлежащих обнаружению по конкретному уголовному делу»[55].

В практике расследования дело обстоит именно так, и те данные науки и практики, о которых пишет Н. С. Алексеев, представляют собой обобщенные знания о типичных для каждой данной ситуации доказательствах и их связях с событием преступления. Обобщение этих знаний составляет одну из важнейших задач советской криминалистики. Методика расследования отдельных видов преступлений — это, в сущности, методика выявления и раскрытия связей между явлениями, образующими преступное событие, условиями, в которых эти явления возникли и развивались, и фактами, вызванными к жизни событием преступления.

Среди этих связей есть неповторимые, присущие только данному событию, но есть и повторяющиеся, типичные для той или иной категории преступлений. Наличие этих типичных связей и создает возможность разработки методики расследования отдельных видов преступлений.

Выводы следователя и суда о наличии связи между явлениями опираются прежде всего на ранее накопленные, обобщенные знания. В их число входят не только знания о законах природы и общества, но и профессиональные знания, обобщаемые криминалистикой, накопленные следователем в период обучения и практической деятельности. Эти обобщения, основанные на следственном и экспертном опыте, А. А. Эйсман называет приблизительными научными обобщениями и указывает, что они «в конечном счете если не прямо, то косвенно опираются на естественно-научные законы»[56].

В процессуальной литературе эти обобщения нередко называют «фактическими презумпциями»[57]. В логическом выводе от наличия промежуточного факта к доказываемому обстоятельству такое обобщение («презумпция») играет роль своеобразной большей посылки силлогизма[58].

Подобное приблизительное обобщение (фактическая презумпция) фиксирует логическую связь, которая в абстрактной форме выражает какую-либо из объективных (онтологических) связей — причинную, функциональную и т. п.

Знания о закономерных связях позволяют следователю выявлять конкретные типичные связи косвенных доказательств — связи, предопределенные самим характе-

ром расследуемого преступления и способом его совершения. Однако установлением только этих типичных связей расследование ограничиться не может, необходимо выявить и специфические, индивидуальные для каждой следственной ситуации проявления этих связей. Их характер и форма зависят от конкретных условий внешней среды, от объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование доказательств. Механизм их образования и способы обнаружения и закрепления также изучаются и разрабатываются криминалистикой. Основываясь на данных этой науки, своем профессиональном и жизненном опыте, следователь и выявляет объективные связи косвенных доказательств.

Среди логических методов выявления связей косвенных доказательств весьма заметное место занимают индуктивные умозаключения. Ими предположительно устанавливается наличие отдельных фактических обстоятельств и объективная связь их с другими фактическими данными. Они служат средством для построения следственных версий, роль которых в косвенном доказывании, как будет показано ниже, чрезвычайно важна.

Значение индуктивных умозаключений в доказывании настолько велико, что А. Н. Васильев не без оснований ставит вопрос о разработке тактического приема — следственной индукции[59].

Существуют и процессуальные средства выявления этих связей. Важным способом получения знаний о них является метод накопления доказательственной информации. В начальный период расследования, когда в распоряжении следователя имеется ограниченное количество доказательств, этот метод является единственным средством выявления объективных связей.

Отдельное косвенное доказательство позволяет лишь выдвинуть предположение о наличии связи. Только получение дополнительной информации может сделать это предположение более обоснованным, а в конечном итоге — достоверным знанием.

Выше говорилось, что каждое доказательство связано с другими доказательствами и явлениями, в том числе и не относящимися к делу, одновременно многими связями в самых различных их формах и сочетаниях. Эта множественность связей каждого доказательства, с одной стороны, усложняет выяснение истины, так как из всего множества связей каждого доказательства следователь и

суд должны выделять те, которые имеют значение для дела, которыми данное доказательство связано с предметом доказывания и с другими доказательствами. С другой стороны, это же обстоятельство помогает расследованию, так как одна из связей, более наглядная и потому легко обнаруживаемая, может указывать на наличие другой, более глубокой, закономерной связи. Так, последовательность двух событий во времени иногда может указывать на причинную связь между ними, совпадение — на связь соответствия и т. д. Такое взаимодействие связей, когда одна из них «вытекает» из другой, обязательно должно использоваться следователем и судом.

Это можно показать на примере расследования дела об убийстве. При осмотре места происшествия среди сгустков крови был обнаружен клочок спрессованной газетной бумаги — самодельный пыж. Следователь установил, что изъятый с места происшествия клочок является частью местной газеты «Апшеронский рабочий» за 20 февраля 1971 г. Так была установлена связь соответствия и стоящая за ней связь части и целого. Заподозрив в совершении убийства человека, побывавшего накануне убийства в доме у жителя того же хутора Д., следователь произвел обыск у последнего и обнаружил ружье и боеприпасы, а главное — 23 экземпляра газеты «Апшеронский рабочий» за 20 февраля 1971 г. Однако все они были целыми, ни от одного из них клочок не отрывался. Жена хозяина дома — Д. пояснила, что газеты она покупала в киоске в селе Черниговском. Киоскер подтвердила это и дополнила, что она продала ей 25 экземпляров этой газеты (запомнила она это потому, что покупка сразу стольких газет была необычной). Так связь соответствия привела следователя к поссидентной связи.

Двух номеров из числа купленных Д. газет дома не оказалось, и следователь предположил, что они могли быть использованы для изготовления пыжей.

По подозрению в убийстве был задержан К. — молодой человек, который 2 октября 1971 г., в день убийства, был в доме Д. Было выяснено, что в этот день он взял ружье Д., зарядил 5 патронов, изготовив пыжи для них из газеты «Апшеронский рабочий», взяв для этого одну газету из имевшейся в доме пачки. К. показал на допросе, что убийства он не совершал, а патроны расстрелял в

лесу, в том числе выстрелил в большой отдельно стоящий дуб на опушке.

При осмотре указанного К. дерева на высоте 12 м от земли в коре дерева были обнаружены 2 дробинки, а в траве, в 8 м от дерева, следователь нашел самодельный газетный пыж. Принадлежность этого пыжа К. не подвергалась сомнению; была установлена, таким образом, поссидентная связь данного пыжа, казалось бы, к убийству заведомо не относящегося. Однако косвенная его связь с убийством все-таки была: когда этот пыж был разглажен и сопоставлен с пыжом, найденным на месте убийства, выяснилось, что оба эти пыжа составляли раньше часть одного экземпляра газеты «Апшеронский рабочий» за 20 февраля 1971 г. Так связь соответствия и связь части с целым привели к установлению принадлежности и второго, интересовавшего следствие пыжа.

Эта улика оказалась настолько веской и наглядной, что К., убедившись на допросе в том, что оба куска газеты, использованные им для пыжей, полностью совмещаются и составляют одно целое, признал себя виновным в убийстве и подробно рассказал об обстоятельствах преступления. Заключением экспертов была установлена однородность дроби, изъятой из трупа, и дроби, извлеченной из дерева, а также дроби, изъятой при обыске в доме Д., где К. снаряжал патроны.

Так сложная структура взаимодействующих связей была использована следователем для последовательного выявления каждой из них, отправляясь от других.

В этом сложном поиске имеет большое значение сочетание различных направлений связей косвенных доказательств. На это обстоятельство обратил внимание М. П. Шаламов, который указывает два таких направления: от источника доказательств — к доказательственному факту, от него — к новому доказательственному факту, а затем к новому источнику; от источника — к доказательственному факту, а затем к новому источнику, подтверждающему тот же доказательственный факт[60]. Первое из этих направлений ведет к формированию различных частных систем косвенных доказательств, второе — к накоплению доказательственной информации внутри одной частной системы. В расследовании должны сочетаться оба направления: первое ведет к обнаружению новых промежуточных фактов, второе дает возможность достоверного установления этих фактов.

Поскольку явления, которые становятся предметом судебного исследования, весьма разнообразны по своему характеру, а их связи зачастую настолько специфичны, что требуют для своего обнаружения специальных знаний, приемов и средств, следователю и суду часто приходится обращаться к помощи специалистов. Участие специалиста в следственном или судебном действии помогает обнаружить предполагаемые связи между отдельными доказательствами и событием преступления[61]. Характерным средством выявления связей является *судебная экспертиза.*

Очень часто на разрешение экспертов ставится вопрос о наличии причинной связи между различными явлениями: например, о причине смерти, технической причине пожара, причине аварии и т. п. В этих случаях заключение эксперта прямо устанавливает наличие или отсутствие причинной связи. Нередко экспертам приходится решать вопрос и о наличии связи условия с обусловленным, когда, например, требуется установить возможность самовозгорания тех или иных материалов в определенных условиях, возможность в данных условиях предотвратить наезд автомобиля на пешехода и т. д.

К компетенции эксперта относится установление и других форм связи между явлениями. Общеизвестно значение идентификационных экспертиз. Экспертам самых разных специальностей приходится устанавливать наличие функциональных связей: определять скорость автомобиля по длине его тормозного пути, размеры потерь при определенных параметрах сырья и технологических режимов его переработки, выход продукции по количеству израсходованных вспомогательных материалов и т. п. Нередко экспертиза используется для установления поссидентной связи (когда, например, устанавливается владелец вещи по оставленным на ней следам и т. д.). Предметом экспертного исследования может быть и установление хронологических связей: времени наступления смерти, времени возникновения пожара, последовательности нанесения ранений, времени причинения телесных повреждений и т. п.

Даже такая, казалось бы, простая форма связи, как пространственная, нередко устанавливается с помощью экспертов. Происходит это тогда, когда эта связь выступает в сложном комплексе с причинностью и обусловленностью, а количество факторов, обусловливающих ее,

велико и требует для своего учета специальных знаний. Можно привести достаточно яркий пример такого рода.

В Цемесской бухте, в районе Новороссийска, был выловлен труп женщины, упакованный в тюк, подобный багажному: обернутый тканью и туго перевязанный веревками и электрическим шнуром; лицо обезображено; потерпевшая опознана не была, не поступало и заявлений об исчезновении в городе женщин. Чтобы установить место жительства потерпевшей, а затем — и ее личность, следователь назначил судебно-лоцманскую экспертизу, на разрешение которой поставил вопрос, с какого места берега был брошен труп, если через три дня его обнаружили в определенной точке (с учетом силы и направления ветра, волнения моря и других факторов). В заключении эксперты указали участок берега длиной 150 м. Проверка всех квартир в домах, расположенных в непосредственной близости от этой части набережной, позволила выяснить, что исчезла хозяйка одной из них — одинокая женщина, выехавшая, по словам соседей, в отпуск. Она-то и оказалась убитой.

Определение пространственной связи между местом обнаружения трупа и местом, где он мог быть выброшен в море, сыграло решающую роль в установлении личности потерпевшей и в раскрытии этого убийства.

Таким образом, назначение и производство экспертизы — один из важнейших способов установления объективной связи косвенных доказательств.

Не менее надежен в этом смысле и экспериментальный метод. Применение этого метода, как нам представляется, основывается прежде всего на наличии связей соответствия между различными факторами, входящими в комплекс причинно-следственных, функциональных и иных отношений. Именно установление таких корреляционных связей дает возможность выявить наличие или отсутствие всех других форм объективной связи косвенных доказательств. Не случайно требование максимального соответствия условий производства эксперимента условиям, в которых происходило проверяемое событие, является основным тактическим правилом подготовки и проведения следственного эксперимента и в качестве такового указывается всеми учебниками криминалистики.

Экспериментальным путем может быть установлено наличие (или отсутствие) причинной связи. Этой цели

служит эксперимент, который проводится для установления механизма проверяемого события, возможности совершить определенные действия в конкретных условиях. Наряду (и, как правило, одновременно) с этим экспериментальным путем устанавливается и связь условия с обусловленным: вариация условий при производстве следственного эксперимента служит одним из основных тактических правил его проведения. В ходе эксперимента может быть проверено и предположение о наличии хронологической и локальной связи.

Глава III. Классификация косвенных доказательств

1. Основания и значение классификации косвенных доказательств

В современной науке классификация играет существенную роль, будучи одним из важных аспектов системного подхода к изучаемым явлениям. Классификация способствует систематизации накопленных знаний и, следовательно, более осмысленному их применению, обеспечивает всестороннее исследование объекта изучения.

Для того чтобы классификация могла играть такую роль в науке и практике, в ее основу должны быть положены существенные свойства и признаки классифицируемых явлений.

Ф. Энгельс указывал, что значение каждой научной классификации заключается в том, что она располагает изучаемые явления «согласно внутренне присущей им последовательности»[1].

Необходимость классификации доказательств в теории советского уголовного процесса диктуется прежде всего сложностью и многоплановостью процесса доказывания, разнообразием происхождения, характера, структуры самих доказательств, неодинаковостью их функций в процессе доказывания. Совокупность доказательств может установить обстоятельства дела с необходимой полнотой и всесторонностью только в том случае, если она образует систему доказательств, которая должна установить все элементы предмета доказывания. Исследование такой системы неизбежно предполагает классификацию входящих в нее компонентов.

Классификация доказательств имеет и большое практическое значение.

Во-первых, правильно построенная научная классификация доказательств предопределяет особенности их собирания — обнаружения и процессуального закрепления. Этой цели служит, в частности, классификация доказательств по источнику фактических данных.

Далее, классификация доказательств помогает правильно определить процессуальный режим отдельных видов доказательств. Наглядным примером может служить выделение вещественных и личных доказательств. Она также помогает правильно определить пути и методы использования тех или иных доказательств. С этой точки зрения особенно важна классификация доказательств по их отношению к предмету доказывания.

Классификация доказательств отражает особенности их исследования и оценки (существенно разнятся, например, прямые и косвенные доказательства).

Наконец, классификация способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела тем, что помогает привести в систему совокупность собранных доказательств и выяснить, какие из подлежащих доказыванию обстоятельств дела установлены достаточно полно, какие еще не выяснены либо нуждаются в дополнительном уточнении.

Столь многоплановое значение классификации доказательств и сложность ее объектов свидетельствуют о том, что провести исчерпывающую классификацию по какому-то одному основанию, одному признаку или свойству доказательств практически невозможно. Поэтому классификация доказательств в советском уголовном процессе проводится обычно по нескольким основаниям и представляет довольно разветвленную систему.

Назовем различные виды классификации, чтобы отметить применимость их к косвенным доказательствам[2].

Общепризнанным в теории советского уголовного процесса является деление доказательств по отношению к предмету обвинения на обвинительные и оправдательные, по источнику — на первоначальные и производные, по отношению доказательств к предмету доказывания — на прямые и косвенные.

Были предложены и другие основания классификации. Так, было предложено делить доказательства по

механизму их формирования на личные и вещественные[3]. Такое деление доказательств отнюдь не является новым, оно применялось еще более столетия назад и в свое время вызвало критику советских процессуалистов, утверждавших, что эта классификация противопоставляет вещественные доказательства показаниям свидетелей, потерпевших, обвиняемых[4]. Однако в данном случае речь идет «не о противопоставлении доказательств, а о признании очевидного различия между сообщениями о фактах, исходящими от людей, и материальными предметами, которые требуют иного процессуального режима их собирания и закрепления»[5].

Э. С. Зеликсон предложил делить доказательства по способу воспроизведения сведений о фактах на показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, документы[6]. Представляется, что более правильной является классификация доказательств по их источникам, принятая законодателем (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства).

Наряду с этим возможна классификация доказательств внутри каждой из этих групп по иным основаниям[7].

Важно отметить, что все эти классификации проводятся по различным основаниям, что исключает возможность рассматривать какую бы то ни было из групп доказательств как имеющую подчиненное значение по отношению к другим группам[8].

В научной литературе утвердилось деление косвенных доказательств (как и прямых) на обвинительные и оправдательные, личные и вещественные, первоначальные и производные. Такая классификация предоставляет широкие возможности для всестороннего анализа, определения роли и значения доказательств, выбора оптимальных тактических и методических приемов их собирания и проверки, позволяет учитывать особенности каждого вида доказательств при их оценке.

Вместе с тем косвенные доказательства могут быть классифицированы и по специфическим для них признакам. Первые исследователи проблемы применения косвенных доказательств в расследовании преступлений предпринимали попытки их дополнительной систематизации по иным основаниям. Так, еще У. Уильз, с оговоркой об условности такого деления, подразделял ули-

ки на нравственные признаки и внешние факты. И те и другие он делил на признаки виновности и невиновности[9].

Нельзя сказать, что такое разграничение улик вовсе лишено какого бы то ни было значения, однако представляется очевидным, что многообразная роль косвенных доказательств в установлении обстоятельств преступления таким делением отражалась далеко не полностью.

Весьма обширную и разветвленную классификацию улик дал первый из отечественных исследователей проблемы А. Жиряев, который считал такую классификацию «не только возможною, но и в высшей степени важною как в теоретическом, так и в практическом отношении»[10].

Предложенная им классификация отличалась высокой степенью научной разработки, отдельные ее элементы сохранили свое значение и до настоящего времени (например, деление косвенных доказательств на обвинительные и оправдательные, общие и частные, их разграничение по формам связи с предметом доказывания, по времени возникновения)[11]. Вместе с тем данная классификация не может считаться достаточно совершенной.

Некоторые советские ученые предлагали классифицировать косвенные доказательства в зависимости от того, устанавливают ли они наличие события преступления или виновность определенного лица[12]. Это предложение вызвало возражения, сводившиеся к тому, что «косвенное доказательство, относящееся к событию преступления, в большинстве случаев косвенно устанавливает в то же время и виновника (ибо событие — результат его действий), и наоборот»[13]. Действительно, устанавливая, например, способ совершения преступления, мы нередко получаем косвенные указания на его виновника. Но объясняется это не тем, что отдельное косвенное доказательство относится одновременно к нескольким элементам предмета доказывания, а взаимосвязью самих этих элементов, образующих строго упорядоченную систему.

Первый из советских исследователей теории косвенных доказательств М. М. Гродзинский выступал против какой бы то ни было классификации улик, поскольку такие классификации, по его мнению, «не вытекают из самой сущности улик и поэтому являются произвольны-

ми»[14]. Сущностью улик М. М. Гродзинский считал их причинную связь с преступлением.

Как было показано выше, причинная связь не является единственной, лежащей в основе доказывания уликами.

Современная процессуальная наука располагает всем необходимым для построения многоаспектной, всесторонней классификации косвенных доказательств, использующей и развивающей и ранее предлагавшиеся наиболее теоретически обоснованные и практически полезные системы.

Самым существенным признаком косвенных доказательств является характер их связи с событием преступления, их отношение к предмету доказывания, иначе говоря — функциональное значение косвенных доказательств. Различия в характеристике этого признака обусловлены различиями между элементами предмета доказывания, с которыми связаны косвенные доказательства. Эти различия обозначены достаточно четко, хотя, разумеется, абсолютных граней между отдельными элементами предмета доказывания, как и между отдельными сторонами и элементами состава преступления, нет и быть не может. Тем не менее такая взаимосвязь элементов предмета доказывания не препятствует, как нам кажется, построению достаточно строгой классификации доказательств по указанному признаку[15]. Практическое значение такой классификации представляется несомненным: помимо возможностей, которые предоставляют все иные классификации доказательств, эта позволяет непосредственно построить систему доказательств по делу, что, как будет показано ниже, имеет определяющее значение в доказывании уликами.

Все косвенные доказательства по их функциональному значению прежде всего могут быть разделены на две большие группы: предметные и вспомогательные.

Предметными будут все те косвенные доказательства, которые устанавливают промежуточные факты, на основе которых делаются затем выводы о наличии или отсутствии обстоятельств, входящих в предмет доказывания[16]. Каждое из таких доказательств имеет самостоятельное значение.

В отличие от этого *вспомогательные* доказательства самостоятельного значения не имеют: они связаны с

предметом доказывания не через промежуточные факты, а через предметные доказательства. Однако в связи с последними они приобретают важное значение в доказывании, так как помогают, во-первых, обнаружить доказательства по делу и, во-вторых, проверить их достоверность[17].

Предметные доказательства делятся на группы применительно к отдельным элементам структуры предмета доказывания. Как правильно отмечают авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе», процессуальный закон (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР) дает «свернутое», компактное описание отдельных элементов предмета доказывания — «каждый из его пунктов содержит обобщенное обозначение признаков каждого из соответствующих обстоятельств»[18]. Этим обусловлена необходимость при определении предмета доказывания по конкретному делу использовать указанные статьи в сочетании с другими нормами уголовного и уголовно-процессуального права, дополняющими и раскрывающими конкретное содержание каждого из элементов предмета доказывания. Представляется необходимым при классификации косвенных доказательств исходить из такого «развернутого» описания отдельных элементов структуры предмета доказывания[19], а классификацию начинать с выделения трех крупных групп обстоятельств, характеризующих: 1) событие преступления, 2) субъект и субъективную сторону преступления и 3) иные обстоятельства преступления.

Первая группа обстоятельств устанавливает наличие противоправного деяния, его объект и объективную сторону. Она включает в себя во всех случаях:

а) конкретный вид преступления;

б) объект преступления и предмет посягательства;

в) время, место и способ совершения преступления;

г) непосредственные последствия преступления (наличие, характер и размер ущерба, причиненного преступлением).

В эту группу, в зависимости от характера преступления, могут входить также такие обстоятельства:

а) производные последствия преступления;

б) некоторые свойства личности потерпевшего;

в) специальная противоправность деяния (нарушение специальных правил);

г) внешние обстоятельства необходимой обороны;

д) обстоятельства, характеризующие стадию осуществления преступления;

е) изменение обстановки, влекущее утрату общественной опасности деяния или лица[20].

Во *вторую* группу во всех случаях входят обстоятельства, устанавливающие:

а) лицо, совершившее преступление;

б) достижение этим лицом возраста уголовной ответственности;

в) вменяемость субъекта;

г) наличие и форму вины (умысел или неосторожность);

д) мотивы и цели преступления.

«Региональными» для этой группы обстоятельств будут:

а) обстоятельства соучастия;

б) признаки специального субъекта преступления.

Наконец, *третья* группа включает:

а) обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого;

б) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Некоторые из обстоятельств, входящих в каждую из этих групп, обычно без труда устанавливаются прямыми доказательствами (например, возраст обвиняемого, его вменяемость, признаки специального субъекта преступления, некоторые последствия преступления и т. д.), другие — могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными (или преимущественно косвенными) доказательствами.

Применительно к трем указанным группам обстоятельств предмета доказывания мы и будем группировать косвенные доказательства.

2.
Доказательства события преступления

В эту группу включаются доказательства, устанавливающие объект и объективную сторону, то, что часто называют «самый факт совершения преступления». Среди них прежде всего необходимо выделить *доказательства наличия преступного деяния и стадии его осуществления.*

Доказательства наличия преступления далеко не всегда очевидны. В делах о наиболее опасных преступлениях — умышленных убийствах, организованных хищениях социалистического имущества и других — в качестве таких доказательств часто выступают данные, лишь косвенно свидетельствующие о том, что преступное событие произошло. Особенно часто с такими доказательствами следователю и суду приходится встречаться в делах об убийствах, связанных с исчезновением потерпевшего. Отсутствие у исчезнувшего причин скрываться, неожиданность и внезапность исчезновения, обнаружение вещей или документов исчезнувшего в таких местах, где они при нормальном ходе событий не могли и не должны были находиться, а также обнаружение в доме исчезнувшего тех вещей, которые он обязательно должен был взять с собой (или надеть на себя) при уходе или выезде из дома, — вот те факты, данные о которых чаще всего фигурируют в качестве косвенных доказательств события преступления по такого рода делам.

В делах о хищениях социалистического имущества должностными лицами доказательствами этой группы являются фактические данные о недостаче ценностей, вывозе их с территории предприятия без сопроводительных документов или в бóльшем, чем указано в документах, количестве и др.[21].

Каждое умышленное преступление включает в себя несколько этапов: подготовку к преступлению, совершение преступления, использование его результатов и сокрытие следов. Некоторые этапы (в частности, второй и четвертый) свойственны и неосторожным преступлениям. Разумеется, такое разграничение этапов преступления носит несколько условный характер, и доказательства, относящиеся к одному из этих этапов, могут указывать и на фактические обстоятельства другого этапа, однако это лишь подтверждает наличие объективной связи данных групп доказательств, а в интересах полноты и всесторонности исследования дела такое деление представляется необходимым[22].

Доказательства подготовки к преступлению — это фактические данные, свидетельствующие о создании условий, благоприятствующих совершению преступления, подготовке орудий преступления, выборе времени, места и обстановки для совершения преступления и т. д.

В зависимости от характера преступления эти данные могут быть самыми разнообразными. Обычно ими являются данные, свидетельствующие о выборе объекта и условий, о подготовке орудий и средств совершения преступления. К числу доказательств подготовки к преступлению следует отнести и сведения о фактах, указывающих на преступные намерения обвиняемого (высказывание угроз, заявления о предполагаемом способе преступления и т. п.).

Косвенные доказательства этой группы могут выступать и в негативной форме. Например, доказательством подготовки к детоубийству нередко служат данные об отсутствии в доме родившей женщины каких бы то ни было вещей, предназначенных для новорожденного и ухода за ним. Это указывает на наличие заранее обдуманного намерения избавиться от ребенка.

Доказательства сокрытия преступления также играют важную роль в установлении преступного события. Самый факт сокрытия какого-либо события устанавливает, с одной стороны, наличие этого события, с другой — указывает на его противоправный характер. Доказательства этого рода обычно довольно многочисленны и весьма разнообразны по характеру. К ним относятся данные о тайном захоронении, расчленении или попытках уничтожения трупа жертвы, попытках уничтожить следы и вещественные доказательства преступления, данные о сокрытии недостач и неучтенных излишков по делам о хищениях. Способы обнаружения таких доказательств подробно описаны в криминалистической литературе, посвященной методике расследования отдельных видов преступлений.

Доказательства способа совершения преступления. Способ совершения преступления является обстоятельством, подлежащим доказыванию по всем без исключения делам. Значение этой группы доказательств особенно возрастает по делам, где установление способа является решающим для раскрытия остальных обстоятельств преступления. К числу таких преступлений относятся прежде всего хищения социалистического имущества должностными лицами; должностные преступления и ряд других.

Характер косвенных доказательств способа совершения преступления определяется видом преступления и его криминалистической характеристикой. В качестве

таких доказательств могут выступать самые разнообразные данные. Например, обнаружение яда в органах и тканях человеческого тела, атипичной странгуляционной борозды на шее трупа, остатков взрывного устройства, дополнительных следов выстрела и т. д. указывает на способ убийства. Установление фиктивности закупочных квитанций, актов на списание имущества, записей о стаже в трудовой книжке и т. д. свидетельствует о способе хищения социалистического имущества; обнаружение зажигательных приспособлений или их остатков указывает на способ поджога и т. д. Обобщенные данные о типичных для каждой категории дел косвенных доказательствах способа преступления разрабатываются методикой расследования отдельных видов преступлений, которая в значительной своей части основана на изучении способов совершения преступлений.

Поскольку способ преступления представляет собой совокупность действий, направленных на совершение и сокрытие преступления, доказательства способа, как правило, одновременно устанавливают и наличие преступления.

Доказательства времени совершения преступления. В их обнаружении играет большую роль знание и выявление хронологических связей между доказательствами и отдельными обстоятельствами преступления. Существует, например, совершенно определенная хронологическая связь между появлением и степенью развития трупных явлений и временем наступления смерти. Наличие этой связи во многих случаях дает возможность точно определить время совершения убийства.

Место совершения преступления также нередко устанавливается косвенными доказательствами. Ими могут быть зафиксированные при осмотре следы рук, ног и транспортных средств преступника, потерпевшего, следы крови, различного рода следы борьбы, предметы, принадлежащие преступнику, и т. д. Для определения места совершения преступления имеют значение и негативные обстоятельства, которые иногда указывают на то, что преступление совершено не в том месте, где обнаружены основные связанные с ним объекты. Обычно в качестве косвенных доказательств места совершения преступления выступают вещественные доказательства.

Доказательства последствий преступления в тех случаях, когда эти последствия связаны с причинением физического или имущественного вреда потерпевшему, чаще всего бывают прямыми (например, заключение эксперта о степени тяжести телесных повреждений, о размере имущественного ущерба). В таких случаях необходимо доказать наличие причинной связи между действиями (бездействием) обвиняемого и наступившими последствиями, а это уже осуществляется косвенными доказательствами с использованием всех методов выявления причинной связи между явлениями, о которых шла речь в предыдущей главе. На основании косвенных доказательств делается вывод о причинении морального вреда потерпевшему.

Установление объекта преступления (в отличие от предмета посягательства) осуществляется только косвенным путем[23]. Между тем есть преступления, которые различаются между собой только по объекту (посягательства на личную собственность граждан и социалистическую собственность), в других случаях разграничение преступлений по их объекту представляет известные трудности[24]. Этим определяется значение данной группы косвенных доказательств.

Среди доказательств события преступления имеются группы, которые используются для установления «региональных» обстоятельств предмета доказывания, выяснение которых необходимо не по всем делам, а лишь по отдельным их категориям — в зависимости от характера преступления и конкретных обстоятельств его совершения.

Здесь прежде всего следует упомянуть доказательства, *относящиеся к личности потерпевшего*. Они часто используются для установления события преступления в таких, например, сложных для расследования и судебного разбирательства делах, как убийство, изнасилование и др.

Так, в делах об убийствах, замаскированных под самоубийство, в качестве доказательств подобного рода выступают сведения о жизнерадостном характере погибшего, отсутствии у него каких бы то ни было поводов к самоубийству, наличии реальных жизненных планов на будущее (например, завершить начатый труд, закончить постройку дома и т. п.). Такую же роль иг-

рают и данные, свидетельствующие о физическом и психическом здоровье потерпевшего.

В делах об изнасиловании, когда преступление совершается без сопротивления потерпевшей в силу ее беспомощного состояния, слабоумия или душевной болезни, данные о пребывании потерпевшей в этом состоянии служат одним из косвенных доказательств события преступления[25]. Выяснение тех или иных свойств личности потерпевшего необходимо для установления события и некоторых других преступлений (ст. ст. 95, 118, 119, 127, 128, 148 и др. УК РСФСР).

Доказывание специальной противоправности деяния, по общему правилу, трудностей не вызывает и осуществляется обычно с помощью документов и заключений экспертов.

Доказательствами необходимой обороны устанавливается обширный круг фактических обстоятельств, характеризующих условия правомерности обороны: наличие и противоправный характер посягательства на интересы Советского государства, общественные интересы, личность и права обороняющегося или другого лица; реальность этого посягательства; факт причинения вреда нападающему, характер и размеры этого вреда; наличие и характер охраняемого правом государственного, общественного или личного интереса, против которого было направлено посягательство; пределы необходимости защиты[26]. Большинство этих обстоятельств устанавливается только косвенными доказательствами.

Из этого исходит и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», предписывающее судам «учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения (количество нападавших и оборонявшихся, их возраст, физическое состояние, наличие оружия, место и время посягательства и другие обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося)»[27].

Аналогичное значение имеют и доказательства *наличия крайней необходимости.* Они также устанавливают явление, которое нельзя наблюдать непосредственно и которое включает в себя достаточно широкий круг фактических обстоятельств: наличие и характер источника

опасности, реальность ее; наличие и характер коллективного или индивидуального правомерного интереса, подвергавшегося опасности; невозможность при данных обстоятельствах устранить опасность иными средствами; соотношение причиненного и предотвращенного вреда[28]. Фактические данные, на основе которых устанавливаются все эти обстоятельства, являются в подавляющем большинстве своем косвенными доказательствами.

Таковы основные группы косвенных доказательств, образующие первый их класс — доказательства события преступления.

3. Доказательства, устанавливающие субъекта и субъективную сторону преступления

Эта группа доказательств служит прежде всего средством решения одной из основных задач советского уголовного судопроизводства — установлению лица, совершившего общественно опасное деяние. Доказательствами этой группы устанавливается также субъективная сторона преступления — наличие и форма вины обвиняемого, мотивы и цели преступления. Эти доказательства имеют особенно важное значение, ибо даже тогда, когда событие преступления установлено достоверно, причастность обвиняемого к данному событию, его виновность, мотивы и цели преступления нуждаются в тщательном доказывании. Если событие преступления, а нередко и причастность к нему данного лица могут устанавливаться как косвенными, так и прямыми доказательствами, то субъективная сторона устанавливается главным образом косвенными доказательствами.

Анализ судебной практики убеждает в том, что наибольшее количество судебных ошибок связано как раз с этой стороной дела[29–30]. Таковы и данные, полученные нами при изучении кассационной и надзорной практики Верховного Суда РСФСР: около половины случаев отмены приговоров вызвано ошибками при установлении субъективной стороны преступления.

Среди этих доказательств следует, на наш взгляд, различать две группы: доказательства причастности ли-

ца к преступлению и доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления.

Доказательства причастности лица к преступлению в свою очередь включают в себя: доказательства, характеризующие личность обвиняемого; «улики поведения»; доказательства принадлежности вещей и доказательства, относящиеся к личности и поведению потерпевшего.

Доказательственное значение данных о личности обвиняемого является предметом дискуссии среди процессуалистов. Точка зрения, согласно которой данные о личности обвиняемого имеют значение не только при назначении наказания, но могут служить и косвенными доказательствами причастности его к преступлению, имеет много сторонников среди советских юристов.

Приверженцы противоположного взгляда исходят из того, что данные о личности обвиняемого никогда не могут служить доказательством совершения им преступления. Последовательно отстаивает эту точку зрения М. С. Строгович, который полагает, что «данные о личности обвиняемого имеют значение только для определения степени опасности преступления и ответственности обвиняемого за доказанное совершение им преступления, но сами они не являются доказательствами совершения обвиняемым преступления»[31].

Представляется, что данные, относящиеся к личности обвиняемого, могут быть использованы и как доказательства совершения (или несовершения) инкриминируемого деяния именно этим лицом. Нужно только условиться, что понимать под этими данными. Нетрудно заметить: все возражения против признания доказательственного значения за данными о личности обвиняемого основаны на понимании их лишь как характеристики моральных качеств, общественной и производственной деятельности обвиняемого. При этом не принимается в расчет, что личность характеризуется и другими, очень важными с точки зрения расследования, свойствами. К их числу следует отнести прежде всего неотъемлемые физические свойства обвиняемого (рост, телосложение, размеры отдельных частей тела, физическая сила, группа крови, наличие физических дефектов, аномалий, следы перенесенных болезней и операций, особые приметы и т. д.). Данные о них широко используются в качестве доказательств. Например, отразившиеся в следах на месте преступления физические

особенности обвиняемого, конечно, будут рассматриваться следователем и судом как улики.

В неменьшей степени это относится и к таким данным о личности, как наличие специальных знаний и опыта, профессиональных способностей и навыков. Общеизвестно, например, указание на необходимость при осмотре обращать внимание на характер узлов, которыми завязана петля на жертве, или на особенности расчленения трупа и т. п. Все это — отражение свойств, привычных или профессиональных особенностей личности, и они всегда рассматриваются как косвенное доказательство, подтверждающее или опровергающее факт совершения преступления именно этим лицом. Данные о профессиональных способностях и навыках, отразившиеся в способе совершения или сокрытия преступления, наличие или отсутствие у обвиняемого специальных полномочий и возможности совершить определенные действия по службе и т. п. также могут рассматриваться как косвенные доказательства его причастности или непричастности к совершению преступления.

Разумеется, все эти фактические данные, относящиеся к личности обвиняемого, могут служить доказательствами по делу только при том условии, если они получены в процессуальном порядке. Представляется правильным взгляд на данные о личности обвиняемого как на «собранные в определенном законом порядке сведения о постоянных или относительно устойчивых признаках, свойствах и качествах личности, имеющих существенное значение для дела»[32].

Конечно, отдельные улики такого рода не решают судьбу дела, они устанавливают причастность лица к преступлению только в совокупности и в связи с другими доказательствами, относящимися к деянию и ситуации, в которой это деяние было совершено. Однако это не дает оснований отрицать их доказательственное значение[33].

Доказательства, относящиеся к личности обвиняемого, имеют и большую поисковую ценность. Данные о внешности преступника, его анатомических и функциональных признаках, особых приметах широко используются при розыске преступников с использованием «словесного портрета», они лежат в основе такого следственного действия, как предъявление для опознания. Отразившиеся в следах на месте происшествия физические

свойства лица и даже стойкие его привычки (например, манера курить папиросу) используются для построения розыскных и следственных версий. Сведения о физических недостатках, аномалиях, ранениях и т. п. используются не только для изобличения лица в совершении преступления, но и для его розыска.

Наряду с доказательствами, относящимися к личности обвиняемого, большое значение в этой группе косвенных доказательств имеют и так называемые *улики поведения* — данные о фактах, характеризующих поведение обвиняемого, связанное с совершением преступления.

Разумеется, далеко не всякое поведение обвиняемого может иметь доказательственное значение. Прежде всего необходимо указать, что не могут использоваться в качестве доказательств данные, характеризующие физическое или моральное состояние обвиняемого в период расследования или разбирательства дела. То обстоятельство, что обвиняемый волнуется, отвечая на определенные вопросы, не может сразу подыскать ответ на них, изменяет тон своих показаний и т. п., может служить лишь своеобразным индикатором, помогающим следователю и суду избрать правильную тактику допроса и направление дальнейших поисков, но рассматриваться как доказательство такое поведение не может. Все подобные факты — отказ давать показания или отвечать на отдельные вопросы, умолчание об изобличающих его фактах, психофизиологические реакции на процессуальные действия и т. п. — Г. Н. Мудьюгин справедливо относит к поведению обвиняемого, имеющему лишь криминалистическое значение[34].

По вопросу о том, что следует считать «уликами поведения», среди советских криминалистов нет единогласия. Так, А. И. Ковалев определяет «улики поведения» как «косвенные доказательства, вытекающие из поведения (действия или бездействия) совершивших преступление либо причастных к преступлению лиц»[35]. Против столь широкого понимания «улик поведения» выступают А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и А. А. Эйсман, которые полагают, что при таком подходе понятие «улик поведения» сливается с общим понятием косвенных доказательств, и считают, что в качестве «улик поведения» могут рассматриваться лишь данные о так называемой «виновной осведомленности»[36].

Оба эти взгляда вызывают возражения. Конечно, нельзя отождествлять «улики поведения» с косвенными доказательствами вообще. Однако ограничивать круг этих улик только данными о «виновной осведомленности» не совсем точно. Правильной представляется позиция тех, кто определяет «улики поведения» как «действия (или бездействие) обвиняемого, которые, не входя в состав преступления, могут быть причинно связаны с его совершением»[37].

К поведению, данные о котором могут иметь самостоятельное доказательственное значение, следует отнести такое поведение обвиняемого, которое направлено на уклонение его от ответственности, а также поведение, свидетельствующее об осведомленности обвиняемого о таких обстоятельствах преступления, которые могли быть известны только его исполнителю, об использовании обвиняемым плодов преступления и о косвенном признании им своей виновности[38].

Рассмотрим подробнее каждую из этих групп «улик поведения».

Большое место среди них занимают данные о действиях обвиняемого, направленных на уклонение от ответственности за преступление. Улики, характеризующие такое поведение, очень часто встречаются в практике расследования и весьма разнообразны по характеру. К числу наиболее типичных следует отнести неожиданное бегство обвиняемого, его попытки уничтожить следы преступления и изобличающие его доказательства (например, скрыть труп, уничтожить окровавленную одежду, сжечь документы и т. п.), искусственно создать оправдательные доказательства, например алиби. Последнее встречается довольно часто, и Верховный Суд СССР трактует такие попытки как улики[39].

Доказательствами этой группы являются также данные о попытках обвиняемых склонить свидетелей к даче ложных показаний, фальсифицировать вещественные доказательства, подделать документы и т. п.; сюда же входят данные о действиях обвиняемого, предпринятых с целью отвести от себя подозрения в совершении преступления (нередко еще до того, как эти подозрения возникли у следователя). Особенно часто это бывает в делах об убийствах, связанных с исчезновением лица: убийца обычно распространяет слухи о том, что исчезнув-

шего где-то видели, иногда даже фабрикует письма и телеграммы от его имени и т. п.

В некоторых случаях подобные действия приобретают довольно сложный и изощренный характер. Так, упоминавшийся выше П., совершивший убийство своей знакомой, на допросе в качестве свидетеля, отводя подозрения от себя, высказал предположение, что потерпевшая участвовала в хищениях кирпича на заводе, где они вместе работали, и была убита кем-то в связи с этой преступной деятельностью. Чтобы придать видимость правдоподобия этой версии, П. организовал хищение кирпича, втянув в него кладовщика завода.

Узнав, что следствием все-таки проверяется его причастность к убийству, П. организовал инсценировку покушения на него: по его просьбе знакомый нанес ему несколько довольно сильных ударов по голове. Когда в обусловленное время этот знакомый вместе с братом П. подошел к его дому, тот открыл газ и к моменту, когда пришедшие вошли в квартиру, потерял сознание.

Были немедленно вызваны скорая помощь и милиция. Приведенный в чувство П. рассказал, что на него напали двое, хотевшие его убить за то, что он помогает милиции в розыске убийцы. Было возбуждено уголовное дело, долго и, понятно, бесплодно искали «убийц», пока по другим данным П. не был изобличен в убийстве.

Важными доказательствами этой группы являются все фактические данные, свидетельствующие о так называемой «виновной осведомленности», т. е. осведомленности обвиняемого о таких обстоятельствах преступного события, которые могут быть известны лишь непосредственному участнику этого события, исполнителю преступления. Иногда такая осведомленность проявляется в знании о событии преступления, о котором другим еще не известно. В частности, при расследовании дел, связанных с исчезновением лица, нередко обращает на себя внимание странное поведение кого-то из близких исчезнувшего, кто вопреки ожиданиям окружающих не проявляет желания искать его.

В группе «улик поведения» находятся и данные, свидетельствующие об использовании обвиняемым плодов преступления: похищенных во время преступления денег и документов, а также ценностей, нажитых в результате преступления. Такие доказательства особенно

распространены в делах о хищениях, совершаемых должностными лицами, где сведения о «жизни не по средствам» являются едва ли не наиболее распространенными доказательствами. Нередко с их установления и начинается расследование подобных преступлений.

Наконец, говоря о косвенных доказательствах этой группы, необходимо указать на косвенное признание обвиняемым своей вины. О таком признании следователь и суд могут узнать при допросе свидетелей, так как нередко обвиняемый невольно выдает себя в разговорах с близкими и даже посторонними ему людьми. Однако гораздо чаще данные, свидетельствующие о признании обвиняемым своей виновности, содержатся в письмах или записках, адресованных родным и близким либо соучастникам преступления. Иногда в них содержатся прямые доказательства, но чаще — косвенные.

Косвенное признание своей вины может выражаться и в действиях: например, узнав о прибытии ревизоров, должностное лицо начинает прятать свое имущество, готовиться к бегству и т. п.

Таковы основные виды фактических данных, относящихся к поведению обвиняемого, которые могут быть использованы в качестве косвенных доказательств. Наряду с данными, характеризующими личность обвиняемого, они составляют важную группу косвенных доказательств, помогающих выявить субъекта и субъективную сторону преступления. Криминалистическое значение подобных косвенных доказательств велико, однако следует решительно предостеречь от их переоценки: служить единственным основанием для установления виновности обвиняемого «улики поведения» не могут без доказательств, устанавливающих объективную сторону и все иные существенные обстоятельства преступления. Говорить об этом приходится потому, что в криминалистической литературе было высказано мнение, согласно которому виновность обвиняемого может быть установлена только «уликами поведения»[40].

Подобное утверждение нельзя признать обоснованным. Виновность не может устанавливаться безотносительно к остальным элементам состава преступления, и прежде всего к объективной его стороне. Осознание противоправности деяния и отношение к его последствиям и образует содержание вины. Необходимо установить все эти признаки. Решить же задачу только с помощью

«улик поведения» невозможно. Вот почему об этих доказательствах следует говорить лишь как об одной из групп, входящих в систему доказательств по делу.

В группе доказательств, устанавливающих субъекта и субъективную сторону преступления, большое значение имеют *доказательства принадлежности вещей.* Известно, например, что в случаях исчезновения лиц событие преступления устанавливается обычно косвенными доказательствами, среди которых весьма распространенным является обнаружение вещей исчезнувшего в тех местах или у тех лиц, где они не должны были бы находиться. Если факт убийства установлен, обнаружение вещей убитого не менее важно, ибо они могут указать на лиц, причастных к убийству. Общеизвестно значение обнаружения вещей потерпевшего для установления виновников таких преступлений, как кража, грабеж, разбой и др.

Доказательственная ценность подобных вещественных доказательств весьма высока, когда они имеют индивидуальные признаки, позволяющие достоверно и категорически установить их принадлежность определенному владельцу.

В этой же группе косвенных доказательств заметное место принадлежит и *доказательствам, относящимся к личности и поведению потерпевшего.* Эти доказательства, о части которых мы уже упоминали, говоря о событии преступления, фигурируют и в данной группе потому, что обстоятельства, характеризующие личность и поведение потерпевшего, в составе преступления могут относиться и к объекту, и к объективной, и к субъективной стороне[41]. Если в предыдущей группе известное значение имели данные, относящиеся к личности потерпевшего, то здесь бóльшее значение приобретают доказательства, относящиеся к его поведению.

На доказательственное значение данных о поведении потерпевшего указывает Пленум Верховного Суда СССР, предписывающий судам, при решении вопроса о содержании умысла виновного учитывать, помимо прочего, предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения[42]. Подобные данные в известной мере характеризуют и тот интерес, который проявляют советские ученые к виктимологии — учению о жертве преступления. Л. В. Франк правильно указывал, что «поведение человека может быть по своей природе не

только преступным, но и виктимным: неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, провокационным, т. е. опасным для самого себя»[43].

Данные, свидетельствующие о виктимности потерпевшего, могут и должны служить косвенными доказательствами, так как без их изучения и оценки, как правило, нельзя достаточно полно и всесторонне выяснить обстоятельства субъективной стороны преступления. Четкое указание на доказательственное значение этих данных содержалось еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»: «Надлежит тщательно исследовать данные, относящиеся к личности потерпевшего и его поведению во время происшествия. Выявление всех этих данных необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и для учета при назначении наказания, но в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения»[44].

Данные о личности потерпевшего могут способствовать установлению субъекта преступления в тех случаях, когда неотъемлемые физические свойства потерпевшего каким-то образом отразились на обвиняемом (обнаружение на одежде или теле обвиняемого, а также на найденных у него орудиях преступления следов крови, по групповым свойствам совпадающей с кровью потерпевшего; крайне редко — пригодные для идентификации следы зубов потерпевшего, оказавшего сопротивление, обнаруженные на теле обвиняемого, и т. п.).

Гораздо чаще в качестве доказательств этого рода выступают данные, так или иначе характеризующие поведение потерпевшего. Особенно важное значение данные о поведении потерпевшего имеют для установления мотивов совершения преступления, а нередко и для определения содержания умысла виновного. Так, определяя характер и направленность умысла А., обвинявшегося в убийстве своей жены, Президиум Верховного Суда РСФСР исходил не только из предшествующего поведения осужденного и способа совершения им преступления, он принял во внимание и неправильное поведение потерпевшей[45].

Доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления. Изучение следственной и судебной практики показывает, что даже в тех случаях, когда обвиняе-

мый признает себя виновным, он очень часто, в надежде смягчить свою ответственность (или по другим соображениям), дает неправильные показания о форме вины, мотивах и цели преступления, пытаясь выдать умышленную вину за неосторожную, отрицая низменные побуждения своих действий, и т. д. Вот почему достоверные прямые доказательства формы вины, мотивов и цели удается получить сравнительно редко, эти весьма существенные обстоятельства приходится устанавливать в большинстве случаев косвенными доказательствами.

Судить о наличии или отсутствии умысла в действиях обвиняемого, о мотивах и цели можно лишь по характеру самих действий, которые являются опосредствованным внешним выражением этих явлений. В таком аспекте рассматривает эту группу косвенных доказательств судебная практика[46]. Косвенные доказательства дают возможность в сложных случаях дифференцировать умысел и неосторожность. Так, Пленум Верховного Суда СССР, изменяя приговор по делу К., осужденного за умышленное убийство, в подтверждение неосторожного характера действий виновного приводит такие косвенные доказательства, как данные о наличии дружеских отношений между потерпевшим и осужденным, отсутствии значительного повода для совершения столь тяжкого деяния, реакции К. на ранение потерпевшего и т. д.[47].

Особенностями мотива и цели преступления являются их объективная ненаблюдаемость, отсутствие материальных следов и неоднозначность их выражения в объективных обстоятельствах содеянного[48]. Этим обусловлены специфика и гносеологические трудности их доказывания. В правовой литературе отмечается, что мотивы и цели преступления — реальные, объективно существующие обстоятельства дела, а не оценочные понятия[49]. Своеобразие этих обстоятельств заключается в том, что они относятся к категории психического и поэтому при их доказывании «познается в конечном счете не чисто внешняя реальность, а отражение этой реальности в данных мотивах как психических явлениях»[50]. Специфические закономерности отражения объективной действительности в психических явлениях приобретают в доказывании этих обстоятельств весьма существенное значение, и перед криминалистикой стоит задача разработки и теоретического обоснования

типических приемов и способов установления мотивов и целей преступления в ходе расследования. Исходным моментом здесь должно служить то положение, что содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления могут быть установлены главным образом на основе выявления и анализа их объективных выражений вовне, т. е. на основе косвенных доказательств.

Мы считаем правильной точку зрения тех, кто полагает доказывание мотивов и целей преступления обязательным во всех без исключения случаях[51]. К этому обязывает не только требование закона (п. 2 ст. 68 УПК РСФСР), но и существенное практическое соображение: само по себе наличие мотива и цели является уликой, указывающей на совершителя преступления. Недаром еще римские юристы советовали при расследовании преступлений в первую очередь искать ответ на вопрос: «Qui prodest?» — «Кому выгодно?». Наличие побудительного мотива очень часто служит ключом к раскрытию самых загадочных преступлений.

При расследовании и судебном разбирательстве дел о преступлениях, совершенных несколькими лицами, необходимо установить внешние и субъективные признаки соучастия при помощи *доказательств соучастия.* На факт участия в преступных действиях не одного, а двух или более лиц может указывать самый характер и содержание преступных действий, обстановка места происшествия, различные следы и т. п. Далее необходимо установить согласованный и умышленный характер действий, единство намерений всех участников преступления, наличие преступных связей между ними. На это помимо доказательств, устанавливающих наличие умысла вообще, могут указывать и специфические косвенные доказательства, подтверждающие факт знакомства и наличие особых отношений между обвиняемыми: переписка обвиняемых, запись адресов и телефонов в записных книжках (их обнаружение особенно важно, когда обвиняемые отрицают факт знакомства друг с другом), фотоснимки и т. п.

Косвенными же доказательствами может быть установлено и отсутствие соучастия. Об этом свидетельствуют фактические данные, характеризующие конкретную обстановку преступления, направленность и последствия действий каждого данного лица, характер его отношений с потерпевшим и т. п.[52].

4.
Доказательства иных обстоятельств

Среди иных подлежащих доказыванию обстоятельств следует выделить: обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности виновного, и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Из перечисленных в ст. 38 УК РСФСР *смягчающих обстоятельств* несовершеннолетие виновного и состояние беременности обвиняемой устанавливаются только прямыми доказательствами — документами, исходящими от компетентных учреждений, либо заключением эксперта. Остальные могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами. Например, и прямыми, и косвенными доказательствами могут устанавливаться действия обвиняемого, направленные на предотвращение вредных последствий совершенного преступления, факты, свидетельствующие о стечении тяжелых личных или семейных обстоятельств, о зависимости обвиняемого от потерпевшего и т. д. Однако есть в этой группе и такие обстоятельства, которые устанавливаются преимущественно косвенными доказательствами.

К их числу следует прежде всего отнести наличие (или отсутствие) психологического аффекта у обвиняемого. Значение этого обстоятельства настолько велико, что оно является квалифицирующим признаком таких составов, как умышленное убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Однако и тогда, когда наличие аффекта не влияет на квалификацию деяния, оно приобретает значение смягчающего вину обстоятельства. Устанавливается оно только косвенными доказательствами: состояние психологического аффекта не имеет непосредственного внешнего выражения. При этом большое значение приобретают акты поведения потерпевшего, время и форма реакции обвиняемого, внешняя обстановка события и целый комплекс других фактов, данные о которых играют роль косвенных доказательств.

Косвенные доказательства дают возможность установить отсутствие психологического аффекта, дифференцировать его от состояния обычного возбуждения, являющегося реакцией на ту или иную конфликтную ситуацию[53].

Другим смягчающим обстоятельством, которое

устанавливается преимущественно косвенными доказательствами, является совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны (п. 6 ст. 38 УК РСФСР). В случаях, когда обстоятельства дела дают основания для подобного предположения, в предмет доказывания должны быть включены факты, свидетельствующие о наличии или отсутствии общественно опасного посягательства, а также факты, представляющие собой условия правомерности обороны, относящиеся как к нападению, так и к защите. Эти факты в большей своей части устанавливаются косвенными доказательствами, как и факты, свидетельствующие о превышении пределов необходимой обороны.

Из числа перечисленных в ст. 39 УК РСФСР *обстоятельств, отягчающих ответственность* обвиняемого, такие, как совершение преступления лицом, ранее совершившим другое преступление, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или находившегося в беспомощном состоянии лица, совершение преступления в состоянии опьянения или лицом, которое было взято на поруки, устанавливаются обычно прямыми доказательствами (главным образом содержащимися в документах и заключениях экспертов). Остальные обстоятельства могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами, при этом наличие корыстных или иных низменных побуждений, особая жестокость преступления или издевательство над потерпевшим, заведомая для обвиняемого невиновность оговариваемого им лица доказываются преимущественно уликами. Так, о наличии корыстных побуждений чаще всего свидетельствуют исчезновение денег и ценностей потерпевшего с места преступления и обнаружение их у обвиняемого. Иногда на такие мотивы могут указывать следы наличия у потерпевшего каких-либо исчезнувших вещей (например, след от ремешка или браслета часов на руке убитого). Об особой жестокости преступления или издевательстве над потерпевшим можно судить по количеству, характеру и локализации телесных повреждений у последнего и т. п.

Велика роль косвенных доказательств и в установлении таких отягчающих обстоятельств, как наличие организованной группы.

Наряду с обстоятельствами, указанными в ст. ст. 38 и 39 УК РСФСР, закон (п. 3 ст. 68 УПК) требует устанавливать иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Представляется обоснованным мнение о том, что под этими обстоятельствами следует понимать те, которые характеризуют обвиняемого как члена общества, дают ему социально-психологическую характеристику, показывают его отношение к социальным обязанностям, наличие и степень нравственной деформации личности[54]. Подобная характеристика может основываться только на конкретных фактах, свидетельствующих об отношении данного лица к труду, коллективу и к своему социальному долгу. Данные об этих конкретных фактах, установленные в процессуальном порядке, являются косвенными доказательствами этой группы. На необходимость собирания, проверки и оценки этих доказательств указывает Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре»[55].

Важное значение имеют и косвенные доказательства *обстоятельств, способствовавших совершению преступления.* В криминалистической литературе эти обстоятельства подразделяются на три группы: 1) обстоятельства, приведшие к формированию антиобщественных, индивидуалистических взглядов и привычек; 2) обстоятельства, приведшие к превращению этих взглядов и привычек в преступный умысел или преступную неосторожность; 3) обстоятельства, создавшие благоприятные условия для подготовки и совершения общественно опасного деяния, а также для достижения преступного результата[56].

Не вдаваясь в детальное рассмотрение всех обстоятельств, образующих каждую из групп, следует лишь указать, что конкретные фактические данные, указывающие на любое из этих обстоятельств, являются косвенными доказательствами: они устанавливают эти обстоятельства не непосредственно (и, как правило, неоднозначно), а через посредство промежуточных фактов, дающих основание для вывода о наличии или отсутствии искомых обстоятельств. Главное же заключается в том, что они устанавливают искомые обстоятельства только в своей совокупности, в частной системе доказательств. Например, факт отсутствия одного из родителей у несовершеннолетнего обвиняемого сам по себе еще не

устанавливает с достоверностью обстоятельств, приведших к формированию антиобщественных взглядов у этого обвиняемого; дурной пример окружающих отнюдь не всегда служит причиной формирования преступного умысла; некомпетентность ревизора сама по себе не создает условий для хищения и т. д.

5.
Вспомогательные доказательства

Термин «вспомогательные» вряд ли правильно передает значение этого вида доказательств и применяется он исключительно для того, чтобы отличить их от рассмотренных выше предметных доказательств, которые, хотя и не непосредственно — через один или несколько промежуточных фактов, устанавливают те или другие элементы предмета доказывания. В отличие от этого вспомогательные доказательства приобретают значение лишь в связи с предметными: они либо указывают, где могут быть обнаружены эти доказательства (кто может быть допрошен в качестве свидетеля по делу, где находятся вещественные доказательства и т. п.), либо дают возможность проверить достоверность последних. Это те самые «улики улик», о которых упоминал А. Жиряев[57].

Вспомогательные доказательства делятся на две группы: ориентирующие и контрольные[58].

Ориентирующие доказательства играют особенно важную роль в первоначальный период раскрытия преступления, так как способствуют обнаружению новых доказательств. Однако значение их преходяще: как только с их помощью предметное доказательство будет обнаружено и закреплено, основное значение приобретает оно — именно оно в дальнейшем будет проверяться и оцениваться. Ориентирующие доказательства теряют свое значение и в том случае, если предметные доказательства не будут обнаружены.

В противоположность этому значение *контрольных* доказательств сохраняется на протяжении всего процесса: они используются для проверки достоверности предметных доказательств в ходе предварительного расследования, в судебном разбирательстве, в стадиях кассационного и надзорного производства. Этими до-

казательствами проверяется надежность источников предметных доказательств — компетентность эксперта, незаинтересованность свидетеля в исходе дела (или, напротив, его заинтересованность в этом; воздействие, оказанное на него обвиняемым, его соучастниками или близкими ему людьми), способность потерпевшего или свидетеля правильно воспринимать обстоятельства исследуемого события вообще или при определенных условиях и т. п. Такие доказательства могут быть получены в ходе допроса свидетелей, осмотра документов, в результате следственного эксперимента и т. д. Возможность получения таких доказательств всегда должна предусматриваться и при допросе обвиняемого, особенно при ссылке его на алиби или другие оправдывающие его обстоятельства.

В то же время контрольные доказательства могут подтверждать или опровергать наличие фактов, сведения о которых являются содержанием предметных доказательств. Нередко в таком качестве выступают негативные обстоятельства: проверяя показания обвиняемого, следователь сталкивается с отсутствием фактов, на которые тот ссылается, либо с невозможностью протекания события таким образом, как он об этом рассказывает.

К доказательствам данного вида следует отнести и все фактические данные, свидетельствующие о нарушении установленного законом процессуального порядка собирания доказательств. На основе этих данных следователь, прокурор и суд принимают решение о недопустимости того или иного предметного доказательства. Примером такого доказательства могут служить фактические данные о нарушении правил предъявления для опознания, в судебной практике они встречаются чаще других[59].

Значение контрольных доказательств трудно переоценить: с их помощью осуществляется проверка доказательств, служащая необходимым составным элементом доказывания.

Некоторые следователи и судьи недооценивают иногда значение контрольных доказательств, что обычно влечет за собой отмену приговора. Особенно часто это бывает в случаях, когда приговор обосновывается противоречивыми и сомнительными прямыми доказательствами (показаниями потерпевших, очевидцев и подсуди-

мых), не проверенными с помощью косвенных, в частности контрольных[60].

Рассмотренная классификация косвенных доказательств по их функциональному признаку — в зависимости от конкретных элементов предмета доказывания, устанавливаемых той или иной группой доказательств, дает возможность правильно сформировать систему доказательств по делу, которая, на наш взгляд, должна строиться именно по этому признаку и отвечать ряду требований, анализу которых посвящается следующая глава.

Глава IV. Система доказательств по уголовному делу

1. Особенности использования улик в доказывании и необходимость системного подхода к их исследованию

Ни по своему характеру, ни по источникам происхождения, ни по своим процессуальным формам, ни по способам собирания косвенные доказательства не отличаются от прямых. Они различаются только по характеру связи с предметом доказывания. Никаких других критериев для разграничения прямых и косвенных доказательств нет.

В литературе была высказана точка зрения, согласно которой прямые доказательства отличаются от косвенных еще и тем, что прямое доказательство устанавливает больший объем доказываемых положений по сравнению с косвенным[1]. Представляется, что такие утверждения основываются на чисто внешнем моменте: отдельные факты, входящие в предмет доказывания, могут быть установлены одним прямым доказательством, если достоверность последнего не вызывает сомнений; для установления этого же факта с помощью косвенных доказательств требуется их совокупность. Внешне действительно получается, что косвенное доказательство устанавливает меньший объем доказываемых положений: вместо одного прямого доказательства для установления того же факта требуется несколько косвенных. В действительности одно косвенное доказательство вообще не устанавливает однозначно никаких обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Такая цель достигается только совокупностью улик. Если какое-либо обстоятельство установлено тремя косвенными доказательствами, то это вов-

се не означает, что каждое из них устанавливает «одну треть» обстоятельства: только совокупность в целом устанавливает искомое положение, каждое же косвенное доказательство, взятое в отдельности, достоверно ничего установить не может. Объясняется это тем, что объективная связь каждого косвенного доказательства с предметом доказывания может быть выявлена только при анализе всей системы связей данного доказательства с другими. Таким образом, и это чисто внешнее различие коренится в характере связей косвенных доказательств с предметом доказывания.

Такая связь в отличие от связи прямого доказательства с предметом доказывания по делу носит скрытый характер. Такова первая особенность применения косвенных доказательств: в процессе доказывания характер связи каждого вновь устанавливаемого промежуточного факта и даже самое наличие его связи с расследуемым преступлением могут только предполагаться. До тех пор пока мы с помощью других доказательств достоверно не установим эту связь, мы должны предполагать и возможность отсутствия связи данного факта с преступлением или другой характер связи.

Именно этим объясняется необходимость построения и проверки нескольких версий по делу. С появлением новых доказательств, в совокупности с которыми выявляется истинный характер связи с предметом доказывания первого промежуточного факта, мы от предположения приходим к достоверности. Данное положение имеет большое практическое значение: большинство ошибок при расследовании преступлений с помощью косвенных доказательств объясняется как раз тем, что следователи (а при разбирательстве дела — и судьи) забывают, что первоначальный вывод о связи отдельного косвенного доказательства с преступлением носит предположительный характер, и, не проверив правильность такого предположения совокупностью других доказательств, принимают его за объективную истину.

С рассматриваемым положением тесно связана и вторая особенность применения косвенных доказательств: истинное значение для дела каждого из них может быть установлено только в сопоставлении со всеми остальными. Всякое предварительное, априорное решение этого вопроса грозит серьезными ошибками.

нодательстве, провозгласившем всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела принципом уголовного судопроизводства (ст. 14 Основ). Одной из важнейших задач расследования является в связи с этим обнаружение, фиксация и изучение различных проявлений преступного события, установление внутренней их связи между собой — собирание доказательств, относящихся к различным сторонам и элементам расследуемого преступления.

Косвенными доказательствами могут устанавливаться все стороны состава преступления, все его элементы и признаки, как и все иные обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу[4]. Совокупность косвенных доказательств должна отражать все стороны состава преступления, все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Иначе говоря, эта совокупность должна быть не конгломератом улик (пусть даже и собранных в большом количестве), она должна представлять *систему* доказательств по делу.

Естественно, что изучение такой совокупности должно осуществляться системными методами.

2.
Структура системы косвенных доказательств

Системный подход к изучению социальных явлений представляет «одно из важнейших требований марксистско-ленинской диалектики, одну из форм конкретизации диалектико-материалистического учения о всеобщей связи и всеобщем движении, развитии материальной действительности и форм ее отражения в сознании человека»[5].

Нельзя считать, будто системный подход — совершенно новый метод изучения сложных объектов, возникший лишь в середине нашего века. «Проблемы, с которыми ученые наших дней сталкиваются в связи с понятием «система», появились на свет «не вдруг», не есть исключительный результат современного развития математики, естествознания и техники, а являются лишь современным выражением проблем, столетиями стоявших перед учеными и обсуждавшимися каждый раз на соответствующем языке»[6].

нодательстве, провозгласившем всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела принципом уголовного судопроизводства (ст. 14 Основ). Одной из важнейших задач расследования является в связи с этим обнаружение, фиксация и изучение различных проявлений преступного события, установление внутренней их связи между собой — собирание доказательств, относящихся к различным сторонам и элементам расследуемого преступления.

Косвенными доказательствами могут устанавливаться все стороны состава преступления, все его элементы и признаки, как и все иные обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу[4]. Совокупность косвенных доказательств должна отражать все стороны состава преступления, все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Иначе говоря, эта совокупность должна быть не конгломератом улик (пусть даже и собранных в большом количестве), она должна представлять *систему* доказательств по делу.

Естественно, что изучение такой совокупности должно осуществляться системными методами.

2.
Структура системы косвенных доказательств

Системный подход к изучению социальных явлений представляет «одно из важнейших требований марксистско-ленинской диалектики, одну из форм конкретизации диалектико-материалистического учения о всеобщей связи и всеобщем движении, развитии материальной действительности и форм ее отражения в сознании человека»[5].

Нельзя считать, будто системный подход — совершенно новый метод изучения сложных объектов, возникший лишь в середине нашего века. «Проблемы, с которыми ученые наших дней сталкиваются в связи с понятием «система», появились на свет «не вдруг», не есть исключительный результат современного развития математики, естествознания и техники, а являются лишь современным выражением проблем, столетиями стоявших перед учеными и обсуждавшимися каждый раз на соответствующем языке»[6].

Еще в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса мы встречаемся с системным подходом к анализу сложных объектов. Классический образец понимания сущности системного подхода дан К. Марксом в «Критике политической экономии». В основе диалектико-материалистической интерпретации системных методов исследования лежат также методологические указания В. И. Ленина. «Отдельное бытие (предмет, явление etc.),— писал он,— есть (лишь) **одна сторона** идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны **действительности,** которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... *Лишь в их совокупности*... и в их *отношении*... реализуется истина»[7].

Итак, установление истины требует всестороннего исследования *совокупности* явлений, *связанных* между собой. Это требование и означает системный подход к изучению сложных явлений.

В современной науке под системой понимается множество взаимосвязанных элементов, выступающее как определенная целостность[8]. При этом не имеет существенного значения природа компонентов системы: это ее определение может применяться и к реальным объектам природы и общества, и идеальным (абстрактным) объектам, или «концептуальным системам»[9].

Согласно современным воззрениям объект как система характеризуется прежде всего наличием относительно однородных *элементов*. Ими могут быть любые явления или процессы, любые компоненты, которые в своей совокупности могут образовать новые явления, новые системы.

Между этими компонентами существуют системообразующие связи и отношения, благодаря которым «набор элементов превращается в связное целое, где каждый элемент оказывается в конечном счете связанным со всеми другими элементами и его свойства не могут быть поняты без учета этой связи. В свою очередь свойства системы оказываются не просто суммой свойств составляющих ее отдельных элементов, а определяются наличием и спецификой связи и отношений между элементами, т. е. конституируются как интегративные свойства системы как целого»[10].

Существенными характеристиками любой системы являются *упорядоченность* элементов, *организация и структура*. Поскольку система представляет собой

сложное образование, в ней выделяются различные уровни, т. е. отмечается *иерархическое строение,* следствием которого является возможность включения систем более низкого уровня в системы более высокого уровня.

Наконец, в работах советских философов обоснованно говорится о *функциональной* структуре систем[11].

Как мы постараемся показать далее, совокупность доказательств по уголовному делу обладает всеми признаками и характеристиками системы и должна рассматриваться и изучаться в качестве таковой.

Системное исследование является особенно продуктивным и даже необходимым при анализе совокупности косвенных доказательств по конкретному делу. Именно здесь интегративные качества системы обусловливают возможность получения достоверных знаний о событии преступления и всех его обстоятельствах. Каждое из косвенных доказательств, взятое в отдельности, позволяет лишь предполагать наличие его связи с предметом доказывания. Совокупность же доказательств, определенным образом упорядоченная, дает основания для достоверного вывода. Это кажущееся противоречие легко объясняется наличием новых, интегративных качеств системы косвенных доказательств. Однако для того чтобы эти интегративные качества появились, совокупность доказательств должна образовать именно *систему,* должна отвечать определенным требованиям.

Прежде всего, для того чтобы совокупность доказательств приобрела интегративные качества системы, она должна быть определенным образом упорядочена. Внутренние качества каждой системы характеризуются системно-компонентным, системно-структурным, системно-функциональным и системно-интегративным аспектами[12]. В каждом из этих аспектов следует рассматривать и совокупность доказательств по делу.

Ее *компоненты* — это доказательства, классифицируемые по различным признакам, и промежуточные факты. Они и представляют те структурные единицы, взаимосвязь которых обеспечивает присущие системе качественные особенности.

Основание системы составляют доказательства. Здесь сведения о фактах не отделены от тех источников, в которых они содержатся, поэтому в систему доказательств на первом ее уровне должны быть включены не только конкретные сведения о фактах, но и источники сведений

и, следовательно, та процессуальная форма, в которую эти сведения заключены. Это необходимо иметь в виду, так как процесс доказывания на первом его этапе включает проверку не только сведений о фактах, но и источников и способов их получения.

В связи с этим возникает вопрос, который в процессуальной литературе остается дискуссионным: представляют ли сведения о нескольких разных фактах, исходящие из одного источника (например, содержащиеся в показаниях одного свидетеля или в одном заключении эксперта), одно доказательство или каждое из них следует рассматривать в качестве самостоятельного доказательства? Исходя из того, что закон считает доказательствами фактические данные, полученные в установленном порядке, следует признать, что каждое из конкретных сведений о фактах, если даже эти сведения исходят из одного источника, является самостоятельным доказательством. То обстоятельство, что все эти сведения имеют общий источник и что все они заключены в одну и ту же процессуальную форму, не меняет существа дела, которое заключается в том, что каждое из этих сведений отражает конкретный факт, значимый для дела, и получено из указанного в законе источника в определенном законом процессуальном порядке. С другой стороны, сведения об одном и том же имеющем значение для дела факте, полученные из разных источников, также следует рассматривать как самостоятельные доказательства, поскольку на этом этапе доказывания сведения о фактах неотделимы от их источников.

Это положение имеет большое практическое значение: из него вытекает необходимость проверки на первом этапе доказывания как надежности источника и процессуальной формы доказательств, так и достоверности самих сведений о фактах. Свидетель в своих показаниях может сообщить сведения о нескольких фактах: об одном из них эти сведения будут истинны, о другом — ошибочны вследствие добросовестного заблуждения свидетеля, а сведения о третьем он может сознательно исказить. Решая вопрос о достоверности всех этих данных, следователь и суд не могут ограничиться проверкой только надежности источника, они непременно должны убедиться в достоверности сведений о каждом факте и другими путями, в частности путем обнаружения но-

вых доказательств. Между тем в практике приходится встречаться со случаями, когда следователь или суд, убедившись в добросовестности свидетеля и достоверности сведений, сообщаемых им по поводу одного или нескольких фактов, распространяет этот вывод и на другие сообщаемые им данные, не проверяя их достоверность иными средствами.

В число доказательств входят как предметные, так и вспомогательные (контрольные). Последние вместе с предметными доказательствами, к которым они относятся, образуют комплексы, подтверждающие либо опровергающие наличие промежуточного факта.

На втором уровне системы фигурируют промежуточные факты. Поскольку достоверность каждого такого факта устанавливается на первом этапе доказывания совокупностью сведений, исходящих из нескольких источников, на втором уровне системы эти факты выступают в н е связи с какими-либо источниками: следователь и суд исходят из того, что необходимая проверка источников и способов получения сведений об этих фактах была осуществлена на первом этапе, и оперируют уликами как уже достоверно установленными фактами[13–14].

Таковы компоненты системы косвенных доказательств по делу — доказательства (включая вспомогательные), взятые в неразрывной связи с их источниками, и промежуточные факты.

Структура системы доказательств определяется способом взаимосвязи образующих ее компонентов. Она включает связи доказательств как между собой, так и с событием преступления.

Совокупность доказательств, устанавливающих отдельный промежуточный факт, образует частную систему доказательств (подсистему). В нее входят как отдельные предметные доказательства, так и комплексы, состоящие из предметного доказательства и связанных с ним вспомогательных (контрольных) доказательств.

Представим себе, например, что по делу о квартирной краже в качестве одного из промежуточных фигурировал тот факт, что обвиняемый был в этой квартире; этот факт был установлен следующими доказательствами:

1) на зеркале платяного шкафа и полированной его дверце при осмотре были обнаружены и зафиксированы следы пальцев;

2) заключением эксперта установлено, что эти следы оставлены обвиняемым;

3) показаниями обвиняемого, категорически утверждавшего, что он никогда не бывал в данной квартире (следовательно, случайно оставить там следы своих пальцев не мог);

4) показаниями свидетеля, видевшего, как обвиняемый выходил из квартиры, описавшего его приметы и одежду и опознавшего обвиняемого по этим признакам;

5) результатами следственного эксперимента, подтвердившими, что свидетель в данных условиях мог не только увидеть обвиняемого, но и различить признаки его внешности и одежды;

6) показаниями жены обвиняемого, подтвердившей, что в день происшествия обвиняемый был одет именно в такую одежду, какой ее описал свидетель еще до задержания обвиняемого.

Все эти доказательства в своей совокупности образуют частную систему, устанавливающую один промежуточный факт: обвиняемый был на месте кражи. В эту частную систему входят предметные доказательства, устанавливающие этот факт (наличие следов пальцев, отраженное в протоколе осмотра, заключение эксперта и показания свидетеля), а также контрольные доказательства — данные следственного эксперимента, показания обвиняемого и его жены. Последние прямо не устанавливают промежуточный факт, однако подкрепляют надежность вывода из предметных доказательств.

Такие частные системы доказательств формируются еще на первом этапе доказывания и служат основным структурным звеном системы доказательств по делу. Их выделение из совокупности доказательств имеет большое практическое значение не только потому, что они представляют собой основные «конструктивные элементы», из которых сооружается «здание» общей системы доказательств по уголовному делу. Иногда в практике отдельные следователи и суды склонны подсчитывать доказательства по числу их источников, не анализируя должным образом, какие фактические данные этими источниками устанавливаются, и ссылаясь главным образом на источники, а не на факты. Внешне это может

выглядеть убедительным. Например, приведенная выше частная система доказательств могла быть интерпретирована в обвинительном заключении или в приговоре таким образом, что виновность обвиняемого подтверждается вещественными доказательствами, заключением эксперта, показаниями свидетеля, результатами опознания и следственного эксперимента, а также показаниями самого обвиняемого и его жены». Однако такой вывод был бы необоснованным, так как все перечисленные доказательства устанавливают один-единственный промежуточный факт: обвиняемый был на месте кражи, и не более того! Даже если этот внушительный перечень пополнить другими доказательствами того же факта из иных источников (например, данными трасологической экспертизы следов обуви, показаниями еще нескольких свидетелей, видевших обвиняемого возле места кражи, и т. п.), положение не изменится, так как все они устанавливают тот же единственный промежуточный факт. Из доказательств, входящих в частную систему, может быть сделан достоверный вывод о наличии только промежуточного факта — это обстоятельство всегда должно учитываться в практике расследования и судебного разбирательства.

Входящие в частную систему доказательства связаны как с предметом доказывания, так и между собой различными формами объективных связей (см. гл. II настоящей работы). С предметом доказывания каждое доказательство связано многоступенчатой связью — через промежуточный факт. В тех случаях, когда какое-то из доказательств устанавливает данный факт непосредственно (в нашем примере — показания свидетеля, видевшего обвиняемого на месте кражи), эта связь включает одно промежуточное звено: свидетель говорит, что видел обвиняемого на месте кражи,— обвиняемый был на этом месте — он причастен к краже.

В других случаях промежуточный факт устанавливается косвенным путем, тогда связь бывает длиннее и сложнее: на месте кражи обнаружены следы пальцев — заключением эксперта установлено, что эти следы оставлены обвиняемым,— следовательно, он был на месте кражи — он причастен к преступлению. Основная сложность такой связи заключается в том, что здесь приходится делать не один вывод (от промежуточного факта к предмету доказывания), а несколько (минимум два: от дока-

зательства к промежуточному факту, а от него — к предмету доказывания). Это, естественно, усложняет процесс доказывания и требует от следователя и суда вдумчивости и осторожности[15].

Однако доказательства в частной системе должны находиться и в определенной связи между собой. Во-первых, они связаны между собой через промежуточный факт[16]. Во-вторых, доказательства могут находиться в непосредственной связи друг с другом: например, наличие следов крови группы потерпевшего на стене комнаты, где произошло убийство, и попытка обвиняемого скрыть эти следы, заново покрасив стены, будучи оба косвенными доказательствами одной частной системы, связаны между собой непосредственно как причина и следствие. М. П. Шаламов, обративший внимание на эту связь, правильно замечает: «Связь улик между собой — это непременное условие установления истины по делу»[17]. Такую связь косвенных доказательств можно характеризовать как связь по горизонтали.

Наконец, все доказательства внутри частной системы, если они объективно связаны с промежуточным фактом, а через него — с предметом доказывания, находятся в отношении соответствия друг другу.

Совокупность частных систем образует общую систему доказательств по делу. Ее основу на втором уровне составляют промежуточные факты, представляющие собой, как теперь принято говорить, информацию на выходе частной системы. Непременным свойством такой информации является ее достоверность: только на основе достоверных промежуточных фактов могут быть сделаны истинные выводы о наличии или отсутствии подлежащих доказыванию обстоятельств дела. Недостоверность промежуточного факта, являющегося аргументом в логическом доказывании, неизбежно влечет недостоверность конечных выводов.

Промежуточные факты должны находиться в объективной связи с соответствующими элементами предмета доказывания, только при этом условии они и могут служить средством установления входящих в него обстоятельств. Помимо этого, они, как и доказательства в частной системе, должны быть связаны друг с другом — непосредственно или через предмет доказывания,— находиться в соответствии.

Функцией системы доказательств является достоверное установление всех подлежащих доказыванию обстоятельств дела. В рамках данной системы каждая из образующих ее частных систем и каждое из доказательств выполняет определенную функцию, устанавливая конкретные обстоятельства из числа подлежащих доказыванию по делу. По этому функциональному признаку и должна строиться система доказательств по делу: отдельные доказательства и их частные системы должны объединяться по признаку их связи с конкретными элементами предмета доказывания.

С *системно-интегративным аспектом* связывается понятие о факторах системности — «тех механизмах, которые обеспечивают сохранение качественной специфики систем, их функционирование и развитие»[18]. Как и в любой другой системе, в системе доказательств по делу эти факторы обусловлены определенной упорядоченностью элементов, отношений и связей. Важным показателем упорядоченности в системе косвенных доказательств является соответствие друг другу промежуточных фактов и доказательств в каждой подсистеме.

Рассматриваемая во всех этих аспектах система доказательств по уголовному делу включает:

1) частные системы доказательств (в том числе источники), устанавливающие отдельные промежуточные факты;

2) системы промежуточных фактов, из существования которых делается вывод о наличии или отсутствии отдельных элементов предмета доказывания;

3) систему элементов предмета доказывания, являющуюся интегративным уровнем общей системы доказательств по уголовному делу.

Итак, мы определили компоненты системы косвенных доказательств по уголовному делу, выделили ее иерархические уровни и подсистемы, установили характер системообразующих связей между ними и элементами, а также указали на функцию данной системы. Все это и означает реализацию системного подхода в исследовании, каким его представляет общая теория систем.

Естественно, что в конкретно-научных исследованиях каждая система дополняется и иными характеристиками, специфическими для данной области явлений и существенными с точки зрения задач функционирования соответствующих систем.

3.
Основные характеристики системы косвенных доказательств по уголовному делу

Система доказательств по уголовному делу должна не только обладать описанной выше структурой, но и отвечать определенным требованиям, среди которых основными являются полнота, достоверность, надежность, согласованность и однозначность[19].

Полнота системы доказательств имеет место тогда, когда в ней имеются подсистемы и промежуточные факты, устанавливающие все без исключения обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу[20]. Это свойство системы доказательств является основополагающим: полнота и всесторонность исследования—важнейший принцип уголовного процесса, нарушение этого требования во всех случаях влечет за собой отмену приговора (п. 1 ст. 342 УПК РСФСР).

На обеспечение этого требования и направлена предложенная выше классификация косвенных доказательств по их функциональному признаку. Построенная по такому признаку система доказательств дает возможность судить, все ли элементы предмета доказывания установлены с надлежащей полнотой и несомненностью, и своевременно принять меры к собиранию и проверке доказательств, устанавливающих еще не выясненные обстоятельства дела. Она создает необходимые предпосылки для правильной оценки доказательств, так как облегчает решение вопроса об относимости доказательств и их достаточности.

Объективным критерием полноты системы доказательств является, на наш взгляд, структура предмета доказывания: если доказательствами устанавливаются все входящие в нее элементы, система является полной; если же какие-то из этих элементов не имеют «своих» доказательств, надлежащая полнота системы еще не достигнута, и система должна быть пополнена собиранием, проверкой и включением в нее недостающих доказательств.

Достоверность системы доказательств предполагает, что на втором ее уровне в качестве основания для вывода о наличии образующих предмет доказывания обстоятельств могут фигурировать только достоверно

установленные промежуточные факты. Это свойство системы обеспечивается наличием в ней частных систем, интегративные качества которых и позволяют достоверно установить промежуточные факты.

В криминалистической литературе можно встретить указания на то, что отдельные промежуточные факты могут быть достоверно установлены сведениями, исходящими из одного источника, и для проверки достоверности этого факта не обязательно рассматривать совокупность доказательств[21].

Эта точка зрения не кажется убедительной. Достоверность каждого промежуточного факта практически всегда выявляется только в совокупности доказательств — как предметных, так и контрольных, т. е. в частной их системе. Даже в таких простых и однозначно связанных с промежуточным фактом случаях, как обнаружение следов пальцев, факт пребывания лица на месте происшествия, устанавливается по меньшей мере двумя доказательствами: наличием следов пальцев на определенном объекте, отраженным в протоколе его осмотра, и заключением эксперта о принадлежности этих следов данному лицу. Обычно же структура частной системы сложнее.

Достоверность установления промежуточных фактов в частной системе доказательств обеспечивается интегративными ее свойствами—тем качеством системы, которым не обладают составляющие ее доказательства, взятые в отдельности. Количество информации, содержащейся в каждом отдельном источнике доказательств, может быть недостаточным для достоверного вывода о промежуточном факте. Объединенные же в частную систему несколько источников дают обычно достаточную сумму информации. Например, один из свидетелей, видевших человека, уходившего с места преступления, запомнил только его рост и телосложение; другой подробно описывает его одежду; третий, видевший его близко, не обратил внимания на одежду, но хорошо запомнил черты лица и т. д. В сумме это дает достаточно полное описание внешности подозреваемого. Обычно не бывает так, что каждый из свидетелей видит и запоминает только те приметы, которые не заметили другие. Напротив, информация, сообщаемая ими, частично дублируется, и это обстоятельство позволяет проверить непротиворечивость и достоверность вклю-

ченной в частную систему информации. «Частная система доказательств,—пишет В. Я. Колдин,—содержит то, чего нет и не может быть в каждом отдельном доказательстве, входящем в такую систему, т. е. содержит основания для достоверного вывода об исследуемом обстоятельстве»[22].

Подобное суммирование доказательственной информации в пределах частной системы допустимо только в том случае, когда установлено, что сведения, содержащиеся в разных источниках, относятся к одному и тому же факту. Это, как правильно замечает В. Я. Колдин, должно быть самостоятельно доказано[23].

С достоверностью системы доказательств тесно связано и такое ее качество, как надежность. Надежность системы доказательств означает не только способность ее достоверно устанавливать фактические обстоятельства дела, но и делать это с известным «запасом прочности», создавать резерв доказательственной информации, необходимой на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по делу отдельные доказательства будут подвергнуты сомнению или будут исключены из системы (например, вследствие изменения показаний свидетелем или потерпевшим, появления противоулик и т. п.). Подобная избыточность доказательственной информации, как показывает практика, всегда необходима. Она достигается прежде всего за счет увеличения числа доказательств, включаемых в частную систему. Представляется несомненным, что надежность частной системы тем выше, чем большее число доказательств из самостоятельных источников в нее включено, поэтому вызывают некоторое недоумение встречающиеся высказывания, которые объявляют подобный подход «механическим», свойственным якобы буржуазному процессу[24]. Разумеется, одно лишь увеличение количества доказательств в системе само по себе не решает проблемы надежности выводов из этих доказательств: если сведения об отдельном промежуточном факте могут быть получены от сотни свидетелей, нет необходимости допрашивать их всех до одного—такое многократное дублирование однородной информации нецелесообразно; но было бы неправильным ограничиться допросом лишь одного из них, руководствуясь тем соображением, что допрос остальных «ничего нового не даст». Предпочтительным является суммирование в пределах частной системы однородной

доказательственной информации из различных источников.

Так, если факт пребывания подозреваемого на месте преступления может быть установлен не только показаниями свидетелей, но и вещественными доказательствами со следами его рук, обуви, транспортных средств, то такая возможность непременно должна быть использована, и чем больше таких доказательств будет собрано, тем лучше, тем надежнее будет система.

В еще большей степени сказанное относится к промежуточным фактам: чем больше их будет установлено, тем полнее и надежнее будут выяснены обстоятельства предмета доказывания. Утверждать, что о количестве этих фактов «никогда не следует говорить», на наш взгляд, явно неправильно уже потому, что само понятие «совокупность доказательств» предполагает некоторое их множество, большее или меньшее их количество. Нельзя сводить все к количественной стороне вопроса, но вовсе пренебрегать количеством доказательств нельзя.

Надежность системы, кроме того, зависит и от качественной избыточности информации. Под этим мы понимаем частичное «перекрытие» информации, содержащейся в одном источнике, сведениями, полученными из других источников. В радиоэлектронике одним из наиболее эффективных средств повышения надежности сложных систем считается введение в систему избыточных элементов. Нечто подобное должно иметь место и в доказывании, однако процесс введения в систему избыточных доказательств не может и не должен быть беспредельным: ни сроки, ни задачи судопроизводства не позволяют этого делать, да это и не вызывается необходимостью.

Наконец, основным средством повышения надежности системы косвенных доказательств является установление наличия объективной связи (в той или иной ее форме) доказательств между собой и с промежуточными фактами, а последних—с предметом доказывания.

С понятием надежности связан вопрос, обсуждавшийся в литературе, посвященной косвенным доказательствам: распадается ли «цепь улик», если из нее будет «выбито» противоуликой хоть одно звено?

В свое время А. Я. Вышинский сформулировал положение о том, что «связь косвенных доказательств между собой должна быть такой, чтобы все они являлись звень-

ями одной цепи; при выпадении одного звена распадается вся цепь, теряют значение улики и каждое отдельное доказательство... Косвенные доказательства должны быть столь обоснованны, чтобы из их общей цепи ни одно нельзя было устранить, выбить доказательством противного (противоуликой)»[25]. Это положение затем неоднократно воспроизводилось в ряде учебников и работ, специально посвященных косвенным доказательствам.

Первым на его ошибочность указал М. П. Шаламов, подметивший и природу этого заблуждения: «Улики сравниваются со звеньями цепи, а совокупность их с цепью. Затем общее представление о цепи вообще переносится на улики по уголовным делам»[26]. Между тем совокупность улик представляет собой отнюдь не «цепь», а достаточно сложную и разветвленную их систему, включающую большее или меньшее множество вертикальных и горизонтальных рядов доказательств и их подсистем. Удаление из такой системы одного доказательства не всегда вызывает разрушение всей системы[27].

Правильное решение указанного вопроса может быть найдено только путем системного анализа совокупности косвенных доказательств. Разрушит или не разрушит систему доказательств устранение одного из них — зависит от двух факторов: во-первых, от этапа доказывания и, во-вторых, от характера связи данного доказательства с доказываемым положением. На первом этапе устранение одного (или даже нескольких) доказательств из частной их системы может не только не разрушить, но даже и не ослабить этой системы (при наличии достаточного резерва доказательственной информации). Представим себе, что по делу об убийстве факт пребывания обвиняемого на месте преступления был установлен следующими доказательствами: следами его пальцев на предметах обстановки и заключением эксперта, что эти следы оставлены обвиняемым; следами обуви на полу квартиры и заключением эксперта, что эти следы оставлены обувью обвиняемого; показаниями трех свидетелей, видевших обвиняемого выходившим из квартиры потерпевшего; обнаружением на месте убийства окровавленного носового платка, который один из свидетелей опознал как принадлежащий обвиняемому. Допустим теперь, что последний свидетель ошибся: в ходе расследования выяснилось, что платок в действительности принадлежал потерпевшему. Из частной системы выпало доказатель-

ство, но это не разрушило бы ее и никак не могло бы отразиться на конечных выводах по делу.

Иное положение складывается на втором этапе доказывания: здесь опровержение одного промежуточного факта в отдельных случаях может разрушить всю систему доказательств (типичный пример — установление алиби), в других — более или менее ослабить ее. Это зависит от характера связи данного факта. Если будет опровергнуто наличие необходимой, однозначной связи его с предметом доказывания, вся система разрушается; если же связь не является однозначной, необходимой, таких последствий не наступает; но то обстоятельство, что связь в данном случае не была единственно возможной, необходимо специально доказывать.

Рассмотрим эти положения на материалах двух уголовных дел об убийствах.

По первому из них Я. был заподозрен в изнасиловании и убийстве. Он был вместе с потерпевшей на межколхозном фестивале, танцевал все время с нею и около двух часов ночи пошел провожать ее на автобусную остановку. Он был последним, с кем видели потерпевшую перед убийством. Однако все эти подозрения были сразу же развеяны одной противоуликой: во влагалище убитой была сперма, которая по групповой принадлежности не совпадала с группой крови Я. Эта противоулика разрушила сразу всю систему, так как она опровергала наличие единственно возможной, необходимой связи, основанной на биологическом законе.

В другом деле Б. подозревался в убийстве своей бывшей жены и членов ее семьи пересланным в почтовой посылке сильным взрывным устройством. Основанием для подозрения был ряд улик: Б. высказывал намерение расправиться с потерпевшей и ее детьми, чтобы не платить алиментов; среди остатков взрывного устройства были найдены детали, к которым Б. имел доступ по службе; имелись и другие улики. Но было бесспорно установлено, что Б. с 1 по 10 августа за пределы своего города не выезжал и отправить 6 августа посылку из Н. (а именно оттуда она и была отправлена) не мог. Этот факт не привел к разрушению системы улик, он не опровергал единственно возможной, необходимой связи явлений: Б. вовсе не обязательно было самому выезжать в Н., чтобы отправить посылку. Он мог попросить об этом кого-то другого. Как выяснилось, посылку для отправки он передал своей со-

жительнице В., которая как раз в это время выезжала к родственникам в Москву и могла 6 августа находиться в Н. Однако сравнение почерка В. с текстом почтового перевода на посылку показало, что текст этот написан не В., а другим лицом. Но и это не «разрывало цепи» доказательств. Выяснилось, что В. уговорила отправить посылку соседку по купе — молодого врача, ехавшую по окончании института к родителям в Н., а перевод и адрес на посылке, сославшись на болезнь руки, попросила написать незнакомого подростка в вагоне. Когда все это было установлено, доказательства, изобличавшие Б. и В. в совершении жестокого преступления, сохранили полную силу, а противоулики стали «работать» против них, указывая на тщательно обдуманный и хитроумно осуществленный план преступления.

Анализ этих и аналогичных примеров еще раз убеждает в том, какое значение для повышения надежности системы имеет выявление наличия и определение истинного характера объективных связей входящих в нее косвенных доказательств.

Одной из важнейших характеристик системы доказательств является ее согласованность, которая означает наличие соответствия между частными системами и промежуточными фактами, устанавливающими отдельные элементы предмета доказывания, и аналогичными системами и промежуточными фактами, относящимися к другим элементам предмета доказывания[28]. Это не означает, что в процессе доказывания не могут возникать противоречия между отдельными частными системами доказательств, между отдельными промежуточными фактами. Такие противоречия, как показывает изучение следственной и судебной практики, неизбежны. Однако некоторые противоречия раскрываются и разъясняются в ходе предварительного или судебного следствия, другие — нет. Одни противоречия — внешние, кажущиеся — могут сравнительно легко быть разъяснены и устранены, другие являются существенными логическими противоречиями и потому неустранимы.

С этим связано понятие совместимости и несовместимости частных систем косвенных доказательств.

В приведенном выше примере по делу об убийстве с помощью взрывного устройства противоречие между частными системами, устанавливающими такие промежуточные факты, как высказывание намерения расправиться со

своей прежней семьей, наличие заинтересованности в этом, наличие материалов, использованных для изготовления взрывного устройства, и специальных знаний и навыков, позволяющих это сделать, с одной стороны, и, с другой — тот факт, что обвиняемый не мог отправить сам посылку с взрывным устройством, не было неустранимым. Данные частные системы поэтому были совместимы. После разъяснения этого кажущегося противоречия система доказательств по делу стала согласованной. В предшествующем же примере мы встретились с несовместимостью частных систем.

Свойством однозначности система доказательств обладает тогда, когда из нее может быть сделан лишь один логически обоснованный вывод о наличии подлежащих доказыванию обстоятельств дела, когда исключается возможность любой другой логической интерпретации данной системы доказательств[29]. Это означает, что, хотя каждое из входящих в систему доказательств находится в многозначных отношениях с предметом доказывания, сама система как совокупность определенным образом упорядоченных улик связана с предметом доказывания однозначно. Данное свойство является важнейшим выражением интегративных качеств системы доказательств по делу. На него обращают внимание все исследователи проблемы косвенных доказательств. Оно, действительно, является одним из самых важных и вытекает из совокупности всех остальных свойств системы. Нетрудно заметить, что все они находятся в самой тесной взаимосвязи друг с другом, а однозначность системы является интегративным, итоговым ее свойством.

На достижение всех указанных свойств системы и направлен процесс доказывания с помощью косвенных доказательств. Содержание и специфические особенности этого процесса заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Глава V. Основные процессуальные и криминалистические вопросы доказывания уликами

1. Собирание и проверка косвенных доказательств. Процессуальные вопросы

Процессуальные средства и способы, а также процессуальный порядок собирания едины для всех доказательств, как прямых, так и косвенных. Это обусловлено единством природы тех и других доказательств, которые отличаются друг от друга только характером связи с предметом доказывания. И прямые, и косвенные доказательства собираются в ходе одних и тех же процессуальных действий. Более того, нередко при проведении одного следственного действия (например, допроса) формируются одновременно несколько доказательств, среди которых есть и прямые, и косвенные.

Источниками как прямых, так и косвенных доказательств являются показания обвиняемых, потерпевших и свидетелей, заключения экспертов, протоколы следственных и судебных действий, документы и вещественные доказательства. Понятно, что процессуальный регламент собирания фактических данных не зависит от того, будут они использоваться в качестве прямых или косвенных доказательств.

Различия начинают отчетливо проявляться при проверке доказательств.

Проверка косвенных доказательств должна относиться ко всем элементам структуры доказывания на первой его ступени: к источникам сведений о фактах, способам их получения и к самим этим сведениям.

Содержанием проверки доказательств являются: проверка надежности источников фактических данных и законности способов их получения, качественная интер-

претация фактических данных и установление допустимости доказательств.

Начинается проверка с определения надежности источников доказательств. Прежде всего необходимо установить, входит ли данный источник в перечень, содержащийся в законе (ч. 2 ст. 16 Основ, ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР), и может ли он поэтому в принципе служить источником доказательств по уголовному делу. Далее выясняются условия формирования доказательств, с тем чтобы эти условия могли быть учтены при определении достоверности промежуточных фактов. Необходимо проверить отсутствие у свидетелей личной заинтересованности в исходе дела, наличие воздействия на свидетеля или потерпевшего со стороны обвиняемого или других лиц. К этой же области проверки относится установление достаточной компетентности экспертов и специалистов, участвующих в деле, отсутствие у них личной заинтересованности в его исходе. Если источником доказательств являются документы, необходимо проверить компетентность организаций и лиц, от которых исходит данный документ, наличие в нем необходимых реквизитов, подлинность документа, отсутствие в нем подделок. Иными словами, цель такой проверки — установить способность данного источника быть средством получения достоверных сведений о фактических обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Важнейший элемент проверки доказательств — выявление правомерности способов их получения. Процессуальный закон детально регламентирует порядок получения всех видов доказательств, любое существенное нарушение этого порядка делает невозможным использование соответствующих фактических данных в качестве доказательств по делу. Установление таких нарушений (если они имели место) и составляет одну из задач проверки доказательств.

На основе проверки надежности источников (в частности, предусмотрен ли данный источник законом) и правомерности способов получения доказательств решается вопрос об их допустимости. Допустимость «характеризует собой только средства доказывания и означает такое их процессуальное свойство, в силу которого они являются пригодными для соответствующего использования в уголовных делах, именно для получения сведений о тех или иных фактах»[1]. Поэтому мы полагаем,

что решение вопроса о допустимости источников составляет задачу проверки, а не оценки доказательств. Допустимость доказательств — предварительное условие их оценки, а не составная ее часть[2]. Нельзя делать никаких выводов из фактических данных, полученных из источников, признанных законодателем непригодными для этой цели. Вопрос о пригодности или непригодности средств доказывания должен быть решен в ходе проверки доказательств, с тем чтобы исключить возможность включения в их систему и использования для итоговых выводов таких данных, которые, по мысли законодателя, не могут служить для этого достаточно надежным основанием.

Эта часть проверки косвенных доказательств не отличается существенной спецификой, такие же операции осуществляются и в отношении прямых доказательств. Специфичен для косвенных доказательств другой элемент — их *качественная интерпретация,* которая заключается в том, что следователь, прокурор и суд, приступая к исследованию любого источника доказательств, выясняют, содержатся ли в нем сведения о конкретных фактах, либо источник (например, показания свидетеля) содержит лишь догадки, предположения, общие, абстрактные суждения, ссылки на «общее мнение», «общеизвестность» и т. п. Кроме того, качественная интерпретация означает уяснение характера и содержания фактов, сведения о которых содержатся в источнике. Этот элемент проверки присущ только доказыванию уликами, при использовании прямых доказательств необходимость их качественной интерпретации не возникает, так как они представляют сведения о фактах, непосредственно входящих в предмет доказывания. Здесь же необходимо выяснить, имеются ли вообще в том или ином источнике доказательства и что они собой представляют по своему содержанию[3].

Таким образом, конечным результатом проверки косвенных доказательств является качественная интерпретация фактических данных и установление их допустимости. В криминалистической литературе высказано мнение, согласно которому конечной целью проверки доказательств является установление их доброкачественности. Однако анализ этой точки зрения приводит к выводу, что доброкачественность представляет собой синтетический показатель, составными элементами

которого являются надежность источника, допустимость и достоверность доказательственной информации[4–5].

Основными способами проверки косвенных доказательств являются анализ содержания каждого доказательства. сопоставление его с другими доказательствами, входящими в ту же частную систему, и получение новых доказательств.

Анализ содержания доказательства предполагает качественную интерпретацию фактических данных, являющихся его содержанием, что достигается лишь при рассмотрении совокупности доказательств. Поэтому сопоставление каждого косвенного доказательства с другими доказательствами данной частной системы — обязательный метод их проверки. Результатом такого сопоставления будет либо установление соответствия доказательств друг другу, либо выявление их противоречия, либо констатация недостаточности исходных доказательств для вывода о наличии или отсутствии промежуточного факта. Во всех подобных случаях (особенно в двух последних) прибегают к третьему способу проверки — получению новых доказательств, относящихся к этому же факту.

Такой способ проверки косвенных доказательств является основным, применяемым и к источникам доказательств, и к способам их получения, и к содержанию.

При наличии сомнений в надежности того или иного источника доказательств (даже при отсутствии таких сомнений — в интересах всесторонности исследования обстоятельств дела) необходимо принять все возможные меры для получения сведений о том же промежуточном факте из других источников. Если возможности установления данного промежуточного факта другими источниками исключены, необходимо собрать контрольные (вспомогательные) доказательства, которые дадут возможность сделать обоснованный вывод о надежности данного источника.

Получение новых доказательств очень часто необходимо и для проверки способов получения данного доказательства: установить факт нарушения процессуальных правил собирания доказательств можно лишь конкретными доказательствами. В подобных случаях доказательства в системе будут выполнять функцию контрольных (вспомогательных).

Получение новых доказательств служит, кроме того,

необходимой предпосылкой для оценки достоверности промежуточных фактов. Мы упоминали, что промежуточный факт обычно не может быть достоверно установлен одним исходным доказательством, даже при абсолютной надежности его источника и безупречности способов получения. Это делает необходимым собирание новых доказательств, относящихся к данному факту. Предпочтительнее, чтобы эти доказательства были предметными, и лишь в случае невозможности их обнаружения приходится ограничиваться контрольными доказательствами (последние необходимо собирать всегда, в том числе и при наличии новых предметных доказательств).

Таким образом, получение новых доказательств является универсальным и наиболее надежным способом проверки косвенных доказательств.

2. Собирание и проверка косвенных доказательств. Тактические вопросы

Вопросы тактики собирания и проверки косвенных доказательств сравнительно широко освещались в научной литературе. При этом большое внимание уделялось анализу источников косвенных доказательств, особенностям их собирания в ходе следственных действий.

Советская криминалистика, разрабатывая тактику проведения следственных действий и методику расследования отдельных видов преступлений, исходит из возможности и необходимости обнаружения и закрепления в ходе следственных действий не только прямых, но и косвенных доказательств. Более того, при разработке тактики отдельных следственных действий — прежде всего осмотра, обыска, следственного эксперимента, назначения экспертизы — предполагается, что их результат — получение преимущественно косвенных доказательств[6].

В собирании косвенных доказательств особое значение приобретает предварительная оценка возможного наличия объективной связи тех или иных фактических данных, воспринятых следователем или судом, с событием преступления. При собирании прямых доказательств эта проблема не возникает, поскольку их связь с событием преступления непосредственна и очевидна; напротив, при

собирании (как и при оценке) косвенных доказательств она является одной из центральных.

Отсюда понятно то значение, которое имеет для следователя, прокурора и судьи знание конкретных форм объективной связи косвенных доказательств, умение их выявить. Без этого в собирании косвенных доказательств могут иметь место ошибки двоякого рода: следователь процессуально не закрепляет некоторые обнаруженные им фактические данные, полагая, что они не относятся к делу. В результате утрачиваются доказательства, подчас весьма ценные.

Другой вид ошибок, на первый взгляд, менее опасен, однако практически ведет к тому же результату: следователь, не умея разобраться в характере и формах связей тех фактических данных, с которыми он сталкивается, не может выбрать из их множества относящиеся к делу и «на всякий случай» фиксирует массу ненужных подробностей, упуская при этом наиболее ценные данные.

Только умелое использование знаний о конкретных формах связи косвенных доказательств с предметом доказывания дает возможность осуществлять осмысленный, целенаправленный отбор доказательственной информации и фиксировать все те и только те фактические данные, которые могут быть доказательствами. Однако это лишь одна сторона, касающаяся процессуального закрепления фактических данных, которые уже стали известны следователю и суду. Не менее важна, но более трудна другая сторона — обнаружение доказательств, их отыскание. Основная тяжесть этой задачи, конечно, ложится на следователя, и непременным условием ее решения также является знание объективных связей косвенных доказательств. Для их обнаружения могут и должны быть использованы все формы связи и методы выявления этих связей, о которых говорилось выше. Такова главная специфическая особенность собирания косвенных доказательств.

Другая особенность заключается в том, что при собирании косвенных доказательств должны учитываться и некоторые психологические факторы. Это относится главным образом к тактике допроса. Прежде всего здесь следует иметь в виду, что фактические данные, являющиеся прямыми доказательствами, как правило, воспринимаются свидетелями более ярко и остро и запоминаются более прочно, чем фактические данные, могущие стать косвен-

ными доказательствами[7]. Объясняется это тем, что второстепенные факты, не являющиеся составной частью преступного события, не привлекают пристального внимания свидетеля прежде всего потому, что он не улавливает (по крайней мере, в момент восприятия) их связи с преступлением и не придает им должного значения. Иногда свидетель, даже запомнивший эти факты, не рассказывает о них, полагая, что они не могут представлять интереса для следователя или суда. Поэтому детализация допроса свидетеля особенно необходима по делам с косвенными доказательствами. В ходе такого детального допроса свидетель может рассказать и о фактах, которые, на его взгляд, никак не связаны с преступлением, ибо связь становится очевидной только при сопоставлении с другими, неизвестными свидетелю фактами.

Эта специфическая черта косвенных доказательств должна учитываться и в другом аспекте: свидетели, не желающие по тем или иным причинам рассказывать правду об известных им существенных обстоятельствах преступления, нередко довольно охотно рассказывают о фактах, настоящее значение которых им неизвестно из-за неосведомленности о других, уже установленных следователем или судом обстоятельствах преступления. Такие фактические данные и становятся косвенными доказательствами. Указанное положение особенно важно иметь в виду при допросе свидетелей, в той или иной мере заинтересованных в исходе дела.

Все сказанное имеет значение и для определения тактики допроса потерпевшего.

Показания обвиняемого являются важным источником не только прямых, но и косвенных доказательств как в случае, когда обвиняемый признает себя виновным и дает подробные показания по существу обвинения, так и тогда, когда он отрицает свою вину[8]. В последнем случае обвиняемый обычно, соглашаясь с отдельными фактами, отрицает наличие связи между этими фактами и преступлением; его показания содержат оправдательные косвенные доказательства. Но и при отрицании вины обвиняемый помимо своей воли нередко сообщает сведения, являющиеся обвинительными косвенными доказательствами.

Несомненно, центральным вопросом тактики собирания и проверки косвенных доказательств является вопрос

о следственных версиях — их значении, структуре, методах использования[9].

Методологическое значение для определения понятия и значения версии в доказывании имеет известное указание Ф. Энгельса о роли гипотезы в естествознании[10]. Будучи по своей логической природе разновидностью частной гипотезы, следственная версия отражает предварительную оценку, объяснение ограниченного числа фактов, данными о которых вначале располагает следователь, и указывает, какие неизвестные факты должны быть установлены для всестороннего выяснения признаков расследуемого события, направляя тем самым процесс доказывания от известных фактов к неизвестным, от явления к сущности[11].

Следственные версии выдвигаются и проверяются практически по всем делам. Однако особенно велика роль версий в доказывании с помощью косвенных доказательств.

Прямое доказательство, устанавливая факт, являющийся составной частью предмета доказывания, не допускает различного толкования его связи с этим предметом. При наличии прямых доказательств версии выдвигаются, главным образом, исходя из предположения о возможной недостоверности данных доказательств. Как только достоверность их установлена, иные версии отпадают.

Совершенно иначе обстоит дело при использовании косвенных доказательств. Поскольку эти доказательства дают основание лишь для предположения о наличии их объективной связи с предметом доказывания, построение версий здесь неизбежно во всех случаях расследования. Причем версии в доказывании играют двоякую роль. С одной стороны, как и при использовании прямых доказательств, версии необходимы для проверки достоверности сведений о промежуточных фактах. Однако в доказывании уликами это составляет лишь первый его этап. Ничуть не меньшее значение имеют версии для выяснения связи промежуточных фактов с предметом доказывания, для установления элементов предмета доказывания. Эти версии проверяются вплоть до завершения расследования и затем вновь от начала до конца проверяются в суде.

Версии должны выдвигаться как относительно всего расследуемого события в целом (версии, направленные на установление наличия этого события и его характера), так и относительно каждого из элементов предмета до-

казывания, а также относительно каждого из промежуточных фактов, на основе которых эти элементы устанавливаются. Таким образом, по делу должна строиться система следственных версий, по структуре своей аналогичная системе доказательств по делу. Отличие здесь заключается в наличии конкурирующих частных систем версий в рамках общей и в наличии нескольких общих систем версий, также конкурирующих между собой. Это отличие обусловлено тем общепризнанным положением, согласно которому по делу должны выдвигаться и прверяться все объективно возможные в данной конкретной ситуации версии.

С точки зрения построения таких систем следственных версий имеет большое теоретическое и практическое значение их классификация. В криминалистической литературе по вопросу о классификации версий высказаны разные точки зрения. Мы присоединяемся к той из них, которая по объему и направленности следственных версий, по признаку их юридической значимости подразделяет их на три класса: общие версии — о характере и сущности события в целом; версии по отдельным элементам предмета доказывания (сторонам состава преступления) и частные версии — об отдельных промежуточных фактах[12]. Именно такая классификация следственных версий наиболее соответствует целям построения их систем при использовании косвенных доказательств в расследовании. Существенное значение имеет и классификация следственных версий по другим основаниям: деление их на ретроспективные и предсказательные[13], следственные и судебные, обвинительные и оправдательные и т. п.[14]. Однако с точки зрения нашего исследования наиболее значима указанная выше трехчленная классификация версий.

Нам хотелось лишь подчеркнуть, что знание конкретных форм связи косвенных доказательств совершенно необходимо следователю и судье при конструировании версий. Обычно говорят, что версия должна основываться на фактических данных. Это следует понимать в том смысле, что в основу версии кладутся не только сведения о фактах, но и предположения о возможной связи фактов с расследуемым событием, причем доминирующая роль принадлежит как раз связям. Поэтому, сталкиваясь с каждым новым фактом, следователь прежде всего ставит перед собой вопрос, не связан ли он с событием

преступления или с другими обстоятельствами, связь которых с преступлением уже установлена. В каждом случае, отвечая на такой вопрос, следователь имеет в виду конкретные формы связи и те выводы, которые можно сделать из их наличия. Так, собственно, и возникает следственная версия.

Построение следственных версий представляет начальный этап перехода от вероятности к достоверности в доказывании. Сама по себе версия означает лишь вероятное знание о событии преступления и отдельных его обстоятельствах. Но это знание содержит в себе и эвристические компоненты: на основе вероятных суждений об имеющихся фактических данных следователь выдвигает предположения о том, какие факты еще должны или могут существовать, если данная версия истинна, и определяет пути и способы обнаружения их.

Этот переход имеет определенную структуру, включает в себя несколько этапов:

а) построение исчерпывающего круга версий по делу в целом и по каждому невыясненному обстоятельству;

б) выведение логических следствий из каждой версии, определение возможных доказательств;

в) проверка версий;

г) логические выводы по результатам проверки каждой версии;

д) подтверждение одной версии и отпадение неподтвердившихся версий[15].

Названные этапы следуют друг за другом в указанной последовательности и имеют одинаково важное значение. Ошибки в доказывании возможны на каждом из них, и любая из таких ошибок может оказаться пагубной: ошибки в построении версий связаны с неправильным определением направления расследования и часто бывает непоправимыми; ошибки в выведении логических следствий оборачиваются утратой доказательств, и нередко как раз тех, которых следователю или суду более всего недостает, и т. д. Содержание каждого этапа подробно рассмотрено в литературе, что позволяет остановиться лишь на некоторых моментах, существенных с точки зрения нашего исследования.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что при выведении логических следствий из версии необходимо иметь в виду все формы связи косвенных доказательств с предметом доказывания, а не только причин-

но-следственные отношения. При этом следует учитывать возможность не только необходимой, но и случайной связи предполагаемых следствий с событием преступления и с остальными, уже известными следствиями. Ограничение круга выводимых следствий только теми, которые связаны с преступлением необходимой причинной связью, приводит к тому, что многие доказательства могут быть не обнаружены. Количество выведенных из каждой версии следствий и их разнообразие являются фактором, предопределяющим надежность выводов о подтверждении версии[16].

Не менее важно определить характер предполагаемых отображений каждого из следствий, которые должны существовать в случае истинности построенной версии. От этого прямо зависит выбор средств и способов собирания доказательств. Здесь также не обойтись без анализа всех конкретных форм, которые могут связывать доказательства с предполагаемыми следствиями.

Выводы об истинности или ложности каждой из проверяемых версий делаются на основании доказательств, с одной стороны, подтверждающих данную версию, с другой — опровергающих все остальные, не согласующиеся с ней.

Остановимся на характеристике содержания и значения, а также соотношения методов *подтверждения* и *опровержения* в доказывании.

Прежде всего следует указать, что ведущая роль принадлежит «положительному доказыванию» — установлению обстоятельств предмета доказывания связанными с ним косвенными доказательствами. Метод исключения версий не может быть основным, а тем более единственным способом доказывания. Опровержение всех выдвинутых по делу версий, кроме одной, далеко не всегда означает истинность последней. Это возможно лишь, когда по делу выдвинуты и проверены все объективно возможные версии, без какого бы то ни было исключения. Однако в силу многообразия конкретных условий, в которых подготавливалось и совершалось преступление, неповторимости комплекса его обстоятельств и многозначности связей косвенных доказательств такой уверенности у следователя и суда обычно быть не может[17].

Недостаточность метода опровержения версий даже в тех случаях, когда по делу выдвинуты все объективно

возможные версии, подчеркивается теоретически важным соображением: оставшаяся после опровержения всех других версия предстает в чрезвычайно общем виде и «не раскрывает и не показывает множества частностей и деталей, без которых нельзя установить конкретный состав преступления, участие в нем определенных лиц, степень их виновности и ответственности за содеянное и т. д.»[18]. Необходимая конкретизация версии, выяснение всех «частностей и деталей» могут быть достигнуты только в ходе «положительного доказывания», подтверждения всех выведенных из данной версии следствий.

Против использования в доказывании только (или преимущественно) метода опровержения версий говорит и очень важное практическое соображение. Некоторые работники следствия сущность этого метода, в свое время односторонне освещавшегося в литературе, посвященной косвенным доказательствам, видят в рекомендации проверить и опровергнуть все объяснения отрицающего свою вину обвиняемого и считать его виновным как только эта цель будет достигнута. Такое применение метода исключения версий означает, по существу, запрещенное законом переложение на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность.

Подобный «соблазн» для следователя велик еще и потому, что опровержение в доказывании осуществляется гораздо проще, чем подтверждение: для того чтобы установить наличие какого-либо из элементов предмета доказывания, необходима совокупность связанных между собой косвенных доказательств; чтобы опровергнуть существование этого же элемента, часто бывает достаточно и одного.

Значение метода опровержения версий велико и может оказаться решающим при проверке общих версий, объясняющих характер события в целом. Число таких версий бывает обычно строго ограниченным и, что особенно важно, исчерпывающим. Исключив все версии, кроме одной, следователь и суд тем самым утверждают истинность оставшейся. Так, при осмотре трупа и места его обнаружения у следователя возникает четыре общих версии, полностью исчерпывающие возможные варианты объяснения сущности события: убийство, самоубийство, несчастный случай, естественная смерть. Опровергнув три последние версии, следователь тем самым бесспорно устанавливает истинность первой.

При этом фактические данные, опровергающие одну из версий, служат одновременно «положительными» доказательствами наличия обстоятельств, охватываемых противоположной версией. В этом качестве обычно выступают данные, получившие в криминалистической литературе название отрицательных или негативных обстоятельств.

Первоначально это понятие связывалось только с осмотром места происшествия и трактовалось как отсутствие каких-то следов, которые, судя по обстановке, должны были быть.

Позднее в работах ряда ученых это понятие подверглось существенной трансформации: им стали обозначать также наличие следов, которых при предполагаемом ходе событий не должно было бы быть (например, следов предварительной подготовки взлома внутри помещения и т. п.). Понятие это стали связывать не только с осмотром места происшествия, им стали обозначать всякие факты, противоречащие определенному объяснению события. Некоторые авторы настолько широко трактуют негативные обстоятельства, что включают в их число все «улики поведения»[19]. Понятие, таким образом, в значительной мере утратило свой первоначальный смысл, в связи с чем, очевидно, в литературе и стали высказываться сомнения в его целесообразности[20].

Действительно, «негативность» обстоятельств всегда связана с определенной версией, объясняющей расследуемое событие или отдельные его элементы: они опровергают ее и в то же время подтверждают другую, по отношению к которой являются «положительными». Такое диалектическое единство противоположных значений присуще каждому факту, подтверждающему или опровергающему одну из версий по делу. Оно непременно должно учитываться и теорией, и практикой доказывания. Между тем в теории иногда высказываются взгляды, не способствующие правильному пониманию этого важного положения. В частности, С. И. Медведев в работе, посвященной использованию негативных обстоятельств, говорит о «трансформации негативных обстоятельств в позитивные» и соответственно о «трансформации негативной версии в позитивную», которые якобы осуществляются в ходе расследования[21].

Прежде всего обращает на себя внимание термин «негативная версия», употребление которого нельзя счи-

тать оправданным. К понятию версии, сущность которого составляет предположительное объяснение события преступления, характеристики «негативная» и «позитивная» просто неприложимы. Что же касается «трансформации негативных обстоятельств», то и это утверждение представляется ошибочным: никакой «трансформации» не происходит, не меняется даже их значение. «Негативное» по отношению к данной версии доказательство является «позитивным» по отношению к другой. Тот факт, что именно эта, другая, версия подтвердилась в ходе расследования, не означает трансформации доказательства: для данной версии оно и было «положительным».

Все сказанное приводит к выводу, что употребление понятия «негативное обстоятельство» в столь широком его значении не может принести пользы ни теории, ни практике и правильнее всего, пожалуй, будет вернуть этому понятию его изначальный смысл с небольшим, однако, уточнением. Мы полагаем, что негативными следует считать обстоятельства, относящиеся к материальной обстановке места преступления, и считать ими как отсутствие, так и наличие следов или предметов, противоречащих обстановке. С этой точки зрения, негативными обстоятельствами следует считать и отсутствие какой-либо подставки возле ног висящего высоко в петле трупа, и наличие множественных переломов и других серьезных повреждений на трупе. И тот и другой факты опровергают версию о самоповешении и заставляют выдвинуть версию об убийстве.

Рассматриваемое таким образом понятие «негативные обстоятельства», как нам представляется, имеет право на существование и будет несомненно полезным для практики. Знания о негативных обстоятельствах помогут следователю всесторонне и полно провести осмотр места происшествия и своевременно выдвинуть обоснованные версии по делу. Выявление негативных обстоятельств дает возможность разоблачить инсценировку.

Вследствие этого приобретает большое теоретическое и практическое значение вопрос о связи косвенных доказательств, содержащих данные о негативных обстоятельствах (а все такие доказательства, несомненно, являются косвенными), с предметом доказывания. На первый план здесь выдвигается связь соответствия, часто выступающая в доказывании в своей отрицательной форме, когда доказательством является именно несоответ-

ствие каких-то данных, которые в силу тех или иных закономерностей непременно должны соответствовать друг другу. Например, в делах об убийствах, замаскированных под самоубийство, большое значение приобретает несоответствие расположения повреждений на теле и на одежде потерпевшего. Во всех подобных случаях отрицательная форма связи соответствия положительно устанавливает наличие обстоятельств, входящих в предмет доказывания (в приведенном примере — факт убийства).

Конкретизация общей версии, оставшейся после опровержения остальных, осуществляется путем построения версий по элементам предмета доказывания. Круг этих версий обычно шире, а главное, как раз здесь у следователя и суда зачастую не может быть полной уверенности в том, что ими выдвинуты все версии, абсолютно исчерпывающие возможные варианты объяснения события. Когда при расследовании неочевидных преступлений необходимо доказать наличие и способ их совершения (например, в делах о хищениях, совершаемых должностными лицами), это относится к версиям об объективной стороне преступления, способу их совершения; при расследовании иных преступлений (например, обнаружение трупа с признаками насильственной смерти) это касается версий, относящихся к субъекту преступления.

Опровержение таких версий также имеет доказательственное значение, однако уже иное, чем при проверке общих версий: опровержение всех выдвинутых версий, кроме одной, как правило, еще не означает истинности оставшейся. Если, например, в ходе проверки пяти версий о причастности к убийству конкретных лиц опровергнуты четыре, это еще не означает, что убийство совершил пятый. Последнее должно быть положительно установлено доказательствами, подтверждающими факт совершения убийства данным лицом и его виновность.

В опровержении версий важную роль играют негативные обстоятельства, но их значение здесь неравнозначно. Во многих случаях обнаружение негативных обстоятельств сразу же делает ненужной дальнейшую проверку ранее выдвинутой версии. Так бывает, когда негативные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии необходимых условий (или хотя бы одного из них), а значит — об отсутствии объективной возможности для протекания события таким образом, как предполагалось

ранее выдвинутой версией, и утверждают противоположный вариант. Достоверное установление невозможности, например, вытащить через пролом похищенный предмет сразу же исключает версию о хищении его таким способом, аналогично значение алиби и т. п. Подобные ситуации — отнюдь не редкость в следственной и судебной практике. Но в большинстве случаев обнаружение негативных обстоятельств не исключает проверки прежней версии, а предполагает ее, особенно если иметь в виду и возможность искусственного создания этих обстоятельств («инсценировка инсценировки»).

Проверка ранее выдвинутой версии независимо от обнаружения негативных обстоятельств может оказаться необходимой и потому —об этом нужно сказать особо,— что эти обстоятельства не всегда являются результатом действий преступника. Они могут быть следствием случайных причин и вовсе не быть связанными с преступлением какой бы то ни было закономерной связью. Например, в комнате самоубийцы сосед, первым обнаруживший труп, подобрал с пола пистолет, лежавший возле трупа, и во избежание несчастного случая переложил его на шкаф в нескольких метрах от трупа, чем существенно исказил картину происшествия. Это негативное обстоятельство не было связано с событием, оно не явилось средством его маскировки, тем не менее без включения его причины, пусть даже и случайной, в систему связей всех доказательств установить истину не представляется возможным.

Результатом проверки версий является построение отвечающей описанным выше требованиям системы доказательств, с несомненностью подтверждающих только одну систему версий из числа построенных по делу и одновременно отвергающих все другие системы, любое другое объяснение события преступления.

С моментом и условиями достижения такой достоверности связаны некоторые разногласия среди ученых, исследовавших этот вопрос. М. С. Строгович полагает, что версия может считаться подтвержденной, а достоверность достигнутой лишь тогда, когда по делу выдвинуты и проверены все без исключения версии и все, кроме одной, опровергнуты доказательствами, а эта одна представляет единственно возможный вывод из всех обстоятельств дела[22]. Он возражает А. Р. Ратинову, который счи-

тает, что «вовсе не обязательно специально исследовать и доказывать ошибочность всех возможных предположений. Тот же результат достигается путем достоверного подтверждения правильной интерпретации события, исключающей все иные объяснения»[23]. Аналогична точка зрения А. А. Старченко[24] и А. Н. Васильева[25].

Мы полагаем, что при решении данного вопроса следует, прежде всего исходить из того, что проверка выдвинутых по делу версий осуществляется всем комплексом доказательств, собранных в ходе проверки каждой из них. Как было показано выше, практически каждое из доказательств, подтверждая одну версию, одновременно опровергает другие, несовместимые с ней, и наоборот. Вследствие этого весь комплекс доказательств, собранных по делу, если они правильно систематизированы, подтверждает одну систему версий и одновременно опровергает другие. Оба условия достоверности, по поводу которых и возникла указанная дискуссия, в подавляющем большинстве случаев достигаются одновременно: подтверждая одну систему версий, мы тем же комплексом доказательств опровергаем другие[26].

Однако такое положение складывается только тогда, когда все выдвинутые и проверенные версии являются взаимоисключающими, несовместимыми. В практике же встречаются случаи, когда следователю и суду приходится проверять совместимые системы версии. Например, иногда кража совершается из магазина, работники которого уже до этого совершили присвоение или растрату ценностей. Следователю, возбудившему дело о такой краже, приходится расследовать дело о двух преступлениях, не исключающих друг друга, и проверять две системы совместимых версий. В подобных ситуациях подтверждение одной из них не означает опровержения другой. Обе системы версий должны проверяться самостоятельно от начала и до конца, независимо от подтверждения одной из них[27].

По этим соображениям представляется правильной точка зрения М. С. Строговича: проверка следственных версий не может считаться завершенной, а достоверность достигнутой до тех пор, пока не опровергнуты все реально возможные в данной конкретной ситуации версии, несовместимые с одной, полностью подтвердившейся доказательствами[28].

В криминалистической литературе обычно подчеркивается, что по делу должны выдвигаться и проверяться лишь реально возможные в данной ситуации, а не все теоретически мыслимые версии[29]. Применительно к доказыванию уликами это правило, как нам представляется, следовало бы формулировать с меньшей категоричностью, чтобы исключить какую бы то ни было возможность искусственного сужения круга проверяемых версий.

Судебная практика знает случаи настолько исключительного стечения обстоятельств, что пренебрежение проверкой всех, даже маловероятных, версий создает реальную угрозу судебных ошибок.

Во всяком случае, независимо от подтверждения одной из систем версий, должны быть до конца проверены объяснения обвиняемого (подсудимого), противоречащие этой версии. Судебная практика последовательно стоит на данной позиции, что следует признать безусловно правильным: доказывание нельзя считать законченным, пока не исключены все версии, кроме одной. Преждевременное прекращение проверки версий всегда чревато возможностью тяжелой судебной ошибки, в подтверждение чего хотелось бы привести следующий пример.

В первом часу ночи в парке одного из санаториев Геленджика трое молодых людей, один из которых был вооружен пистолетом, а второй ножом, напали на отдыхавших в этом санатории В. и А. Преступники отобрали у потерпевших часы, все трое поочередно изнасиловали А. и скрылись.

На рассвете на чердаке квартиры С. были задержаны 18-летние Н., К. и сам С. Под подушкой у последнего была обнаружена ракетница, по форме напоминавшая пистолет, а в кувшине возле постели — завернутые в тряпку часы, похищенные у В. и А.

Задержанные Н. и К. признались в совершении преступлений и рассказали, что они совершили их вместе с отдыхающим по имени Виктор. Участие в преступлении С. оба они отрицали, категорически отрицал это и С. Однако весьма путаными и противоречивыми были показания Н. и А. о третьем соучастнике, и слишком очевидным казалось совпадение фактов, свидетельствовавших против С.: на его майке нашли следы крови (а у потерпевшей был порезан палец), оба потерпевших опознали свои часы, найденные у С. Он был предъявлен

для опознания потерпевшей А., которая уверенно опознала его как третьего преступника и, не сдержавшись, ударила его по лицу. Вскоре следователю стало известно, что С. собирается признаться в совершении преступлений. Ранее он уже привлекался к уголовной ответственности за кражу государственного имущества.

Совпадения были настолько очевидны и убедительны, что дело казалось совершенно ясным. Однако, несмотря на убедительность этих данных, следователь продолжал настойчиво и тщательно проверять вторую версию — об участии в преступлении другого лица, которого обвиняемые Н. и К. называли то Сашей, то Яшей, то Виктором. Настойчивость была вознаграждена: следователю вскоре удалось установить, задержать и изобличить третьего соучастника — Виктора Р., который на допросе признал свою вину.

Судебная ошибка была бы почти неизбежной, если бы следователь преждевременно прекратил проверку «бесперспективной» версии, которая, однако, по обстоятельствам дела не была полностью исключена.

3.
Об особенностях оценки косвенных доказательств

Уголовно-процессуальный закон (ст. 17 Основ, ст. 71 УПК РСФСР) устанавливает единые для всех видов доказательств правила их оценки. Эти правила в равной мере применимы как к прямым, так и к косвенным доказательствам. Вместе с тем специфика последних не может не сказаться и в таком важном элементе доказывания, каким является оценка доказательств. Она предопределена многоступенчатым характером их связи с предметом доказывания и производится, как и весь процесс доказывания с помощью косвенных доказательств, на двух этапах. Содержание, методы и результаты оценки на каждом из них существенно разнятся. Этим прежде всего оценка косвенного доказательства отличается от оценки прямого.

При доказывании прямыми доказательствами центр тяжести переносится на определение надежности источника доказательств, правомерности способов их получения и достоверности фактических данных, являющихся

прямыми доказательствами. Вопрос об относимости таких доказательств и их значении для дела практически не возникает: устанавливая факты, являющиеся составной частью предмета доказывания, эти доказательства связаны с ним столь непосредственно и очевидно, что такая связь обычно и не нуждается в обосновании. Вопрос о достаточности прямых доказательств по этой же причине решается сравнительно просто. Установлением полноты и достоверности прямых доказательств (при условии их допустимости, разумеется) процесс доказывания практически завершается.

В доказывании косвенными доказательствами эти операции составляют лишь первый его этап. В силу многозначности связи каждого из промежуточных фактов не менее важные (но, пожалуй, еще более трудные) задачи возникают на втором этапе.

Здесь предстоит установить относимость каждого из промежуточных фактов, т. е. наличие объективной их связи с предметом доказывания. Весьма важной логической операцией является определение значения каждого из таких фактов для дела. Наконец, наибольшую ответственность и наибольшую трудность представляет решение вопроса о достаточности промежуточных фактов для достоверных выводов о всех существенных обстоятельствах дела.

По вопросу о содержании оценки доказательств в советской процессуальной и криминалистической литературе высказываются различные взгляды. Преобладающим является мнение, согласно которому оценка доказательств представляет мыслительную, логическую деятельность, результатом которой является суждение о допустимости, относимости, достоверности доказательств, их значении и достаточности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания[30].

М. М. Гродзинский под оценкой доказательств понимал определение надежности средств доказывания и значения тех фактических данных, которые установлены с помощью этих средств[31].

Некоторые ученые обоснованно подчеркивают, что основным в содержании оценки доказательств является установление их связи с предметом доказывания[32].

Соглашаясь в основном с господствующей точкой зрения на содержание оценки доказательств, мы полагаем, однако, что определение их допустимости не вхо-

дит в оценку, оно осуществляется в ходе проверки доказательств. Оценке подвергаются такие свойства доказательства, как относимость, значение (сила, ценность) и достаточность для достоверных выводов о наличии или отсутствии искомых фактов. При этом оценке подвергаются как источники, так и содержащиеся в них фактические данные[33]. Именно последним, как нам представляется, обусловлено наличие двух уровней оценки косвенных доказательств, соответствующих двум этапам доказывания.

На первом уровне производится оценка источников доказательств и способов их получения. Эта оценка производится в рамках частной системы косвенных доказательств, она неразрывно связана с их проверкой[34] и преследует цель достоверного установления отдельных промежуточных фактов и их качественной интерпретации.

Другой уровень оценки достигается на втором этапе доказывания; он связан с установлением относимости, значения и ценности каждого из промежуточных фактов и достаточности их для достоверного установления всех обстоятельств предмета доказывания. На этом же этапе оцениваются интегративные качества всей системы доказательств по делу[35].

Оценка относимости промежуточных фактов является одним из центральных моментов доказывания уликами. Она означает установление объективной связи промежуточного факта с предметом доказывания и может быть осуществлена только в системе промежуточных фактов, так как связь каждого такого факта с предметом доказывания может только предполагаться. Необходимой предпосылкой для оценки относимости доказательств является точное и четкое определение предмета доказывания по конкретному делу, что в значительной степени зависит от того, насколько правильно представляют себе следователь и суд признаки конкретного состава преступления[36].

На установление объективных связей косвенных доказательств с предметом доказывания и с другими доказательствами направлен весь процесс доказывания, в ходе которого используются все процессуальные, логические и научно-технические методы выявления объективных связей.

Значение промежуточных фактов определяется их

местом в системе доказательств, их связью с тем или иным конкретным обстоятельством, входящим в предмет доказывания, наличием или отсутствием других промежуточных фактов, относящихся к тому же обстоятельству. Оно зависит, наконец, от места данного обстоятельства в системе элементов предмета доказывания. Значение и доказательственная сила улик зависят также от ряда факторов, среди которых число подтвержденных логических следствий, их разнообразие, конкретность информации, бóльшая или меньшая редкость этой информации[37].

С последним фактором связано понятие о ценности (силе) косвенных доказательств. Оно связано также со специфичностью улик. Еще А. Жиряев, как указывалось выше, предлагал различать улики общие, встречающиеся во всех делах, и частные, присущие делам о конкретных видах преступлений. Думается, что это деление не лишено практического значения. Такие косвенные доказательства, как данные о присутствии на месте совершения преступления, попытках скрыть следы преступления, поличное и т. п., могут встретиться практически в любом деле, они являются общими. Значение их велико, а установление необходимо, так как они связаны с такими элементами предмета доказывания, как событие преступления, факт его совершения данным лицом и т. д. Однако ценность той или иной улики зависит от ее специфичности и частоты встречаемости: чем реже в обыденной жизни встречается тот или иной факт, чем специфичнее он для определенного вида преступлений, тем он более убедителен, когда выступает в качестве улики.

Ценность улики зависит не только от ее характера, содержания, но и от ряда внешних факторов, от других улик, с которыми она связана, от того «контекста», в котором она встречается. Наличие следов пальцев рук обвиняемого на месте преступления само по себе обычно достаточно важно, но сила этой улики находится в прямой зависимости от привходящих данных: если обвиняемый бывал или мог бывать на этом месте вне связи с преступлением, она практически сводится к нулю; если же он, по обстоятельствам дела, не бывал и не мог бывать на этом месте вне связи с преступлением, ценность данной улики резко возрастает. Причем оценка таких свойств промежуточных фактов, их значения и ценности может быть произведена только при рассмотрении всей их системы.

В ходе этого анализа оценивается и достаточность доказательств[38]. Закон не устанавливает и по понятным причинам не может устанавливать конкретных критериев достаточности доказательств, он даже не раскрывает этого понятия. Определение достаточности доказательств связано с предметом доказывания, содержанием промежуточных фактов и характером их объективной связи с преступлением. С одной стороны, определение достаточности доказательств предполагает выяснение вопроса о том, какой объем соответствующего элемента предмета доказывания «заполняет» тот или иной промежуточный факт. Например, показаний свидетеля, слышавшего крик из квартиры потерпевшего в 22 часа, может оказаться достаточно для установления времени совершения преступления, но недостаточно для установления события его.

С другой стороны, достаточность доказательств определяется тем, представляет ли их совокупность необходимое фактическое основание для вывода о наличии всех подлежащих доказыванию обстоятельств, иначе говоря, устанавливает ли система промежуточных фактов с достаточной полнотой все элементы предмета доказывания.

Решение вопроса о достаточности доказательств также может быть достигнуто лишь при анализе их системы. По этой причине весьма важной на втором этапе доказывания является оценка интегративных качеств системы доказательств. Оценивая наличие и характер связей доказательств между собой и их достаточность, следователь и суд должны подвергать системно-функциональному анализу всю совокупность имеющихся в их распоряжении доказательств, выясняя прежде всего, образует ли эта совокупность систему доказательств, т. е. является ли она строго упорядоченной относительно структуры предмета доказывания. Ответ на этот вопрос позволяет судить и о том, обладает ли эта система необходимыми интегративными качествами — такими свойствами, которыми не обладают входящие в нее доказательства, взятые в отдельности.

Эта сторона оценки отличается сложностью, она требует от следователя и суда безупречного применения законов диалектической и формальной логики. На предотвращение ошибок, на формирование системы доказательств должен быть направлен весь процесс доказывания, в ходе которого на каждом из его этапов возникает

ряд проблем, связанных с оценкой косвенных доказательств.

Остановимся прежде всего на некоторых психологических аспектах оценки косвенных доказательств.

Одну из важнейших в этом отношении их особенностей удачно подметил еще А. Жиряев. «В уликах, — писал он, — по большей части дается исследователю только раздробленный образ исследуемого события, который, естественно, не имеет такого действия на его убеждение, как целостное впечатление, производимое обстоятельным показанием, например, свидетеля»[39]. Действительно, косвенные доказательства, каждое из которых связано (да и то опосредствованно) лишь с отдельным элементом предмета доказывания, даже в совокупности не дают столь целостной и впечатляющей картины преступления, какую может нарисовать в показаниях свидетель-очевидец, потерпевший или обвиняемый. Уловить же связь отдельного доказательства с преступлением трудно: для этого надо рассматривать всю их совокупность, сопоставляя между собой все имеющиеся в ней доказательства, что требует известного психологического напряжения. Конечно, опасения буржуазных процессуалистов, что это напряжение «может оказаться чрезмерным»[40], явно преувеличены, однако такая «раздробленность образа», действительно, имеется и создает известные психологические трудности и в восприятии, и в оценке косвенных доказательств.

Трудности эти нередко усугубляются фрагментарностью восстановленной картины преступления и возможным отсутствием в ней отдельных фрагментов (о чем подробно говорится ниже). Несмотря на то что при правильном доказывании, т. е. полном, объективном и всестороннем установлении всех юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию, отсутствующие фрагменты не искажают существа дела и не могут влиять на конечные выводы следователя и суда, их отсутствие тем не менее создает чисто психологические затруднения. Нередко судей не покидает мысль о том, что, может быть, как раз в отсутствующих фрагментах и скрываются важные обстоятельства, которые могут существенно изменить содержание всей картины. Эта неуверенность может укрепляться и превращаться в то обоснованное сомнение, которое должно трактоваться в пользу обиняемого, если при доказанности одной системы версий по делу не опро-

вергнуты вместе с тем все другие, не совместимые с ней. Вот почему опровержение несовместимых версий имеет столь большое значение в доказывании уликами. Оно является действенным средством в преодолении указанных психологических трудностей.

Немалое значение в психологическом аспекте оценки имеют и те предубеждения, которые коренятся в неправильном понимании характера косвенных доказательств и особенностей их использования в доказывании. В научной и популярной литературе предположительный, многозначный характер связи отдельного косвенного доказательства с преступлением подчеркивается гораздо чаще и убедительнее, чем однозначный характер связи всей системы таких доказательств с предметом доказывания. Кроме того, как правильно замечает А. Р. Ратинов, «почти в каждой работе по тактике и методике расследования говорится об аналитической деятельности следователя: анализе исходных данных, анализе доказательств, так называемом психологическом анализе и т. п., но в редких случаях — о синтетической работе ума»[41]. В результате создается впечатление (в том числе и у самих следователей и судей), что ведущей умственной операцией в их деятельности является анализ. Это приводит к тому, что они значительно больше внимания уделяют анализу каждого отдельного доказательства, чем рассмотрению всей их совокупности и обнаружению системообразующих связей.

Такой анализ, каким бы глубоким он ни был, приводит лишь к вероятному выводу о связи доказательства с преступлением и не исключает отсутствия такой связи, «нейтрального» объяснения отдельного доказательства. Если следователь или судья рассматривает совокупность косвенных доказательств как простую их сумму, не принимая в расчет интегративных качеств системы доказательств, его не покидает сомнение в доказанности обстоятельств дела. Это сомнение лишает следователя, а особенно судей (на которых лежит ответственность за окончательное решение дела), необходимой решительности, что сказывается подчас при определении наказания либо при необоснованном возвращении дела для дополнительного расследования.

Существование такого предубеждения поддерживается и отдельными (ошибочными, с нашей точки зрения) высказываниями представителей юридической науки, ка-

тегорически (но бездоказательно) утверждающими невозможность достоверного установления обстоятельств дела одними лишь косвенными доказательствами[42]. Сказывается и неверное утверждение о «цепи улик», все звенья которой должны быть неразрывно связаны. Хотя его научная несостоятельность давно доказана советскими криминалистами, своеобразные пережитки этого взгляда все еще встречаются среди практических работников: слишком долго и настойчиво их убеждали в том, что косвенные доказательства в совокупности должны быть связаны, как звенья цепи, и выпадение одного звена «разрушает всю цепь», т. е. делает непригодной всю совокупность доказательств. По этой причине судьи к опровержению отдельной улики относятся иногда гораздо более настороженно, чем к опровержению прямого доказательства. Значение последнего очевидно, столь же очевидными представляются и последствия его недостоверности. Что же касается косвенного доказательства, то определение его значения (а следовательно, и последствий его опровержения) значительно сложнее: для этого надо рассмотреть не только его содержание, но и характер связи с остальными, его место в системе доказательств. Гораздо проще распространить вывод о недоброкачественности одного доказательства на всю их «цепь», что иногда и делается.

Указанные психологические особенности оценки косвенных доказательств нередко порождают необоснованные сомнения в доказанности обстоятельств преступления, в достоверном установлении предмета доказывания. Однако есть и такие психологические моменты, которые влекут последствия противоположного характера, когда значение отдельных доказательств необоснованно переоценивается, когда за косвенные доказательства принимаются данные, в действительности ими не являющиеся. Это также объясняется спецификой косвенных доказательств.

Неоправданно большое, подчас решающее значение придается иногда доказательствам, однозначно связанным с событием преступления, однако устанавливающим даже не какой-либо элемент предмета доказывания, а лишь отдельный промежуточный факт. Например, обнаружение у подозреваемого в убийстве ножа с отломленным концом, а в костных тканях трупа потерпевшего — отломившегося от данного ножа кусочка относится как

раз к этому разряду улик. По своей убедительности они бывают даже сильнее многих прямых доказательств. Следственной и судебной практике известны случаи, когда обвиняемый, упорно и хладнокровно отрицавший показания очевидцев (ссылаясь на враждебные с ними отношения либо на «происки» следователя), сразу же сникает, увидев, например, что края обгоревшего пыжа, найденного на месте убийства, полностью совпадают с оборванной страницей книги, обнаруженной у него дома.

Подобные доказательства представляют большую тактическую ценность: они весьма успешно используются при допросе обвиняемого для получения его правдивых показаний. Однако доказательственную их силу переоценивать нельзя, следует помнить, что они устанавливают (да и то лишь в частной системе с заключением эксперта и другими доказательствами) только один промежуточный факт (например, нахождение у данного лица орудия совершения преступления). Между тем «яркость» подобных доказательств иногда настолько «ослепляет» следователя или судей, что они с меньшей тщательностью собирают и проверяют доказательства других обстоятельств преступления, а подчас и вовсе этого не делают, рассчитывая на получение признания обвиняемого.

Иногда аналогичное впечатление на следователей и судей производит множественность доказательств одного и того же факта. Например, пребывание лица на месте преступления может быть установлено и показаниями свидетелей, и вещественными доказательствами (его следами на месте происшествия), и заключениями экспертов. Все они образуют частную систему косвенных доказательств, устанавливающих только один промежуточный факт. Иногда таких доказательств бывает много (что само по себе хорошо с точки зрения надежности установления данного обстоятельства), и это количество как-то «подавляет» следователя или судей. Не делая различия между доказательствами и промежуточными фактами, они ошибочно полагают, что в их распоряжении имеется совокупность доказательств в том смысле, какой вкладывает в это понятие законодатель (ст. 17 Основ), и делают необоснованные выводы.

Надежным средством нейтрализации указанных психологических факторов и предотвращения подобных ошибок является систематизация доказательств по делу, чет-

кое разграничение частных систем и систем более высокого порядка.

Существует еще один психологический фактор, который, как представляется, обязательно должен учитываться при оценке косвенных доказательств. В ходе предварительного и судебного следствия следователь и судьи воспринимают и запечатлевают в своем сознании, как правило, значительно бóльшую информацию, чем та, которая закрепляется в процессуальных документах. Как замечает И. Е. Быховский, отражение объективной реальности осуществляется как бы на двух уровнях: на уровне сознания и на процессуальном уровне[43].

Только фактические данные, закрепленные в процессуальной форме, являются доказательствами и могут служить основанием для выводов следователя и суда при оценке доказательств. Информация, отразившаяся «на уровне сознания» и не нашедшая отражения в процессуальных документах, имеет лишь криминалистическое значение: она может и должна использоваться для разработки оптимальной тактики предварительного и судебного следствия. Эта информация может использоваться для психологического анализа хода и результатов отдельных следственных действий[44]. Такой анализ преследует чисто тактические цели, и выводы, сделанные при этом, не могут рассматриваться как составная часть оценки доказательств, ибо оценке здесь подвергаются не доказательства, а непроцессуальная информация.

Между тем такая информация, лишенная достаточных гарантий достоверности, иногда довлеет над следователем, и он невольно учитывает ее при оценке доказательств, основывая свои выводы о наличии подлежащих доказыванию обстоятельств дела не только на доказательствах, но и на этой непроцессуальной информации. Поскольку в настоящее время следователь и органы дознания располагают техническими средствами для фиксации подобной информации (киносъемка, звукозапись, видеозапись), подобному психологическому воздействию иногда подвергаются и судьи.

Этому способствует и неоправданно широкая трактовка «улик поведения» не только отдельными учеными, но и практическими работниками. Иногда им в ходе итоговой оценки доказательств трудно отвлечься от мысли о том, что обвиняемый проявил заметное волнение при ответе на те или иные вопросы, обнаружил оп-

ределенные эмоциональные реакции на конкретную ситуацию, сложившуюся в ходе предварительного или судебного следствия. И хотя подобные акты поведения не могут рассматриваться в качестве доказательств, следователь и судьи иногда учитывают их в своих выводах при оценке доказательств, т. е. по существу рассматривают в качестве таковых.

Из сказанного ясно, какое большое практическое значение имеет правильное понимание сущности доказательств вообще, косвенных доказательств и той их разновидности, какой являются «улики поведения», в частности и в особенности. Только такое правильное понимание позволит следователям и судьям противостоять психологическому воздействию тех факторов, которые не являются доказательствами, а представляют собой лишенную гарантий достоверности непроцессуальную информацию, объективную связь которой с предметом доказывания установить практически невозможно. Нейтрализовать же подобное воздействие необходимо, так как «правильность оценки доказательств определяется не степенью их воздействия на исследователя, а обоснованностью этой оценки, предполагающей необходимость анализа данных о процессе формирования каждого доказательства, анализа его содержания, изучения его связей с другими доказательствами и так далее»[45].

Таковы некоторые из психологических аспектов оценки косвенных доказательств, которые, на наш взгляд, должны постоянно учитываться в процессе доказывания и которые свидетельствуют о необходимости самостоятельной разработки этой важной проблемы советской криминалистики и судебной психологии.

Другим важнейшим вопросом оценки является вопрос о переходе от вероятности к достоверности в доказывании.

Термин «вероятность» обычно встречает со стороны процессуалистов негативное отношение. Обусловлено это оправданным стремлением воспротивиться каким бы то ни было попыткам (в прошлом имевшим место и в теории советского уголовного процесса) обосновывать приговор не достоверными, а вероятными знаниями. Действительно, итогом доказывания вероятность быть не может. Если знания о событии преступления, его виновниках и других входящих в предмет доказывания обстоятельствах дела носят лишь вероятный характер, зна-

чит, процесс доказывания еще не закончен и обвинительный приговор не может быть постановлен. Это незыблемое положение, закрепленное в процессуальном законе (ст. 43 Основ, ст. 307 УПК РСФСР), не противоречит, однако, тому, что в процессе доказывания, в процессе познания фактических обстоятельств дела вероятные знания играют очень большую роль. Философы правильно обращают внимание на то, какой «колоссальной эвристической силой обладают вероятностные представления»[46].

В философской литературе понятие вероятности употребляется в двух значениях. Исторически первым сложился взгляд на вероятность как на характеристику наших знаний о тех или иных явлениях окружающего мира. Уже в исследованиях классиков теории вероятностей (Я. Бернулли, П. Лаплас) вероятность связывалась с умозаключениями, производимыми в условиях неполной информации о предмете. Позднее вероятность стали связывать со свойствами реальных процессов[47]. Эти аспекты отчетливо разграничиваются и современными философами.

Гносеологическое понятие вероятности означает «осознанную, оцененную нами степень соответствия нашего знания реальности»[48]. Именно в этом смысле употребляется данное понятие в логике[49].

В уголовно-процессуальном доказывании, где познание носит преимущественно ретроспективный, а не предсказательный характер, понятие вероятности находит применение в его первом, гносеологическом значении. В отличие от достоверности, которая представляет знание, проверенное практикой, точно и полно отражающее действительность в пределах предмета доказывания, вероятность означает недостаточно обоснованное и проверенное практикой знание. Иначе говоря, вероятность в судебном доказывании связывается с недостаточностью фактических данных, обосновывающих истинность выводов о наличии подлежащих доказыванию обстоятельств дела[50].

Именно в этом смысле понятие вероятности имеет в процессуальном доказывании важное познавательное значение, ничуть не меньшее, чем в других областях знания, ибо вероятностные представления лежат в основе следственных версий, которые являются важнейшим инструментом познания в уголовном судопроизводстве.

Вопрос о переходе от вероятности к достоверности является специфическим для доказывания с помощью косвенных доказательств и представляет едва ли не центральную его проблему. Именно здесь важно уяснить, как «из *незнания* является *знание,* ...неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[51].

Эта проблема исследуется не только в процессуальной и криминалистической литературе. В свое время она обсуждалась на методологическом семинаре юристов и математиков в Институте математики им. В. А. Стеклова АН СССР, где представители математики, исходя из своего понимания вероятности, высказали обоснованное сомнение в возможности применения математической логики к установлению фактов, интересующих право. Академик П. С. Новиков указал при этом, что «конечный результат всякого процесса познания, опирающегося на исходные положения, имеющие определенную степень вероятности, никогда не может быть достоверным. Коль скоро в первоначальных оценках имеется вероятность, то и вывод всегда будет вероятным»[52].

Утверждение это в принципе совершенно бесспорное, поскольку речь идет о формально-логической достоверности. Действительно, «традиционная формальная логика признает достоверными лишь такие формы доказательства, которые в реальном судебном исследовании составляют скорее исключение, чем правило»[53].

В доказывании уликами такая формально-логическая достоверность может быть достигнута лишь на первом этапе, при установлении промежуточных фактов, знания о которых обычно представляют силлогистическое умозаключение (например, наличие на месте происшествия следов пальцев определенного лица *всегда* означает, что данный человек был на этом месте, и т. п.). Следует также учитывать, что нередко промежуточные факты устанавливаются прямо и непосредственно (например, показаниями свидетеля, видевшего обвиняемого на месте преступления; результатами обыска, при котором у него обнаружен пистолет; заключением эксперта, что пуля, убившая потерпевшего, выстрелена именно из этого пистолета, и т. д.). В этих случаях их достоверность достигается тем же путем, что и при использовании прямых доказательств. При установлении промежуточных фак-

тов косвенным путем их достоверность обеспечивается наличием частных систем косвенных доказательств.

Таким образом, в основу логических выводов на втором этапе доказывания кладутся достоверно установленные факты. В этом смысле исходный материал для выводов является вполне «доброкачественным», содержащим не вероятные, а достоверные знания.

Проблема заключается в другом: каждый из промежуточных фактов связан с событием преступления неоднозначно и, значит, допускает вероятный вывод на этот счет. Вероятность в доказывании уликами относится, таким образом, к наличию объективной связи промежуточных фактов с предметом доказывания. Задача сводится к тому, чтобы, располагая определенной совокупностью промежуточных фактов, установить наличие и характер объективной связи всей этой совокупности и каждого из входящих в нее фактов с обстоятельствами предмета доказывания. Задача эта, как свидетельствует практика, вполне разрешима.

Достижение достоверности в доказывании уликами связано с накоплением таких косвенных доказательств и в таком количестве, что они могут служить достаточным основанием для достоверных выводов по делу.

Познание в доказывании идет тем же путем, как научное знание в любой области. Развивая известное ленинское положение о том, что подлинно научное познание идет от единичного к общему[54], советская философская наука рассматривает познание как процесс накопления фактов, открывающий путь к постижению сущности явлений. «В познании, — пишет А. Е. Фурман, — обычно начинают с накопления единичных фактов, между которыми на протяжении известного периода довольно трудно установить внутреннюю связь. Постепенно познанные факты связываются единой теорией. ...Процесс создания общих теорий, как правило, начинается вместе с накоплением фактов. Однако вначале эти теории мало обоснованы и являются по существу гипотезами. Но чем больше объективных фактов, тем меньше фантастических домыслов в этих теориях, тем больше правильного, научного осмысливания реальных связей»[55].

Аналогичным образом идет процесс познания и в расследовании преступлений: единичные факты, с данными о которых сталкивается следователь в самом начале расследования, еще не позволяют категорически утвер-

ждать наличие объективной связи между ними и преступлением. Вначале эта связь только предполагается. Вероятность прогрессивно возрастает и наконец сменяется достоверностью по мере накопления новых фактических данных. Возникает естественный вопрос, каким по своему характеру является это накопление, представляет ли оно собой чисто количественный процесс, простое суммирование вероятностей (а именно ими по сути своей являются отдельные промежуточные факты). Ответ на последнюю часть вопроса может быть только отрицательным. О таком суммировании можно говорить, лишь отвлекаясь от связей каждого доказательственного факта с другими и с предметом доказывания. Однако такая абстракция недопустима: связь представляет сущность доказательства. Если же принять во внимание указанные связи, то правильнее говорить не о суммировании, а об умножении, накоплении доказательственной информации.

Механизм такого накопления достаточно подробно описан в литературе. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых существенных моментах.

Структура перехода от вероятности к достоверности помимо установления наличия объективных связей улик с элементами предмета доказывания включает и методы однотипные с косвенным доказательством в математике. «Косвенное доказательство устанавливает справедливость утверждения тем, что вскрывает ошибочность противоположного ему допущения»[56].

Именно таким путем идет формирование вывода о доказанности при использовании косвенных доказательств: поскольку суждение об объективной связи всех улик с событием преступления рассматривается как вероятное, его достоверность доказывается путем опровержения противоположного ему допущения — о случайном совпадении этих улик.

В этой операции — опровержении такого допущения — и могут применяться положения теории вероятностей об умножении вероятностей. Правила эти абстрактны, распространяются они на любые объекты, в том числе, разумеется, и на улики.

Поскольку подобное опровержение сводится к доказыванию невероятности случайного совпадения совокупности улик, а методами теории вероятностей это доказывается лишь статистически, т. е. приближенно, строгая

математическая достоверность и здесь не достигается. Теоретически мыслим какой-то (пусть единственный на миллионы!) шанс случайного совпадения улик, поэтому достигаемое и таким путем знание с точки зрения формальной логики достоверным не является.

Однако практическая невероятность случайного совпадения большого числа разнообразных по характеру улик, подобного описанному Э. Борелем «чуду Эддингтона» (вероятности того, что обезьяна, ударяя по клавишам пишущей машинки, напечатает художественное произведение), делает это знание практически достоверным.

А. А. Эйсман употребляет для характеристики такого знания термин «содержательная достоверность»[57].

Почему случайное совпадение совокупности улик является практически невероятным? Прежде всего потому, что каждый из фактов, выступающих в этом качестве, происходил в определенное время, в определенном месте, в определенных условиях, под воздействием конкретных причин. Чтобы допустить случайное совпадение всех промежуточных фактов, нужно допустить возможность случайного совпадения всего комплекса связей, которыми факты связаны между собой и с другими обстоятельствами. Комплекс этот бывает весьма сложен даже при наличии двух-трех фактов, а с появлением каждого нового его сложность прогрессивно возрастает и на определенном этапе такой комплекс становится неповторимым. Вот почему с появлением каждой новой гармонирующей с другими улики вероятность случайного их совпадения чрезвычайно быстро приближается к нулю.

Итак, то качественно новое, что добавляется к содержанию улик по мере их накопления, — это связь их между собой, которая может осуществляться и непосредственно, и через доказываемое положение и которая обеспечивает интегративные качества системы доказательств[58]. Вот почему накопление улик в процессе доказывания неотделимо от выявления их связи между собой и с предметом доказывания. В этом процессе решающая роль принадлежит анализу отношений соответствия, в которых обязательно находятся все улики, если они объективно связаны с доказываемым положением. Необходимость такого соответствия обусловлена происхождением всех улик от единой отражаемой системы, все элементы которой также находятся в соответствии. Оно выражается в конкретных формах связи: хронологической, прост-

ранственной, функциональной, связи условия с обусловленным и т. д.

Эта закономерность давно используется экспертами, которые в ходе идентификации оценивают «достаточную совокупность совпадающих устойчивых индивидуальных признаков» объекта идентификации, исходя из наличия связи соответствия между признаками[59]. Весьма показательный пример описан в специальной литературе. На протяжении раневого канала у потерпевшего были повреждены пальто, пиджак, рубашка, майка. На клинке ножа — предполагаемого орудия преступления — обнаружено 965 текстильных волокон девяти видов. Два первых совпадали с соответствующими образцами волокон верха пальто, третий — его подкладки, четвертый и пятый — материала пиджака, шестой — его подкладки, седьмой и восьмой — материала рубашки, девятый — майки. Совершенно очевидно, что доказательственная ценность факта обнаружения стольких волокон на орудии преступления весьма значительна. Если появление на исследуемом орудии единичных волокон, совпадающих с волокнами — образцами материалов одежды потерпевшего, можно было бы объяснить какими-то иными, не связанными с происшествием обстоятельствами, то характерная их совокупность могла быть объяснена только одним: их появление — результат контакта с конкретным комплексом одежды.

Формальная, математическая достоверность и в этом случае достигнута не была: теоретически можно допустить, что где-то и когда-то данным ножом были причинены точно такие же повреждения точно таким же пальто, пиджаку, рубашке и майке, а данные повреждения были нанесены другим, точно таким же ножом. Однако, если принять во внимание хронологические, пространственные и другие связи и их сочетания, становится ясным, что совпадение стольких случайностей в данное время, в данном месте и в данных условиях совершенно исключено, и вывод эксперта о том, что данные повреждения причинены именно данным ножом, представляется достоверным.

Такая содержательная достоверность достигается в результате накопления доказательств, преследующих одновременно две цели: установление объективного характера связей улик между собой и с предметом доказывания и опровержение противоположного допущения —

о случайном совпадении улик. Это сочетание «положительного» доказывания с опровержением противоположных выводов повышает надежность знания, обеспечивает его достоверность.

Накопление доказательств по описанному типу осуществляется прежде всего на первом этапе доказывания, при формировании частных систем косвенных доказательств, в пределах каждой такой системы. Соответствие по тем или иным параметрам двух косвенных доказательств может быть объяснено как наличием объективной связи между ними, так и случайным их совпадением. Добавление к этим двум доказательствам третьего, четвертого и т. д., также связанных с ними корреляционным отношением, делает возможность случайного их совпадения исчезающе малой. Аналогично осуществляется накопление и на втором этапе доказывания с той разницей, что здесь накапливаются уже достоверно установленные промежуточные факты.

Итак, переход от вероятности к достоверности в доказывании уликами возможен только благодаря фактору системности, наличию связей между компонентами системы — доказательствами и промежуточными фактами. При этом важное (если не решающее) значение имеет то обстоятельство, что каждое доказательство и каждый промежуточный факт связаны друг с другом и с предметом доказывания одновременно несколькими формами связей. Одна система связей (например, причинных, а тем более временных, пространственных и т. д.) не дает оснований для достоверного вывода. Несколько различных систем связей, «наложенных» друг на друга, дают такое основание.

Типичная улика — наличие следов крови группы потерпевшего в комнате, где предполагается его убийство, связана с событием преступления несколькими формами связей: соответствия (кровь человека той же группы), пространственной, временной, причинной. Каждая из них, взятая в отдельности, дает основание только для вероятного вывода. Вся их система места для сомнений уже не оставляет.

Именно наличие нескольких форм связей между компонентами и обусловливает интегративные качества системы — те самые ее свойства (в нашем случае — достоверность), которыми не обладают входящие в нее компоненты.

В доказывании уликами едва ли не решающее значение имеют вопросы: когда наступает тот момент, при котором количество переходит в качество, вероятные знания в достоверные, какое количество гармонирующих доказательств может считаться достаточным для достоверного вывода?

В криминалистической литературе были предприняты попытки математического решения этого вопроса с использованием отдельных положений общей теории связи. В этой теории описывается характерный для каналов электрической связи «квадратичный эффект», суть которого состоит в том, что при взаимодействии когерентных (т. е. совпадающих по фазе) сигналов мощность суммарного сигнала становится больше суммы мощностей отдельных сигналов на величину, называемую взаимной мощностью когерентных сигналов[60].

Отправляясь от этого положения, О. Г. Гвахария делает следующий вывод: «Как представляется, квадратичный эффект усиления сигналов существует не только в каналах электрической связи, но и в гносеологическом канале связи следствия с событием преступления»[61]. Проводя далее аналогию доказывания с языковым общением людей и исходя из того, что средняя избыточность языков мира составляет 75%, а средняя величина удлинения информационных сообщений равна четырем, автор приходит к выводу: «Если принять, что один многозначный акт доказывания, взятый сам по себе, обладает нулевой избыточностью, то для достижения 75% избыточности нужно иметь четыре многозначных акта доказывания. Эта последовательность доказательств будет обладать достаточной надежностью, гарантирующей от ошибок». Затем следует категорическое заключение: «Наличие четырех «ненадежных» доказательств образует надежный доказательственный комплекс, который и можно принять за доказательство главного или промежуточного факта». Автор оговаривается, правда, что он не предлагает «установить жесткие «автоматически действующие» критерии оценки доказательств, отдавая дань теории формальных доказательств», но «следование принципам свободной оценки доказательств не означает, что критерии оценки вообще не должны существовать и учитываться»[62].

Наличие такой оговорки, однако, не меняет существа дела, и выводы О. Г. Гвахария, а также путь, которым он

пришел к этим выводам, представляются неприемлемыми прежде всего потому, что отождествление познания в доказывании с электрическими каналами связи и языковым общением кажется по меньшей мере рискованным. Кроме того, при определении количества доказательств, необходимых для установления каждого промежуточного факта, а тем более всего предмета доказывания в конкретном уголовном деле, вообще, как нам кажется, нельзя прибегать к средним величинам. Поэтому никакие жесткие критерии (хотя и предназначенные, по мысли автора, для более или менее гибкого употребления) здесь неприемлемы. Нельзя забывать, что ценность различных доказательств (а значит, и степень их «ненадежности») далеко не равнозначна. В практике отнюдь не редко встречаются случаи, когда и одно доказательство вследствие своей неповторимости и наглядности бывает настолько убедительным, что заставляет даже упорно запиравшегося обвиняемого поверить в то, что следователь нашел истину. С другой стороны, и обширная совокупность косвенных доказательств бывает иногда настолько «слабой», что не дает оснований для достоверного вывода даже об отдельном промежуточном факте.

На современном уровне науки, когда отсутствуют надежные способы определения количества информации, заключенной в каждом косвенном доказательстве, и точного количественного выражения степени надежности и вероятности каждого доказательства, количественные критерии, подобные предложенному О. Г. Гвахария, в доказывании неприменимы.

Современная криминалистика усиленно изучает возможности использования в доказывании методов теории вероятностей и математической статистики. Применению математических методов в доказывании посвящаются не только отдельные статьи по частным вопросам, но и монографические исследования. В настоящее время вероятностно-статистический метод, связанный с использованием математического аппарата теории вероятностей, начинает играть все большую роль в производстве идентификационных экспертиз, открывая возможности для объективной оценки значимости идентификационных признаков объектов. Что касается применения этого метода в доказывании вообще и в частности при оценке косвенных доказательств, то такие возможности изучены пока еще недостаточно и находятся на уровне гипотезы.

Применение вероятностно-статистических методов для оценки достоверности выводов из системы косвенных доказательств, аналогичное их применению в идентификационных исследованиях, не представляется делом даже относительно близкого будущего.

В каждом случае оценки системы косвенных доказательств следователь и суд имеют дело не с массой однородных явлений, случайных по своему значению (это и есть предмет теории вероятностей), а с уникальным, единственным в своей неповторимости событием, конкретные признаки которого, отразившиеся в доказательствах, образуют также индивидуальный, в принципе неповторимый комплекс. В этом комплексе могут фигурировать не только типичные для данного вида преступлений доказательства, частота встречаемости которых может получить количественную оценку вероятностно-статистическими методами, но и доказательства «атипичные», сугубо индивидуальные по своему характеру, ценность которых не только нельзя определить количественно, но даже и предвидеть. Можно говорить о том, какой удельный вес могут иметь эти доказательства в системе, но их наличие всегда будет вносить в конечные выводы некоторый элемент неопределенности.

Таким образом, предположения о возможности количественной оценки достоверности выводов из системы косвенных доказательств представляются, по крайней мере в настоящее время, чрезмерно оптимистичными. Тем не менее критерий для такой оценки в распоряжении следователя и суда имеется. Им является практика, понимаемая и как те конкретные процессуальные действия, которые составляют содержание самого доказывания, и как личная практика следователя и судей, и как общественная практика, преломляющаяся в доказывании через закон и социалистическое правосознание, а также опытные положения, выработанные в различных отраслях науки и техники.

Мы не считаем правильной точку зрения тех ученых, которые полагают, что «критерием истинности выводов суда относительно установленного им имевшего место в прошлом деянии является практика в виде всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств единичного случая»[63]. Критерий истинности выводов из системы доказательств по делу нельзя искать только в рамках самой системы хотя бы потому, что на основании

этого критерия должен быть сделан вывод о достаточности доказательств как внутри каждой частной системы, так и в общей системе доказательств по делу.

При оценке достаточности доказательств особое значение приобретает учет условий места и времени. Без этого правильно оценить достаточность доказательств для вывода о наличии промежуточного факта трудно, а иногда и невозможно. Так, показания свидетеля о том, что на месте кражи в момент ее совершения он видел «Москвич» вишневого цвета, конечно, вызывают подозрение против владельца этого автомобиля, однако основанием для такого подозрения служит крайне незначительная степень вероятности: «Москвичей» этого цвета вообще очень много, их может быть несколько в данном населенном пункте. Результаты осмотра и заключения эксперта о наличии дефекта протектора правого заднего колеса исследуемого автомобиля и совпадении этого дефекта по локализации и размерам с отраженным в следах на месте происшествия сами по себе тоже лишь с вероятностью подтверждают факт использования данного автомобиля при краже, но в связи с первым доказательством степень этой вероятности значительно повышается. Обнаружение на сиденьях данного автомобиля микрочастиц волокон тканей, сходных, по заключению эксперта, с волокнами тканей, похищенных во время расследуемой кражи, если его рассматривать изолированно, также представляет лишь вероятность: не исключено, что где-то и в другое время этот автомобиль использовался для перевозки аналогичных тканей вне связи с преступлением. Взятые же вместе, в связи друг с другом, эти доказательства образуют частную систему, достоверно устанавливающую факт использования данного автомобиля при совершении кражи.

Почему такой совокупности достаточно для установления данного факта? Потому что совпадение всех названных признаков у одного автомобиля, который в данное время находился в данном месте, уже нельзя объяснить случайностью.

Однако весь этот комплекс доказательств образует лишь одну частную систему, и формирование этой системы является лишь первым этапом доказывания. Накопление количества и силы косвенных доказательств осуществляется и на втором его этапе, и происходит оно аналогичным образом. Фигурирующие здесь промежуточ-

ные факты, хотя они и установлены достоверно, взятые сами по себе, означают лишь вероятность их связи с предметом доказывания: из того, что автомобиль в приведенном выше примере использовался при краже, вовсе не вытекает с необходимостью, что его владелец совершил данную кражу или принимал в ней участие. Но когда к этому промежуточному факту добавляется следующий — у подозреваемого оказались ткани, сходные с похищенными, что было установлено другой частной системой косвенных доказательств, — степень вероятности предположения резко возрастает. Если в общей системе к этим двум фактам присоединится третий (факт пребывания подозреваемого в помещении, откуда произведена кража), четвертый (неожиданное появление у него крупной суммы денег) и т. д., то возможность случайного образования подобного комплекса промежуточных фактов очень быстро сведется к нулю. Связь фактов между собой, усиливая значение каждого из них, вместе с тем укрепляет надежность и тех частных систем, которыми они установлены.

Благодаря наличию объективной связи между всеми промежуточными фактами и связи всех их с предметом доказывания система приобретает свойство однозначности, доказательств становится достаточно для достоверных выводов о наличии предмета доказывания.

Следует, однако, постоянно помнить, что критерием определения достаточности доказательств выступает внутреннее убеждение субъектов доказывания, а их опыт, характер и объем знаний бывают существенно различными. Этими различиями обусловлен и различный подход к оценке достаточности доказательств, поскольку никто из субъектов доказывания «не имеет в своем распоряжении готовых формул, описывающих силу улик, а вырабатывает к ним собственное, личное отношение»[64].

Определение достаточности доказательств представляет установление пределов доказывания, под которыми в уголовном процессе обычно понимают такие границы исследования обстоятельств преступления, которые обеспечивают полное и достоверное установление всех обстоятельств, могущих иметь значение для дела. Практически определение пределов доказывания — это главным образом определение круга доказательственных фактов[65]. Однако, поскольку за каждым таким фактом стоит частная система косвенных доказательств с их ис-

точниками, они также должны охватываться понятием пределов доказывания. Таким образом, если предмет доказывания определяет конечную цель этого процесса, то пределами доказывания определяются средства и границы этой деятельности.

В связи с этим достаточность доказательств, как нам представляется, определяется следующими требованиями: 1) в каждой из частных систем должны быть доказательства, достоверно устанавливающие промежуточный факт; 2) промежуточных фактов должно быть достаточно для надежного установления каждого из элементов предмета доказывания, а тем самым и всей их совокупности; 3) все частные системы и устанавливаемые ими промежуточные факты должны образовать общую систему, отвечающую определенным требованиям (см. гл. IV).

С проблемой пределов доказывания и достаточности доказательств связан важный вопрос, поднятый в криминалистической литературе, посвященной косвенным доказательствам. М. П. Шаламов, рассматривая особенности доказывания при помощи улик, когда отсутствуют прямые доказательства, указывает и на такую: «Истина может считаться установленной и в том случае, если некоторые детали картины события преступления выяснены неполностью»[66].

Действительно, в практике встречаются случаи, когда событие преступления и все существенные его обстоятельства установлены достоверно, однако некоторые факты, несмотря на все усилия следователя и суда, установить не удалось. Особенно часто это встречается в делах о хищениях, совершенных должностными лицами, когда, например, при доказанности всех фактов хищений и суммы причиненного ущерба не удается (даже признаниями обвиняемых) точно установить, в каких пропорциях соучастники разделили между собой похищенное. Иногда не удается установить, куда и как сбывались похищенные ценности.

Такую неполноту судебная практика не считает существенной. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя 18 апреля 1973 г. определение суда первой инстанции о возвращении дела В., А. и К. на дополнительное расследование из-за неполноты выяснения его обстоятельств, указала, что не

может быть признано достаточным основанием для направления дела на дополнительное расследование неустановление следственными органами лиц, которым В. сбывал похищенные детали, и необходимо учитывать, что само по себе неустановление лиц, приобретающих похищенное, не имеет значения для юридической оценки действий виновных при доказанности самого факта совершения хищений.

В этом определении прежде всего обращает на себя внимание последняя фраза: неустановление факта не признано существенным потому, что факт не имеет материально-правового значения и, следовательно, не является составной частью предмета доказывания. Такие «пробелы» в доказывании могут иметь место.

Что же касается отдельных элементов предмета доказывания, то при решении вопроса, допустимы ли какие-то «пробелы» в доказывании этих обстоятельств и если да, то в какой мере, необходимо иметь в виду следующее. В структуре предмета доказывания, как нам представляется, нет ни одного элемента, который в принципе не мог бы быть установлен одними лишь косвенными доказательствами. Поэтому утверждения, что подобные «пробелы» в доказывании уликами — явление нормальное и чуть ли не неизбежное, кажутся несколько преувеличенными.

Все обстоятельства, в возможности установления которых уликами высказываются сомнения, могут относиться только к объективной стороне преступления. Его объект, субъект и субъективная сторона должны быть установлены исчерпывающим образом. Действительно, в установлении отдельных обстоятельств объективной стороны преступления косвенными доказательствами встречаются серьезные трудности и гносеологического, и, главным образом, практического характера. Картину преступления во всех ее мельчайших подробностях столь же ярко и цельно, как это может сделать очевидец преступления, одними только косвенными доказательствами восстановить обычно не удается. Но с точки зрения задач уголовного судопроизводства этого и не требуется: пределы доказывания ограничиваются необходимостью установить только те фактические обстоятельства, которые входят в предмет доказывания, и только с такой полнотой и глубиной, какая необходима для исчерпыва-

ющего определения их юридического значения. С этих позиций для решения всех правовых вопросов по делу об убийстве не будет иметь значения, например, сидели или стояли потерпевший и убийца, оказывал ли потерпевший какое-то сопротивление убийце и т. п. Поэтому, если доказаны факт убийства, способ его совершения, виновность обвиняемого, мотивы преступления и другие имеющие материально-правовое значение обстоятельства, указанными деталями вообще можно пренебречь — все вопросы дела могут быть правильно разрешены и без их выяснения.

Однако эти обстоятельства могут иметь процессуальное значение: они могут служить уликами фактов, имеющих юридическое значение и входящих в предмет доказывания. Так, следы борьбы, оставшиеся на подозреваемом или оставленные им в результате этой борьбы на месте преступления (например, зажатый в руке убитого клок волос или пуговица от одежды убийцы и т. п.), могут быть косвенными доказательствами причастности обвиняемого к преступлению или способа его совершения. В этом плане выявление указанных обстоятельств полезно и важно, но не безусловно необходимо, если причастность обвиняемого к преступлению и способ его совершения достоверно установлены другими доказательствами. Поэтому неустановление подобных обстоятельств не может считаться органическим пороком доказывания.

Необходимо также иметь в виду, что закон не определяет степень точности, с какой должны быть установлены отдельные обстоятельства объективной стороны, в частности такие, как время и место совершения преступления. Это зависит от характера преступления, конкретных условий его совершения, а также уголовно-правового, процессуального и криминалистического значения этих обстоятельств в том или ином деле. Например, при расследовании преступления, совершенного обвиняемым в день своего совершеннолетия, время этого преступления приходится зачастую устанавливать с точностью до часов и даже минут[67]. В других случаях подобная точность не требуется, и время совершения преступления может определяться более или менее продолжительным периодом (например, в большинстве дел о должностных, хозяйственных и т. п. преступлениях). Еще меньшая точность требуется в определении места совершения прес-

тупления, если иметь в виду только его материально-правовое значение.

Однако указанные факторы имеют также процессуальное и криминалистическое значение. Нередко от точного установления времени и места преступления зависит решение вопроса о причастности того или иного лица к его совершению. В таких случаях, имея в виду значение хронологических и пространственных связей в доказывании, приходится устанавливать время и место совершения преступления с максимальной точностью.

Изложенными соображениями и определяется возможность «пробелов» в доказывании с помощью улик. Такие «пробелы» допустимы только тогда, когда они относятся к обстоятельствам, не имеющим непосредственного материально-правового значения и потому не входящим в предмет доказывания. Речь, действительно, может идти лишь о «некоторых деталях картины события преступления», как об этом пишет М. П. Шаламов, а не о существенных его обстоятельствах. Что же касается последних, то они всегда должны быть установлены исчерпывающим образом, тем более что никаких принципиальных гносеологических препятствий к этому нет.

Дело в том, что возможность установления фактических обстоятельств дела косвенными доказательствами трактуется иногда слишком узко из-за недооценки роли и значения их связей, а следовательно, и интегративных качеств их системы. Если же учесть эти связи, их взаимное влияние и взаимную зависимость, то станет ясно, что гносеологических препятствий к установлению всех без исключения обстоятельств предмета доказывания косвенными доказательствами нет. Речь идет о том, что иногда однозначные выводы из той или иной совокупности косвенных доказательств трактуются как предположения. Нам кажется, что когда речь идет о наличии таких необходимых однозначных связей, можно и нужно говорить не о предположениях. Вывод, сделанный из достоверно установленных обстоятельств, объективно связанных с предметом доказывания, лишь внешне выглядит как предположение. На самом деле это логический вывод из достоверно установленных фактов, и вывод этот имеет характер достоверности, так как он основан, во-первых, на фактах, а во-вторых, на научных положениях теории косвенных доказательств, учитывающей объ-

ективный характер их связи как с предметом доказывания, так и с другими доказательствами.

Онтологические связи доказательств в мышлении отражаются логическими связями. Знание форм этих связей и умелое их использование всегда дают возможность сделать достоверные логические выводы о любых фактах предмета доказывания.

Установление истины с помощью косвенных доказательств можно уподобить постепенному, по штрихам и буквам, выявлению неизвестного и невидимого текста. Выявив сначала одну букву, например «п», мы можем предполагать чрезвычайно большое множество слов, в которых эта буква встречается. Проявив следующую букву — «о», мы несколько сокращаем количество возможных слов, но оно все еще остается неопределенно большим. Третья буква — «д» — существенно сужает круг вероятных слов, но нужной определенности еще не вносит — это может быть и «подмена», и «подкуп» и т. д. Следующая буква — «ж» — уже резко ограничивает число вероятных слов, а выявленное вслед за этим «о» практически вносит полную ясность — «поджог», последняя буква лишь завершает процесс.

С точки зрения теории информации, каждая буква несет определенное количество информации. По мере ее накопления энтропия убывает, сначала медленно, а затем резко, иногда скачком. При этом имеет значение не только смысл знаков, но и место их в совокупности (например, первое «о» заключает в себе меньше информации, чем второе, которое фактически «ставит точку» в расшифровке). Не все знаки равноценны по своему значению. Оно определяется их связью с остальными, сочетанием с ними — местом в слове.

Аналогично обстоит дело и с уликами: первые еще не выявляют картины, зато каждая последующая резко прибавляет количество информации. Как и буквы, улики неравноценны по значению, важны и их смысл, и частота встречаемости. Как и в словах, чрезвычайно важно место улики в «контексте», в системе доказательств. Вот почему представляется столь важной систематизация косвенных доказательств по их функциональному признаку.

Конечно, в уголовных делах все обстоит не так просто: задача «восстановления» картины преступления несравненно сложнее, она затрудняется множеством привхо-

дящих факторов. Однако и она облегчается тем, что выявлению подлежит не отдельное слово, а целая фраза, имеющая определенное смысловое значение (такой «фразой» и является предмет доказывания), и возможные варианты значения этой «фразы» известны. Иными словами, раскрытию помогает наличие объективной связи между отдельными элементами внутри самого предмета доказывания, что помогает быстро расставить доказательства по их местам в системе.

Такая аналогия представляется оправданной потому, что она, как нам кажется, достаточно наглядно демонстрирует содержательный характер оценки доказательств и недопустимость каких бы то ни было формальных (в том числе и количественных) критериев этой деятельности, в чем, по нашему мнению, и заключается существо оценки доказательств по внутреннему убеждению следователя, прокурора и суда.

Примечания

К главе I

[1] Так определяют доказывание (с незначительными различиями, не имеющими принципиального значения) большинство советских процессуалистов. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., Юрид. лит., 1973, с. 298; Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., ВЮЗИ, 1966, с. 26; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., Наука, 1968, с. 295; Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе.— В кн.: Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967, с. 433—434; Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1967, с. 5; Зеликсон Э. С. О доказывании в советском уголовном процессе.— Ученые труды Казахского университета, т. 10. Серия юридическая. Вып. 10, ч. 1. Алма-Ата, 1970, с. 194; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., Госюриздат, 1960, с. 78—90; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 14, и др.

[2] См., например: Трусов А. И. Указ. соч., с. 30—32; Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 9, и др.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

[4] Здесь, как и в дальнейшем изложении, при ссылках на статьи УПК РСФСР (УК РСФСР) имеются в виду и соответствующие статьи УПК (УК) других союзных республик.

[5] В дальнейшем этот акт именуется: Основы.

[6] См.: Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— В сб.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., Госюриздат, 1959, с. 145—149; Чельцов М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма.— Указ. сборник, с. 82; Гусев Л. Н. Об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., Госюриздат, 1959, с. 15; Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, с. 23—24, и др.

[7] См.: Логика научного исследования. М., Наука, 1965, с. 46; Теория познания и современная наука. М., Мысль, 1967, с. 207—208.

[8] См.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., Наука, 1966, с. 56—59; Медведев Н. Н. Теоретические проблемы расследования. Учебное пособие. Краснодар, 1977, с. 87; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., Юрид. лит., 1973, с. 67.

[9] См.: БСЭ, изд. 2-е, т. 44, с. 506; Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., Наука, 1975, с. 635.

[10] На это правильно указал В. Я. Дорохов (см.: Сов. государство и право, 1964, № 9, с. 110). Полагая необходимым избегать всякой двусмысленности в употреблении научных терминов, мы будем впредь применять термин «факт» в этом и только в этом значении.

[11] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 288—289; Лукашевич В. З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе.— Правоведение, 1963, № 1, с. 118.

[12] Подробная и весьма аргументированная критика этих взглядов содержится в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (с. 217—225).

[13] См.: Михайловская И., Петрухин И. Некоторые вопросы теории судебных доказательств.— Сов. юстиция, 1964, № 15, с. 5—6; Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе.— Сов. государство и право, 1964, № 9, с. 115; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 207; Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., Госюриздат, 1959, с. 6—22; Притузова В. А. Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе. М., Госюриздат, 1959, с. 11; Винберг А. И., Кочаров Г. И., Миньковский Г. М. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в советском уголовном процессе.— Соц. законность, 1963, № 3 с. 19—27; Ривлин А. Л., Альперт С. А., Бажанов М. И. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве.— Соц. законность, 1963, № 9, с. 40—41; Тетерин Б. С. О способах собирания доказательств в уголовном процессе.— Правоведение, 1964, № 2, с. 67—68; Эйсман А. А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1966, с. 28; Советский уголовный процесс. Под ред. Д. С. Карева. М., Высшая школа, 1968, с. 98—100; Уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., Юрид. лит., 1969, с. 225—226, и др.

[14] В своей кандидатской диссертации (Косвенные доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Краснодар, 1964) и некоторых ранее опубликованных работах автор считал доказательствами факты объективной действительности. Изложенные выше соображения привели его к выводу об ошибочности этой точки зрения.

[15] На это обратил внимание В. Я. Колдин (см.: Уровни уголовно-процессуального доказывания.— Сов. государство и право, 1974, № 11, с. 87).

[16] См.: Дорохов В. Я. Указ. соч., с. 117; Кудин Ф. М. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Дис. канд. юр. наук. Свердловск, 1966, с. 62; Колдин В. Я. Указ. соч., с. 88.

Представляет интерес позиция Ю. К. Орлова, выделяющего два пути доказывания: информационный и логический, а соответственно и два понятия судебного доказательства — единство сведений о фактах и их источников (информационное доказывание) и факты (промежуточные, доказательственные), служащие в качестве посылок при получении и обосновании выводного знания в логическом доказывании (см.: Орлов Ю. К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства.— Вопросы борьбы с преступностью, вып. 28. М., 1978, с. 96—98).

Он правильно указывает, что промежуточные факты в процессе получения выводного знания используются именно как факты-посылки, а не как сведения о них.

[17] Именно в этом смысле употребляют понятие улики М. М. Гродзинский (Улики в советском уголовном процессе. Ученые труды ВИЮН, вып. VII. М., 1944, с. 76—79) и М. П. Шаламов (Теория улик. М., Госюриздат, 1960, с. 28), хотя они и пользуются этим понятием как синонимом термина «косвенное доказательство».

[18] Мы полагаем, что термин «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу», используемый законодателем, равнозначен термину «предмет доказывания», принятому в теории уголовного процесса.

[19] Эта точка зрения не является общепризнанной в советской процессуальной науке. Некоторые ученые считают необходимым включить в предмет доказывания и доказательственные (промежуточные) факты, с помощью которых устанавливаются перечисленные в ст. 15 Основ юридически значимые обстоятельства. Аргументируется это тем, что факты, являющиеся доказательственными, сами должны быть достоверно установлены, доказаны (см.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., изд-во АН СССР, 1955, с. 280; Он же. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 366—367; Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе, с. 463; Трусов А. И. Указ. соч., с. 74; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., изд-во ЛГУ, 1971, с. 81—82; Ривлин А., Альперт С., Бажанов М. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве.— Соц. законность, 1963, № 9, с. 41; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 80—82; Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 52—55). Последнее не вызывает сомнения и не оспаривается никем из советских процессуалистов. Тем не менее это не может служить основанием для включения промежуточных фактов в предмет доказывания.

[20] В литературе высказан взгляд, согласно которому «факт» и «обстоятельство» — разные понятия (см.: Иванов О. В. Объективная истина в советском гражданском процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1964, с. 8; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 49—50). Мы употребляем эти термины для обозначения реальных явлений объективной действительности, поскольку не видим оснований для их разграничения в гносеологическом плане.

[21] См.: Банин В. А. Гносеологическая и правовая природа предмета доказывания в советском уголовном процессе. Учебное пособие, вып. I. Уфа, 1975, с. 36.

[22] См.: Шаламов М. П. Теория улик, с. 14—16. В. Д. Арсеньев правильно указывает, что смешение обстоятельств, подлежащих доказыванию, с промежуточными фактами на практике иногда приводит к неправильному составлению процессуальных документов, в которых изложение искомых фактов, инкриминируемых обвиняемому, смешивается с доказательственными фактами, и в результате обвинение теряет четкие границы, а доказательственный материал излагается с пробелами» (Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., Юрид. лит., 1964, с. 24).

[23] Алексеев Н. С. Указ. соч., с. 462.

[24] См.: Эйсман А. А. Структура и язык описания предмета доказывания. — Вопросы борьбы с преступностью, вып. 19. М., 1973, с. 93—94; Банин В. А. Указ. соч., с. 14, 53.

[25] Ривлин А., Альперт С., Бажанов М. Указ. соч., с. 40. См. также: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств, с. 20. В. Д. Арсеньев включает в «главный факт» все фактические обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ (Вопросы общей теории судебных доказательств, с. 21).

[26] Алексеев Н. С. Указ. соч., с. 455, 453.

[27] Шаламов М. П. Теория улик, с. 14.

[28] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 363—369.

[29] См.: Рахунов Р. Прямые и косвенные доказательства. — Соц. законность, 1959, № 7, с. 19; Он же. О понятии доказательства и главном факте доказывания.—Сов. государство и право, 1965, № 12, с. 101; Михайловская И., Петрухин И. Некоторые вопросы теории судебных доказательств.— Сов. юстиция, 1964, № 15, с. 8.

[30] Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР, с. 154.

[31] См.: Гродзинский М. М. Некоторые проблемы теории косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, вып. 11. М., Юрид. лит., 1964, с. 7; см. также: Винберг А., Кочаров Г., Миньковский Г. Указ. соч., с. 21.

[32] Михайловская И. Б. Относимость доказательств в советском уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1958, № 12, с. 121.

[33] Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969, с. 52.

[34] Банин В. А. Указ. соч., с. 20.

[35] См.: Танасевич В. Г. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу. — В сб.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования, М., 1962, с. 38; Винберг А., Кочаров Г., Миньковский Г. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе. — Соц. законность, 1963, № 3, с. 21; Гродзинский М. М. Указ. соч., с. 7—8; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 183 — 185, и др.

[36] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 201.

Понятия «доказательственный факт» и «промежуточный факт» в теории доказательств употребляются обычно как идентичные.

[37] См.: Миньковский Г. М. К вопросу о понятии косвенных доказательств в советском уголовном процессе. — Ученые записки ВИЮН, вып. 4. М., 1955, с. 80; Винберг А., Рахунов Р. Косвенные улики в уголовном деле. М., Госюриздат, 1947, с. 5; Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1956, с. 7; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств, с. 58; Дорохов В. Я. Указ. соч., с. 116; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 376; Рахунов Р. Прямые и косвенные доказательства. — Соц. законность, 1959, № 7, с. 19; Он же. О понятии доказательства и главном факте доказывания. — Сов. государство и право, 1965, № 12, с. 101.

[38] Подробнее см. главу III.

[39] Зеликсон Э. С. Указ. соч., с. 222—223.

[40] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 384.

[41] См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник, с. 248.

[42] Михайловская И., Петрухин И. Указ. соч., с. 8. См. также: Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., Юрид. лит. 1964, с. 52.

[43] См.: Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, с. 155; Шаламов М. П. Теория улик, с. 27—28; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, с. 135—136; Гродзинский М. М. Некоторые проблемы теории косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, 1964, № 11, с. 8—9; Уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., Юрид лит., 1969, с. 114—115; Уголовный процесс. Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд. М., Юрид. лит., 1972, с. 171.

Очень образно выразил эту мысль дореволюционный русский юрист А. С. Жиряев: «Улики то и имеют в себе характеристического, что указывают собою на что-то другое, вне их находящееся; они знак, но не признак этого другого, они вывеска, а не составная часть его, и как содержимые на море бакены... не составляют верхней части подводных скал, так и отдельные обстоятельства, принадлежащие к ряду явлений или действий, из коих слагается данное преступление, не могут быть названы его уликами» (Жиряев А. Теория улик. Дерпт. 1955, с. 86).

[44] Подобные суждения высказывал М. Л. Шифман в рецензии на книгу М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (Сов. государство и право, 1956, № 4, с. 139).

[45] См.: Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе, с. 79; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств, с. 128.

[46] См.: Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии, с. 147—148.

[47] Это соответствует значению слова «косвенный» — «действующий или проявляющийся не прямо, а через посредство чего-либо» (Словарь русского языка, т. II. М., изд-во АН СССР, 1958, с. 144).

[48] Познышев С. В. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929, с. 39. В более поздней своей работе, специально посвященной косвенным доказательствам, С. В. Познышев, не формулируя эту точку зрения с такой категоричностью, тем не менее последовательно проводил взгляд на косвенные доказательства только как на вспомогательные по отношению к прямым (Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений. — Ученые записки ВИЮН, вып. II. М., 1941, с. 239 — 240, 243 — 244).

[49] Польский криминалист Б. Голыст не без оснований пишет: «Степень связи любого доказательственного материала с главным фактом, особенно в случаях убийств, не может быть столь абсолютно прямой, чтобы не оставалось места для необходимости логического умозаключения. Даже показание свидетеля-очевидца, констатирующего факт выстрела, позволяет сделать лишь косвенное заключение, требующее проверки достоверности с помощью заключения медицинского эксперта, что смерть наступила в результате огнестрельных ран» (Holyst B. Czynniki sprzyjajace efektiwnosci sledztwa. Zarys problematiki. — Nowe Prawo, 1973, № 2, s. 211).

[50] Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе, с. 78. См. также: Якубович Н. А. Познание в предварительном расследовании преступлений.— Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 106—108; Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуально-

го доказывания. — Сов. государство и право, 1974, № 11, с. 86—91. «Несколько уровней познания сущности тех явлений, которые образуют преступное деяние», выделяет и И. М. Лузгин (Методологические проблемы расследования, с. 27—29).

[51] Разумеется, обстоятельства данного преступления (как и в любом другом случае) были установлены не только приведенными доказательствами. Так, время и место кражи, характер, количество и стоимость похищенных вещей и ряд других обстоятельств в данном примере не рассматриваются, ибо нас интересует структура процесса доказывания, а не количество использованных доказательств.

[52] См.: Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания. — Сов. государство и право, 1974, № 11, с. 87.

К главе II

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 544, 546.

[2] См.: Новинский И. И. Понятие связи в марксистской философии. М., Высшая школа, 1961, с. 108—109.

[3] «Связь — специфическое отношение, при котором наличие (отсутствие) или изменение одних объектов есть условие наличия (отсутствия) или изменения других объектов» (Философская энциклопедия, т. 5. М.; Советская энциклопедия, 1970, с. 570). См. также: Шептулин А. П. Категории диалектики. М., Высшая школа, 1971, с 154; Чусовитин А. Г. Взаимодействие — категория материалистической диалектики. Барнаул, 1973, с. 53; Налетов И. З. Категория связи в естественнонаучном познании. Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1971, с. 5; Бушуева Н. А. Принцип всеобщей взаимосвязи в диалектическом материализме. Автореф. дис. канд. филос. наук. Л., 1975, с. 1. Сорокин Л. Е. Взаимодействие как категория материалистической диалектики. Автореф. дис. канд. филос. наук, М., 1969, с. 7; Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 50.

[4] Это признают многие исследователи. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 273—274; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., Юрид. лит., 1969, с. 6—7; Курылев С. В. Указ. соч., с. 138—139.

[5] Первым приступил к подробному освещению этой проблемы А. А. Эйсман. См.: О формах связи косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, № 11. М., 1964; О некоторых логических системах связи косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, № 12. М., 1964; Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., Юрид. лит., 1967; Логика доказывания. М., Юрид. лит., 1971; Структурный анализ и моделирование судебных доказательств. — В кн.: Правовая кибернетика. М., Наука, 1970.

[6] См.: Новинский И. И. Указ. соч., с. 100—189; Проблемы методологии системного исследования. М., Мысль, 1970, с. 43—45.

[7] «Нельзя применять философские категории и принципы (законы) к отдельному явлению, минуя особенное — понятия и законы специальной науки, изучающей данный класс явлений. Противоположное как раз характерно для натурфилософского метафизического стиля мышления» (Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., Наука, 1972, с. 43).

[8] При этом не следует упускать из виду, что каждый факт, сведения о котором выступают в качестве доказательства по уголовному делу, связан с множеством других фактов и явлений. Принципиальное значение в этом отношении имеет указание В. И. Ленина: «...отношения каждой вещи (явления etc.) не только многоразличны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 203).

[9] Следует заметить, что термины «доказательство», «доказательственный факт», «промежуточный факт» и т. п. употребляются не всегда строго и однозначно. Так, в частности, принято говорить и писать о связи косвенных доказательств с предметом доказывания и между собой. При этом не следует забывать, что в объективной связи с элементами предмета доказывания находятся не источники, а фактические данные, являющиеся содержанием доказательства. Поэтому мы условно используем выражение «связь косвенных доказательств», имея при этом в виду, как сказано выше, связь фактических данных между собой и с элементами предмета доказывания.

[10] См.: Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств, с. 18; Курылев С. В. Указ. соч, с. 147—148.

[11] См.: Новинский И. И. Указ. соч., с. 144; Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств, с. 15.

[12] Эйсман А. А. Указ. соч., с. 15.

[13] Шаламов М. П. Указ. соч., с. 85.

[14] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 385. См. также: Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Указ. соч., с. 50, и др.

[15] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546—547; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 144, 203.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 160.

[17] Лишь в 60-е годы появились работы, в которых наряду с причинной рассматриваются и другие формы объективных связей косвенных доказательств. (См.: Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, № 11. М., 1964, с. 12—30; Он же. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, № 12. М., 1964, с. 50—69; Хмыров А. А. О понятии косвенных доказательств и их значении в расследовании преступлений. — Правоведение, 1964, № 4, с. 97—106; Он же. Косвенные доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Дис. канд. юр. наук. Краснодар, 1964, с. 60—89).

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

[19] А. А. Эйсман к генетическим связям относит также взаимодействие (взаимное причинение) и взаимообусловленность. Однако эти формы, как считает и сам автор, являются сложными формами причинной связи и обусловленности (см.: Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств, с. 21).

[20] См.: Философский словарь. М., Политиздат, 1975, с. 329—330.

[21] См.: Фурман А. Е. Материалистическая диалектика (основные категории и законы). М., 1969, с. 108; Воробьев Л. В., Каганов В. М., Фурман А. Е. Указ. соч., с. 49.

[22] «В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются» (Философский словарь, с. 425).

[23] См.: Шаламов М. П. Теория улик, с. 83.

[24] Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967, с. 231.

[25] Категории материалистической диалектики. Под ред. М. Розенталя и Г. Штракса. М., Госполитиздат, 1956, с. 99.

[26] «Случайными те или иные явления считаются не потому, что они не вытекают с необходимостью из своих причин, а потому, что они порождаются случайными причинами» (Шептулин А. П. Указ. соч., с. 234).

[27] См.: Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. — Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., Госюриздат, 1955, с. 19—21.

[28] См.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, с. 351 — 355; Он же. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 385—386; Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе, с. 78—79; Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, с. 35; Шаламов М. П. Теория улик, с. 19; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств, с. 63—64; Михайловская И. Б. Относимость доказательств в советском уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1958, № 12, с. 121; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., Юрид. лит., 1969, с. 62—63.

[29] См.: Шаламов М. П. Указ. соч., с. 19; Михайловская И. Б. Указ. соч., с. 121.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

[31] См.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е, т. 45, с. 657; Философский словарь, с. 447.

[32] А. А. Эйсман называет такую связь, лежащую в основе отождествления, объемной связью (см.: Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., Юрид. лит., 1967, с. 27).

[33] См.: Якубович Н. А. Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств, с. 104—106.

[34] См., например: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 1, с. 10; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1975, № 4, с. 5, и др.

[35] См.: Якубович Н. А. Указ. соч., с. 106—107.

[36] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 8.

[37] См.: Аринушкин Г., Шляхов А. Разработка и внедрение новых методов судебной экспертизы. — Соц. законность, 1976, № 9, с. 29.

[38] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 114, 246.

[39] Словарь русского языка в четырех томах. Том IV. М., 1961, с. 273.

[40] Мещеряков В. Т. Соответствие как отношение и принцип. Л., Наука, 1975, с. 28.

[41] Обычно этим термином обозначали раздел математической статистики и теории вероятностей, изучающий вероятностную или статистическую зависимость, которая, в отличие от функциональной, возникает тогда, когда один из факторов зависит не только от данного второго, но и от ряда случайных факторов (Большая Советская Энциклопедия, т. 13, изд. 3-е. М., 1973, с. 211).

[42] См., например: Петелин Б. Я. О доказывании мотива и цели преступления. — Сов. государство и право, 1970, № 11, с. 114; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 41; Кучеров И. Д. Функции различий в практическом познании. Минск, 1972, с. 284 — 285.

[43] Самойлов Л. Н. Природа и познавательное значение корреляционных связей (на материалах географии). Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1966, с. 11.

[44] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 6, с. 6.

[45] См.: Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств, с. 17; Он же. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование, с. 8.

[46] См.: Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств, с. 26—27; Он же. Заключение эксперта, с. 8, 26—28. См. также: Кучеров И. Д. Соотношение тождества и различия (на материалах криминалистики). Минск, 1968, с. 49; Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 98 — 106; Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., Юрид. лит., 1978, с. 69 — 70.

[47] И. Д. Кучеров определяет субстанциональную связь несколько иначе — как «отношение между объектами со стороны основных свойств их материального субстрата» (указ. соч., с. 49).

Эта формулировка не представляется удачной: она определяет скорее соответствие, в основе которого лежит связь свойства объекта с самим объектом. Именно эта последняя связь и является субстанциональной.

[48] См.: Эйсман А. А. Заключение эксперта, с. 29 — 30.

[49] См.: Эйсман А. А. Заключение эксперта, с. 53.

Вызывает возражение точка зрения И. Д. Кучерова, определяющего эту связь как «отношение между причинно обусловленными процессами, в результате которых один объект изменяет свои свойства» (указ. соч., с. 49). Определяющим признаком всякой связи является изменение одного из связанных объектов под воздействием другого. В такой трактовке связь преобразования практически не отличается от причинно-следственной.

[50] Обстоятельный и весьма интересный в этом отношении анализ современного состояния и перспектив развития криминалистической техники содержится в работах Н. А. Селиванова: Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития. — Вопросы криминалистики, вып. 5, 6 — 7. М., Юрид. лит., 1962; Вещественные доказательства. М., Юрид. лит., 1971.

[51] См.: Якубович Н. А. Указ. соч., с. 109—114; Она же. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1977, с. 8.

[52] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

[53] Шаламов М. П. Указ. соч., с. 90.

[54] См.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 14 — 15.

[55] Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе, с. 434.

Разделяя этот взгляд Н. С. Алексеева, мы не можем, однако, согласиться с его предложением считать определение возможных доказательств первоначальным этапом процесса доказывания, так как полагаем, что этот процесс включает в себя только процессуальные действия. Определение возможных доказательств является важной тактической предпосылкой, но не составной его частью.

[56] Эйсман А. А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1965, с. 11.

Поскольку в обоснование выводов о наличии связи входят не только законы и закономерности, но и приблизительные научные обобще-

ния, выводы нередко носят проблематичный, вероятный характер. В связи с этим некоторые советские криминалисты обоснованно обращают внимание на ту роль, которую при формировании таких выводов играют статистические закономерности и вероятностные оценки. Отмечается, что статистические закономерности представляют собой своеобразную форму проявления причинной связи события с определенными условиями, и указывается, что не только математический, но и логический аппарат теории вероятностей все более широко и плодотворно используется для анализа и обобщения логической структуры всякого исследования (см.: Эйсман А. А. Заключение эксперта, с. 120; Пошкявичус В. А. Применение математических средств при собирании, исследовании и оценке доказательств. Автореф. дис. канд. юр. наук. Л., 1968, с 10).

[57] Подробнее см.: Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.—Л., 1947; Васильев Л. М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 1977.

[58] См.: Эйсман А. А. Логика доказывания, с. 19—20, 26; Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., Юрид. лит., 1977, с. 72.

[59] См.: Васильев А. Н. Следственная тактика. М., Юрид. лит., 1976, с. 45 — 52.

[60] См.: Шаламов М. П. Указ. соч., с. 93—95.

[61] См.: Мельникова Э. Б. Участие специалистов в следственных действиях. М., Юрид. лит., 1964, с. 34—39: Махов В. Н. Участие специалистов в следственных действиях. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1972.

К главе III

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 565.

[2] Эти виды классификации широко обсуждались на страницах научной печати, и мы не будем подробно останавливаться на них. Напротив, один из видов классификации — по отношению к элементам предмета доказывания, которому автор придает особенное значение, будет рассмотрен подробно. Вопрос о делении доказательств на прямые и косвенные подробно исследован выше.

[3] См.: Алексеев Е., Божьев В. Обсуждение спорных вопросов теории доказательств в уголовном процессе. — Соц. законность, 1965, с. 96; Зеликсон Э. С. Классификация доказательств в советском уголовном процессе. — Ученые труды Казахского государственного университета, т. 8, серия юридическая, вып. 8. Алма-Ата, 1967, с. 218; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 257; Уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., Юрид. лит., 1969, с. 110 — 119.

[4] См.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, с. 311; Выдря М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1955, с. 19 — 32.

[5] Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 259.

[6] См.: Зеликсон Э. С. Указ. соч., с. 218.

[7] Так, авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» предлагают, например, деление вещественных доказательств на виды в зависимости от характера связи предмета с событием прес-

тупления (с. 257); по ряду признаков классифицирует вещественные доказательства Н. А. Селиванов (Вещественные доказательства, с. 23 — 27); по иным основаниям классифицирует вещественные доказательства М. М. Выдря. (Указ. соч., с. 35).

[8] Р. Д. Рахунов считает из всех видов классификации наиболее важным деление доказательств на обвинительные и оправдательные (Некоторые вопросы доказательственного права в советском уголовном судопроизводстве. — В кн.: Важный этап в развитии советского уголовного права. Сборник трудов научной сессии ВИЮН. М., 1960, с. 85).

[9] См.: Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами. М., 1864, с. 36 — 90.

[10] Жиряев А. Теория улик, с. 43 — 44.

[11] См.: Шаламов М. П. Теория улик с. 42—43, 85, 90.

[12] См.: Евгеньев М. Е. Методика и техника расследования преступлений. Киев, 1940, с. 265 и след.

[13] Миньковский Г. М. К вопросу о понятии косвенных доказательств в советском уголовном процессе. — Ученые записки ВИЮН, вып. 4. М., Госюриздат, 1955, с. 107; Он же. Косвенные доказательства при расследовании преступлений в советском уголовном процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1954, с. 4.

[14] Гродзинский М. М. Указ. соч., с. 80.

[15] Н. А. Селивановым предложена классификация вещественных доказательств по этому признаку (см.: Вещественные доказательства, с. 24—25).

[16] А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и А. А. Эйсман называют «предметными» как прямые, так и косвенные доказательства, устанавливающие элементы предмета доказывания (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 279). Однако упоминание прямых доказательств здесь представляется излишним: они не могут не быть предметными.

[17] Об аналогичном делении косвенных доказательств в гражданском процессе говорит И. М. Резниченко, который различает «косвенные доказательства, являющиеся средствами установления искомых фактов», и «косвенные доказательства, являющиеся средствами усиления или ослабления других доказательств» (Оценка доказательств в советском гражданском процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1968, с. 4 — 5).

[18] Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 154.

[19] За основу нами взято описание, предложенное авторами «Теории доказательств в советском уголовном процессе» (с. 182 — 183), с незначительными дополнениями и изменениями.

[20] Авторы рассматриваемой схемы элементов предмета доказывания называют эти обстоятельства региональными признаками состава преступления в отличие от предыдущих—универсальных—признаков (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 161).

[21] Подробнее см.: Хмыров А. А. Расследование хищений государственного и общественного имущества. М., ВЮЗИ, 1970, с. 24—35.

[22] Такое разграничение этапов преступной деятельности было предложено нами применительно к расследованию хищений, совершаемых должностными лицами (см.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Канд. дисс. Краснодар, 1964, с .128; Он же. Расследование хищений государственного и общественного имущества, с. 13—14).

Аналогичная точка зрения была высказана и польским криминалистом Б. Голыстом, который, однако, выделяет не четыре, а шесть фаз преступного деяния: возникновение намерения; планирование; приготовление; совершение; обстоятельства, связанные со стремлением избежать уголовной ответственности, и реализация полученных или ожидаемых выгод от результатов совершения преступления (см.: Holyst B. Op. cit., s. 205).

Мы полагаем, что без ущерба для полноты системы три первых фазы (возникновение намерения, планирование и приготовление) можно объединить в один этап — подготовка к преступлению.

[23] См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., Госюриздат, 1963, с. 165.

[24] См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., Юрид. лит., 1972, с. 154—155.

[25] См.: например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 ноября 1972 г. по делу Данилова и Леонгарда. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 6, с. 26 — 27.

[26] См.: Курс советского уголовного права, т. II. М., Наука, 1970, с. 356—372.

[27] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924 — 1977. Часть 2. М., Известия, 1978, с. 73.

[28] См.: Курс советского уголовного права, т. II, с. 382—388.

[29-30] См.: Брайнин М. С. Уголовный закон и его применение. М., Юрид. лит., 1967, с. 170; Петрухин И. Л. Причины судебных ошибок. — Сов. государство и право, 1970, № 5, с. 102.

[31] Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. с. 279; Он же. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 391. Аналогичную точку зрения высказывал и М. М. Гродзинский (Улики в советском уголовном процессе, с. 101).

[32] Коршик М. Г., Ларин А. М., Степичев С. С. Доказательственное значение данных, характеризующих личность обвиняемого. — Сов. государство и право, 1966, № 6, с. 98. См. также: Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого (Понятие, предмет и методика изучения). Томск, 1978, с. 103.

[33] См.: Мотовиловкер Я. Доказательственное значение данных о личности обвиняемого. — Соц. законность, 1959, № 9, с. 33.

[34] См.: Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1962, с. 15.

Г. М. Резник считает подобные факты «уликами поведения», однако он правильно не признает за ними доказательственного значения (см.: Внутреннее убеждение при оценке доказательств, с. 109, 111).

[35] Ковалев А. И. Улики поведения и планирование следствия. — В сб.: Вопросы правоведения. Вып. 5. Новосибирск, 1970, с. 186.

[36] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 275.

[37] Мудьюгин Г. Н. Автореферат, с. 14.

[38] Г. Н. Мудьюгин различает три группы «улик поведения»: «1) действия обвиняемого, направленные на уклонение от грозящей ему ответственности, 2) проявление обвиняемым виновной осведомленности, т. е. знание им таких обстоятельств преступления, которые могли быть известны лишь виновному в его совершении, и 3) прочие

поступки и высказывания обвиняемого, косвенно свидетельствующие о сознании им своей виновности» (Автореферат, с. 14). А. Н. Васильев относит к числу «улик поведения» также «интерес к вопросу о том, кого вызывает следователь, о чем спрашивает и т. п., изменение образа жизни, желание уехать в другой город и др.» (Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 73).

[39] См.: например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 11 сентября 1973 г. по делу Гасанова (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 6, с. 20).

[40] См.: Мудьюгин Г. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого. — Соц. законность, 1961, № 6, с. 34.

В автореферате кандидатской диссертации Г. Н. Мудьюгин утверждает, что «по делам об убийстве «без трупа» обвинительные приговоры нередко полностью основываются на уликах поведения» (Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего, с. 15).

[41] См.: Дагель П. С., Михеев Р. И. Указ. соч., с. 120; Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве. — В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974, с. 28.

[42] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 8.

[43] Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972, с. 20; Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности.— Сов. государство и право, 1976, № 4, с. 74.

[44] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924 — 1973. М., 1974, с. 474.

[45] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1976, № 1, с. 5.

[46] См., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. по делу К. — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1976, № 1, с. 16 — 18.

[47] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 3, с. 32—33. См. также: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1976, № 4, с. 21—33.

[48] См.: Петелин Б. Я. О доказывании мотива и цели преступления. — Сов. государство и право, № 11, 1970, с. 111.

[49] См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 123; Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступления. М., Госюриздат, 1958, с. 8—9; Петелин Б. Я. Указ. соч., с. 113; Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975, с. 77.

[50] Котов Д. П. Указ. соч., с. 77.

[51] См. там же, с. 64.

[52] См., например: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972 гг. М., Юрид. лит., 1974, с. 62—63.

[53] Показательным в этом отношении является постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1973 г. по делу С. (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 1, с. 9—10).

[54] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 175.

[55] См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 329.

[56] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 178—179. Звирбуль В. К., Кудрявцев В. Н., Михайлов А. И., Рахунов Р. Д., Якубович Н. А. Выяснение причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., Юрид. лит., 1967, с. 7—16; Криминология. М.,

Юрид. лит., 1968, с. 144—149; Зеленецкий В. С. Предупреждение преступлений следователем. Харьков, 1975, с. 30, и др.

[57] См.: Жиряев А. Указ. соч., с. 46.

[58] А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и А. А. Эйсман называют последнюю группу доказательств оценочными (см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 278). Мы полагаем, что основное назначение этих доказательств — проверка предметных, и поэтому считаем более подходящим термин «контрольные».

[59] См., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1978, № 1, с. 7—8.

[60] Значение вспомогательных доказательств хорошо иллюстрирует определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 января 1978 г. по делу Алексоцкиса и Александравичюса. В этом деле Верховный Суд широко использовал вспомогательные доказательства для проверки прямых — показаний потерпевшей (См: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 3, с. 25—27).

К главе IV

[1] См.: Миньковский Г. М. К вопросу о понятии косвенных доказательств в советском уголовном процессе. — Ученые записки ВИЮН, вып. 4. М., 1955, с. 82; Шаламов М. П. Теория улик, с. 36; Мосесян Г. Об актуальных вопросах теории судебных доказательств в уголовном процессе.— Соц. законность, 1964, № 3, с. 47.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 548.

[4] Разумеется, все эти обстоятельства могут быть установлены и прямыми доказательствами, но, как справедливо заметил М. П. Шаламов, обычно прямыми доказательствами устанавливаются субъект и объективная сторона преступления (Теория улик, с. 37). Аналогичную точку зрения высказывал и С. А. Голунский (см.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР, с. 155—156).

[5] Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании.— Вопросы философии, 1973, № 6, с. 99.

[6] Берталанфи Л. История и статус общей теории систем.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник — 1973. М., Наука, 1973, с. 21.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

[8] См.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., Наука, 1974, с. 18; Уемов А. И. Методы построения и развития общей теории систем.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник — 1973, с. 148; Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М., Наука, 1972, с. 11; Берталанфи Л. Указ. соч., с. 29; Холл А. Д. и Фейджин Р. Е. Определение понятия системы. — В кн.: Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. М., Прогресс, 1969, с. 252; Блауберг И. А., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке.— В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., Мысль, 1970, с. 34, и др.

[9] См.: Тюхтин В. С. Указ. соч., с. 11.

[10] Садовский В. Н. Указ. соч., с. 83—84. См. также: Кузьмин В. П. Системное качество.— Вопросы философии, 1973, № 9, с. 81; Каск Л. И. Системный подход в познании государства и права.— Правоведение, 1977, № 4, с. 31.

[11] См., например: Ведин Ю. П., Лиепинь Э. К. Системный подход и познание самодвижения материи.— В кн.: Проблемы диалектики. Вып. VI. Л., 1976, с. 50—54; Юдин Э. Г. Методологическая природа системного подхода.— В кн.: Системные исследования. Ежегодник — 1973, с. 49, и др.

[12] См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 101.

[13-14] В. Я. Колдин правильно указывает, что промежуточные факты имеют как бы совокупный источник (см.: Сов. государство и право, 1974, № 11, с. 87).

[15] Такой ряд доказательств, в котором доказательство связано с промежуточным фактом, а через него с предметом доказывания, можно назвать вертикальным, а многоступенчатую связь доказательств с предметом доказывания — связью по вертикали. А. А. Эйсман называет такой ряд «последовательной системой доказательств» (Вопросы криминалистики, вып. 12, с. 55).

В. Н. Садовский, анализируя характер связей между элементами любой системы, выделяет прямую связь, которая, по его мнению, может быть как непосредственной, так и опосредованной, и косвенную связь. Рассматриваемую нами связь по вертикали он относит к прямым опосредованным (последовательным) связям (см.: Садовский В. Н. Указ. соч., с. 128—129).

[16] Такую связь В. Н. Садовский считает косвенной (там же).

[17] Шаламов М. П. Теория улик, с. 89.

[18] Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 105.

[19] Об аналогичных требованиях к совокупности доказательств по делу пишет А. М. Ларин (см.: От следственной версии к истине, с. 195—196).

[20] Степень точности установления таких обстоятельств, как время, место и некоторые другие обстоятельства преступления, может быть различной — в зависимости от характера преступления и конкретных его особенностей. Об этом будет сказано в следующей главе при рассмотрении проблемы достаточности доказательств.

[21] См.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств, с. 62.

[22] Колдин В. Я. Комплексные исследования в судебном доказывании.— Сов. государство и право, 1971, № 7, с. 111.

[23] См.: там же.

[24] См.: Осипов Ю. К. Косвенные доказательства в советском гражданском процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. Свердловск, 1954, с. 11.

[25] Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., Госюриздат, 1950, с. 293.

[26] Шаламов М. П. Теория улик, с. 96.

[27] См.: Эйсман А. А. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств, с. 60.

[28] А. М. Ларин говорит о таком свойстве системы, как ее непротиворечивость, и указывает, что она «состоит в соответствии и взаимосвязи фактических данных, отражающих естественную взаимосвязь обстоятельств исследуемого события» (От следственной версии к истине, с. 196).

[29] Некоторые авторы, имея в виду это свойство совокупности косвенных доказательств, говорят о «замкнутой цепи улик», что по изложенным выше соображениям представляется неправильным. Кроме того, система доказательств по делу не является замкнутой: она всегда открыта для включения в нее новых доказательств.

К главе V

[1] Гродзинский М. М. Некоторые проблемы теории косвенных доказательств.— Вопросы криминалистики, № 11. М., 1964, с. 5.

Аналогичный взгляд высказывает и Ф. Н. Фаткуллин (см.: Общие проблемы процессуального доказывания, с. 130).

[2] В этом смысле прав И. М. Резниченко, относящий допустимость к числу условий оценки доказательств (см.: Оценка доказательств в советском гражданском процессе. Автореф. дис. канд. юр. наук. М., 1968, с. 5). Однако нельзя согласиться с ним в том, что и относимость доказательств является таким же условием. Она, как будет показано ниже, представляет результат оценки доказательств.

[3] Некоторые авторы считают подобный анализ содержания элементом оценки доказательств (см., например, Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 187). С этим трудно согласиться: при качественной интерпретации доказательств не определяются какие-то ценностные свойства доказательств, а лишь выявляется их наличие; если доказательств нет, то не может быть и оценки.

[4–5] См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 12. Определение доброкачественности доказательств автор включает одновременно и в их оценку (см. с. 189—190, 163).

[6] Наличие обширной монографической литературы, посвященной тактике следственных действий, избавляет от необходимости рассмотрения их особенностей, связанных с собиранием и проверкой косвенных доказательств, и позволяет ограничиться лишь самой общей характеристикой этого аспекта следственной и судебной деятельности.

[7] См.: Шаламов М. П. Указ. соч., с. 117—119.

Это мнение нашло в последнее время и экспериментальное подтверждение. Исследованиями В. Е. Эминова, Н. И. Гавриловой и Г. В. Сарась установлено, что свидетели (даже очевидцы) лучше запоминают действия людей, чем их приметы, одежду и самое их количество, а тем более предметы, которыми они пользовались, и окружающие объекты (см.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 21. М., Юрид. лит., 1974, с. 147).

[8] См.: Шаламов М. П. Теория улик, с. 126—130.

[9] Проблема следственных версий в последние годы была всесторонне и глубоко исследована в трудах советских криминалистов. Заметный вклад в ее разработку вносят и отдельные криминалисты зарубежных социалистических стран. Это дает нам возможность остановиться лишь на тех сторонах данной проблемы, которые имеют непосредственное отношение к теме и направлению нашего исследования.

[10] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 555.

[11] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 418; Пещак Я. Следственные версии. М., Прогресс, 1976, с. 50.

[12] См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., Госюриздат, 1957, с. 39—40; Васильев А. Н. Следственная тактика. М., Юрид. лит., 1976, с. 60—61; Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., Юрид. лит., 1976, с. 44.

[13] См: Драпкин Л. Я. Сущность и классификация следственных версий.— Сборник ученых трудов Свердловского юридич. ин-та, вып. 31. Свердловск, 1974, с. 107.

[14] Наиболее разветвленную классификацию следственных версий предлагает А. М. Ларин (См.: От следственной версии к истине, с. 43—61). См. также: Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М., Юрид. лит., 1978, с. 20.

[15] См.: Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 69.

[16] См.: Драпкин Л. Я. Некоторые вопросы проверки следственных версий, с. 143—144; Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 74.

[17] В свое время мы уже изложили свою точку зрения по этому вопросу (см.: Сов. государство и право, 1965, № 2, с. 100—101). На практическую невозможность выдвижения всех мыслимых версий по делу указывают также А. А. Эйсман (см.: Логика доказывания, с. 103), А. Н. Васильев (см.: Следственная тактика, с. 71) и Г. М. Резник (Внутреннее убеждение при оценке доказательств, с. 68)

[18] Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., Госюриздат, 1958, с. 173.

[19] См.: Медведев С. И. Негативные обстоятельства и их значение в расследовании преступлений. Волгоград, 1973, с. 43.

[20] См.: Ларин А. М. Указ. соч., с. 179—180.

[21] Медведев С. И. Указ. соч., с. 31.

[22] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 301. На этой же позиции стоит Г. В. Арцишевский (см.: указ. соч., с. 100).

[23] Ратинов А. Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации.— В сб.: Вопросы кибернетики и право. М., Наука, 1967, с. 185. Этот же вывод А. Р. Ратинов повторяет и во вступительной статье к книге Я. Пещака «Следственные версии» (с. 13—14).

[24] См.: Старченко А. А. Указ. соч., с. 198.

[25] См.: Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 75.

[26] На это правильно, с нашей точки зрения, указывает А. А. Старченко (см.: указ. соч., с. 199).

[27] По этой причине мы считаем имеющим практическое значение предложенное Л. Я. Драпкиным деление версий на совместимые и несовместимые (см.: Сущность и классификация следственных версий, с. 111).

[28] Мы не можем согласиться с утверждением польского криминалиста Ф. Розенгартена: «Если версий остается больше, нужно принять версию, наилучшую для подсудимого» (F. Rosengarten. In dubio pro reo.— Nowe Prawo, 1973, № 12, s. 1789).

Если «версий остается бóльше», значит, проверка их еще не закончена и должна быть продолжена. В случае, когда, несмотря на все возможные меры, ни одна из версий не нашла достаточного

подтверждения, дело должно быть прекращено производством (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР).

[29] См.: Эйсман А. А. Логика доказывания, с. 108.

[30] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 427; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., Юрид. лит., 1976, с. 89; Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л., изд-во ЛГУ, 1974, с. 3, и др.

[31] См.: Гродзинский М. М. Некоторые проблемы теории косвенных доказательств.— Вопросы криминалистики, № 11. М., 1964, с. 4.

[32] См.: Эйсман А. А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореф. дис. докт. юр. наук. М., 1965, с. 32; Пошкявичус В. А. Применение математических средств при собирании, исследовании и оценке доказательств. Автореф. дис. канд. юр. наук. Л., 1968, с. 8; Лупинская П. А. Указ. соч., с. 90; Ларин А. М. От следственной версии к истине, с. 16, и др.

[33] См.: Гродзинский М. М. Указ. соч., с. 4; Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 177—178, и др.

[34] Мы разделяем точку зрения И. И. Мухина, согласно которой оценка доказательств отличается от их проверки главным образом тем, что первая представляет собой мыслительную деятельность (мы бы сказали: логическую сторону деятельности следователя, прокурора и суда), а проверка включает в себя выполнение различных процессуальных действий, направленных на исследование имеющихся доказательств и на отыскание новых (см.: Важнейшие проблемы оценки доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве, с. 9).

[35] П. А. Лупинская различает уровни доказанности фактических обстоятельств дела, под которыми она понимает различные моменты установления истины, характеризуемые различной полнотой исследования и степенью доказанности фактических обстоятельств дела. В этом смысле вероятные знания о событии преступления и виновности лица могут характеризовать «промежуточный» уровень доказанности (см.: Решения в уголовном судопроизводстве, с. 97).

[36] См.: Лупинская П. А. Указ. соч., с. 93; Пещак Я. Следственные версии, с. 138.

[37] См.: Драпкин Л. Я. Некоторые вопросы проверки следственных версий, с. 144—147.

[38] Эта сторона оценки вызывает обычно наибольшие трудности. П. А. Лупинская указывает, что данные опроса судей на курсах повышения квалификации Министерства юстиции РСФСР свидетельствуют, что решение вопроса о достаточности доказательств представляет для судей наибольшие трудности, гораздо большие, чем установление достоверности отдельных доказательств (см.: Решения в уголовном судопроизводстве, с. 94).

[39] Жиряев А. Теория улик, с. 33.

[40] Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу, т. I, вып. III. СПб, 1887, с. 341.

[41] Пещак Я. Указ. соч., с. 8.

[42] См.: Иванов О. В. Судебные доказательства в гражданском процессе. Иркутск, 1974, с. 41, 72—73.

[43] См.: Быховский И. Е. Особенности процесса познания при производстве следственных действий (опыт системного исследования).— В сб: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 61.

[44] См.: Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., Юрид. лит., 1973, с. 161.

[45] Ратинов А. Р. Указ. соч., с. 144.

[46] Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., Политиздат, 1976, с. 9. Автор правильно обращает внимание и на практическую роль вероятностно-статистических методов (с. 9—10).

[47] См.: там же, с. 23—28.

[48] Корюкин В. И. Вероятность и информация.— Вопросы философии, 1965, № 8, с. 40.

[49] См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник, с. 83—85.

[50] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 327.

[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.

[52] Сов. государство и право, 1964, № 12, с. 116.

[53] Резник Г. М. Указ. соч., с. 65.

[54] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 141.

[55] Фурман А. Е. Материалистическая диалектика (Основные категории и законы). М., изд-во МГУ, 1969, с. 41.

[56] Пойа Д. Как решать задачу. М., Учпедгиз, 1959, с. 172.

[57] См.: Эйсман А. А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе.— Сов. государство и право, 1966, № 6, с. 94; Он же. Заключение эксперта, с. 112.

[58] На то, что именно связь улик между собой придает им новое качество и отличает их от простой «суммы», обратил внимание А. А. Эйсман (см.: Сов. государство и право, 1966, № 6, с. 94).

[59] См.: Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., изд-во МГУ, 1969, с. 72—78.

[60] См.: Харкевич А. А. Очерки общей теории связи. М., 1955, с. 242.

[61] Гвахария О. Г. О некоторых особенностях формирования доказательств с позиций теории информации. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 17. Баку, 1974, с. 124.

[62] Там же, с. 129—130.

[63] Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974, с. 18. См. также: Иванов О. В. Марксистско-ленинская теория познания в советском судопроизводстве.— В сб.: Ленинские идеи и проблемы государства и права. Иркутск, 1970, с. 64—65.

В. Д. Арсеньев, ранее высказывавший аналогичные взгляды, изменил свою точку зрения и признает, хотя и в ограниченных пределах, критерием истины также и обобщенную практику (см.: Арсеньев В. Д. Критерий истины при установлении факти-

ческих обстоятельств дела в судебном и экспертном исследовании.— Труды ВНИИСЭ. Вып. 7. М., Юрид. лит., 1973, с. 103—106).

[64] Резник Г. М. Указ. соч., с. 80.

[65] См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине, с. 195.

[66] Шаламов М. П. Теория улик, с. 32.

[67] См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 г. по делу К.— Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1973, с. 42—44.

Оглавление

Глава I. **Понятие и структура доказывания с помощью косвенных доказательств** 3
1. Доказательства и предмет доказывания 3
2. Понятие косвенных доказательств 12
3. Структура доказывания с помощью косвенных доказательств 18

Глава II. **Формы связи косвенных доказательств** 23
1. Связи косвенных доказательств. Общая характеристика 23
2. Генетические связи 28
3. Хронологические и локальные связи 42
4. Связь соответствия (корреляционная связь) . . . 50
5. Иные формы связей 55
6. Некоторые вопросы методики выявления связей косвенных доказательств 58

Глава III. **Классификация косвенных доказательств** 67
1. Основания и значение классификации косвенных доказательств 67
2. Доказательства события преступления 73
3. Доказательства, устанавливающие субъекта и субъективную сторону преступления 79
4. Доказательства иных обстоятельств 90
5. Вспомогательные доказательства 93

Глава IV. **Система доказательств по уголовному делу** . . . 96
1. Особенности использования улик в доказывании и необходимость системного подхода к их исследованию 96
2. Структура системы косвенных доказательств . . . 99
3. Основные характеристики системы косвенных доказательств по уголовному делу 108

Глава V. **Основные процессуальные и криминалистические вопросы доказывания уликами** 116
1. Собирание и проверка косвенных доказательств. Процессуальные вопросы 116
2. Собирание и проверка косвенных доказательств. Тактические вопросы 120
3. Об особенностях оценки косвенных доказательств 134

Примечания 163

Александр Алексеевич Хмыров

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Редактор **М. М. Левина**
Обложка художника **В. В. Васильева**
Художественный редактор **И. Е. Сайко**
Технический редактор **И. Н. Жмуркина**
Корректоры **А. А. Ламм, Е. Ф. Лёвина**

ИБ № 887

Сдано в набор 11.03.79. Подписано в печать 26.06.79.
А-02277. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем: усл. печ. л. 9,66; учет.-изд. л. 10,43.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2935. Цена 65 коп.

Издательство «Юридическая литература».
121069, Москва Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Ивановского облисполкома,
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.